

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории

О.И. НЕКРАСОВА

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

*Ответственный редактор
доктор филологических наук Е.А. Цыпанов*

Сыктывкар, 2022

УДК 811.511.132'367.625.4
ББК 81.664.2-22
DOI: 10.19110/89606-032

Н48 Некрасова О.И. **ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КОМИ ЯЗЫКЕ** /
Отв. редактор Е.А. Цыпанов. – Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022. – 202 с.
ISBN 978-5-89606-623-1

Представленная вниманию читателей работа посвящена описанию синтаксических свойств коми деепричастия, его функций, связей и отношений в составе предложения и в контексте. Рассматриваются различные модели деепричастных конструкций, выявляются их компоненты, типы связей и отношений с деепричастием. Особое внимание уделяется своеобразию синтаксических отношений деепричастных конструкций в предложении, специфике функционирования конструкций в коми языке. К исследованию в контрастивном аспекте привлечен материал обоих разновидностей коми языка – коми-зырянского и коми-пермяцкого литературных языков и их диалектов. Выявлены и описаны архаичные, редкие и низкочастотные для обоих языков конструкции. Монография адресована для специалистов в области пермского и финно-угорского языкознания, филологов – студентов, аспирантов, преподавателей.

Nekrasova O.I. **ADVERBIAL PARTICIPLE CONSTRUCTIONS IN THE KOMI LANGUAGE** / Editor-in-chief E.A. Tsypanov. – Syktyvkar: FRC Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2022. – 202 p.

The work presented to the readers is devoted to the description of the syntactic properties of the Komi adverbial participle, its functions, connections and relationships in the sentence and in the context. Special attention is paid to the uniqueness of syntactic relations of adverbial constructions in a sentence, the specifics of the functioning of constructions in the Komi language. The material of both varieties of the Komi language – Komi-Zyryansky and Komi-Permyak literary languages and their dialects is involved in the study in the contrastive aspect. The material of both varieties of the Komi language – Komi-Zyryansky and Komi-Permyak literary languages and their dialects is involved in the study in the contrastive aspect. Archaic, rare and low-frequency constructions for both languages have been identified and described. The monograph is addressed to specialists in the field of Permian and Finno-Ugric linguistics, philologists – students, postgraduates, teachers.

УДК 811.511.132'367.625.4
ББК 81.664.2-22

Рецензенты:

кандидат филологических наук, доцент Р.П. Попова
(ФБГОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»)

кандидат филологических наук, доцент Г.В. Пунегова
(ИЯЛИ ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН»)

ISBN 978-5-89606-623-1

© О.И. Некрасова, 2022
© ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2022

Благодарности

Выражаю особую благодарность Евгению Александровичу Цыпанову, Галине Валерьяновне Федюновой, Светлане Александровне Сажиной за ценные замечания, поддержку, редактирование при подготовке монографии. Искреннюю признательность хочется выразить также коллегам и рецензентам Евгении Авенировне Айбабиной, Наталье Ивановне Гуляевой, Римме Павловне Поповой, Галине Васильевне Пунеговой, Елене Николаевне Федосеевой.

ВВЕДЕНИЕ

По справедливому замечанию исследователей, чем богаче набор деепричастий в некотором языке, тем тоньше оттенки смысла, которые может передавать отдельная форма как элемент общей системы [Черемисина, Колосова 2010: 115]. Их отличает как своеобразие морфологических признаков, так и значительный синтаксический потенциал. Деепричастные обороты с точки зрения грамматики не входят в формальный состав простого предложения, традиционно предложения с причастными, деепричастными оборотами, характеризующимися как семантические эквиваленты сложного предложения, объединяют общим наименованием «усложненные предложения» [Левицкий 2005: 298].

Языковые явления, относящиеся к усложненному предложению, представляют собой синтаксическую периферию, поскольку они не играют определяющей роли в структуре синтаксической единицы. Тем не менее и они нуждаются в глубоком анализе, составляя неотъемлемую часть синтаксической системы языка [Прияткина 1990: 3]. Исследователи отмечают сложность материала, когда речь идет о конструкциях, которые «располагаются на “лингвистическом пространстве” между сложным и элементарным простым предложением <...> и не обладают признаками ни сложного, ни простого предложения, будучи, однако, несомненными предложениями» [Черемисина, Колосова 2010: 81].

Система инфинитных глагольных форм в финно-угорских языках – явление, ведущее начало от прафинно-угорских отглагольных имен. Однако, несмотря на имеющееся сходство грамматических черт, характерных для языков агглютинативного типа, с помощью деепричастий в них могут создаваться как сходные, так и отличные друг от друга конструкции, различающиеся от конструкций языков других типов, напр., русского. Это касается и пермских (коми и удмуртского) языков, которые имеют достаточно оригинальную систему инфинитных глагольных форм с высоким синтаксическим потенциалом. Недостаточную изученность синтаксических функций пермских, и особенно коми, деепричастий в определенной степени можно связать с известным следованием коми языкознания традициям русистики, теориям, развитым на базе исследования русского языка, отличающегося, подобно другим индоевропейским языкам, развитой системой союзных средств, системе, «которая является и еще долго останется опорой для описания синтаксического строя иносистемных языков народов нашей страны» [Черемисина, Колосова 2010: 45]. Несмотря на достаточно долгое взаимо-

действие с русским языком, выработку системы союзных средств и формирование различных типов сложного предложения индоевропейского образца (особенно в коми языке), пермские деепричастия до сих пор сохраняют синтаксическое и функциональное своеобразие.

Коми язык отличается развитой системой деепричастных форм, в диалектах насчитывается свыше 20 деепричастных суффиксов. Они сыграли определенную роль в развитии синтаксического строя коми языка. Б.А. Серебренников считал деепричастные конструкции и абсолютные деепричастные обороты пережитком древнего синтаксиса коми языка [Серебренников 1967: 105]. Однако, будучи формами, еще «не завершившими свое становление в коми языке» [Федонева, Цыпанов 1992: 82], они не потеряли своей активности и актуальности и привлекают внимание лингвистов именно тем, что составляют специфику коми синтаксиса.

Г.С. Лыткин называл деепричастие *сёрникутысь содтӥс, букс* «прибавление к глаголу» [Лыткин 1889: 29], с помощью которого в народных произведениях зырян образуются особые обороты, особый строй речи, когда нет необходимости в союзах [Лыткин 1889: IV]. А.С. Сидоров определял причастные / деепричастные конструкции в коми языке как «отглагольный оборот, т.е. отглагольные слова с относящимися к ним подчиненными управляемыми и примыкающими словами», составляемый по типу определительных словосочетаний, а именно: слова в составе отглагольного оборота располагаются в следующем порядке: подчиненные предшествуют, подчиняющие последуют [Сидоров 1953: 46]. В.А. Сорвачева к причастному / деепричастному оборотам относит причастие / деепричастие в роли главного слова вместе с относящимися к нему словами [СКЯ 1967: 11, 47, 66]. Аналогичные определения встречаются в работах исследователей родственных языков: деепричастная конструкция – глагольное (деепричастное) словосочетание – сочетание деепричастий с зависимыми и независимыми словами [Перевошиков 1959: 99]. В настоящем исследовании мы придерживаемся определения, понимающего под «конструкцией» сочетание слов, выступающее в качестве одной синтаксической единицы [Васикова 1986: 123]. Данный подход позволяет выявить грамматическую (синтаксическую) сочетаемость деепричастий, синтаксические функции конструкции, особенности функционирования ДК в предложении, синтаксической системе коми языка.

Данное исследование преследует цель описать синтаксические свойства деепричастий коми языка, так как «деепричастия могут быть участниками речевого процесса, лишь вступая в грамматические и смысловые связи с другими словами и словосочетаниями, иными словами, лишь в составе предложений» [Исанбаев 1961: 75], а также рассмотреть связи, функции, значения конструкций в предложении. Объектом настоящей работы являются деепричастные конструкции (ДК) коми и коми-пермяцкого литератур-

ных языков. Данное определение включает как обороты деепричастия с зависимыми от него словами (деепричастный оборот – ДО), так и другие сочетания (конструкции) с деепричастием в составе.

Исследование охватывает материал коми-зырянского и коми-пермяцкого литературных языков, объединяя их термином «коми язык». В работе автор придерживается той точки зрения в вопросе выделения пермских языков, которая поддерживает выделение двух пермских языков: удмуртского и коми (а не трех: удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого). Е.А. Цыпанов по этому поводу отмечает, что данная точка зрения более объективно отражает лингвистическую реальность, в едином коми языке выделяя два литературных варианта – коми-пермяцкий и коми-зырянский, отражающие региональные диалектные особенности. «С точки зрения этнографии коми-зыряне и коми-пермяки образуют отдельные этносы, однако они сохраняют единство языка как диахронно-системного образования, что наглядно доказывает былое единство их происхождения» [Цыпанов, 2009: 87].

Монография написана на основе материала, извлеченного из письменных источников: произведений художественной литературы, фольклора, коми-зырянских и коми-пермяцких диалектных текстов, периодической печати, словарей, научных публикаций, электронной справочно-информационной системы – национального корпуса коми языка ЭККЯ – Электронный корпус коми языка: <http://komicorpora.ru/>.

Глава I

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ДЕЕПРИЧАСТИИ

1.1. Представление о деепричастии в лингвистике

В отечественной лингвистике деепричастие включено в систему именных глагольных форм (другие названия: вербоиды, неличные формы глагола, непредикативные формы глагола, инфинитные формы глагола (ИФГ)), в которой процесс (действие, состояние), оставаясь по существу процессом, частично представляется как признак (причастие) или же частично опредмечивается (герундий, инфинитив), в разных языках это инфинитив, герундий, причастие, деепричастие, супин и т.п. [Ахманова 2007: 172]. Следует отметить существование широкого и узкого понимания глагола как части речи. Это, «в свою очередь, влияет на отнесение деепричастия к форме глагола, сочетающей признаки наречия и глагола, – при широком понимании, узкое понимание выводит деепричастие за пределы глагольной системы, квалифицируя его как самостоятельную часть речи или особую разновидность наречия» [Шигуров 1988: 19].

Деепричастия обладают особым набором грамматических и синтаксических черт. Их относят к классу слов, связанных с понятием смешанных частей речи [Пешковский 1956: 103–104], к гибридной наречно-глагольной категории [Виноградов 2001: 319–325], к лексико-грамматическому классу слов с набором некоторых дифференциальных признаков двух частей речи одновременно – вербально-адвербиальному контаминанту [Сидоренко 2005: 43–48]. Начиная от А.И. Смирницкого [Смирницкий 1959], ряд исследователей русского языка [Волоцкая 1964: 126, 150; Буланин 1983: 94–115; Кузнецов 2001] выделяет грамматическую категорию – категорию репрезентации, основанную на соотношении личных и именных форм глагола, в которых процесс представлен либо в чистом виде, либо осложнен предметными или «признаковыми» моментами. Деепричастие определяется как одна из основных форм глагола с грамматическим значением полупредикативной репрезентации (обозначение действия как сопутствующего другому действию), выражаемым грамматическими категориями вида, залога и относительного времени и типичной синтаксической позицией второстепенного сказуемого [Кузнецов 2001: 109].

В типологических исследованиях деепричастие, наряду с отглагольным именем с предлогом или послелогом, относят к конвербам (CONV). Оно определяется как глагольная форма, которая синтаксически зависит от другой глагольной формы, но не является ее синтаксическим актантом, т.е. не реализует ее семантических валентностей, занимает позицию сирконстанта (обстоятельства) [Недялков 1990: 36; 1995: 97]. М. Хаспельмат по-

зиционирует конверб как нефинитную глагольную форму, основная функция которой – маркировать адвербиальное подчинение [Haspelmath 1995: 3]. По заключению О.П. Суника, «Converbum и деепричастие – понятия разных планов и объемов. Смешивать их и подменять одно другим <...> нецелесообразно». «Автор термина Converbum Г.И. Рамстедт объединял под названием Converbum не только деепричастия, но и “все глагольные образования, которые своими окончаниями и значением указывают на то, что предложение незакончено и что основной глагол, завершающий высказывание, следует дальше” [Рамстедт 1951: 118]» [Суник 1962: 175]. Определяя Converbum как совокупность глагольных форм незаконченной предикации, Рамстедт включал в их число и такие формы, которые другие исследователи именуют (не без оснований) «причастиями», «отглагольными именами» и т. п. [Суник 1962: 175]. «В типологическом аспекте “конверб” понимается как глагольная форма, характеризующаяся нефинитностью и адвербиальной семантикой. Именно в таком смысле конвербы определялись в работе В.П. Недялкова» [Nedjalkov 1998: 421]. «Нефинитность здесь понимается как невозможность глагольной формы (независимо от наличия у нее лично-числовых согласовательных показателей) употребляться как единственная глагольная форма в простом неэллиптическом предложении. Адвербиальность предполагает выражение одного (или нескольких) из списка обстоятельственных значений, главными из которых являются относительно-временные (или таксисные) – т.е. значения одновременности, предшествования или следования. Помимо этих обстоятельственных значений конвербы могут выражать значения образа действия, условия, уступки, причины и некоторые другие значения. Именно типологическое понимание категории конвербов позволяет избежать терминологического хаоса и рассматривать в сравнительно-сопоставительном плане обстоятельственные причастия английского языка, деепричастия русского языка, герундий французского языка, инфинитивы финского языка и аналогичные по семантике “неконечные” глагольные формы других языков» [Недялков 2015: 185–186]. Таким образом, «в типологической перспективе исследования моделей выражения таксиса причастия и деепричастия принято рассматривать в рамках “нефинитной” модели, использующей специализированные глагольные формы, которые обычно не выражают граммем (абсолютного) времени и в синтаксическом отношении являются зависимыми от той глагольной словоформы в предложении, которая выражает абсолютное время. С морфосинтаксической точки зрения такие зависимые таксисные формы являются “адъективными” (т.е. причастиями) либо адвербиальными (т.е. деепричастиями)» [Плунгян 2003: 271].

1.2. Деепричастия в зырянских, коми-пермяцких диалектах и литературных языках

Для финно-угорских языков, по сравнению с индоевропейскими, характерно относительно многообразное употребление именных форм глагола [Хакулинен 1955: 248]. Деепричастиям русского языка соответствуют образования, имеющие в финно-угорских языках статус как деепричастий, так и инфинитивов, напр., в финском [ГФЯ 1958: 172], эстонском [Пялль 1955: 163], карельском [Зайков 1999: 84–87], вепском [Зайцева 1981: 269–279], проявляя признаки глагола, существительного и наречия [ГФЯ 1958: 172; Fokos-Fuchs 1958: 277; Цыпанов 2000в: 347 и др.], так как исторически деепричастия первоначально представляли собой падежные формы имен действия [Рятсеп 1957: 17].

Глагольная система коми языка делится на подсистемы финитных (личных, спрягаемых) и инфинитных (неличных, неспрягаемых) форм. Финитные формы – это глагол, инфинитные – «гибридные», сочетающие признаки глагола с признаками именных частей речи: прилагательных, наречий, существительных, – инфинитив, причастие и деепричастие. Глагольные черты содержат также существительные – имена действия, отглагольные имена (*Verbalnomina*), «в трактовке формальных и семантических отношений которых с инфинитными формами, а также в принципах их систематизации и описания существует несколько подходов». В первом случае это подход, выделяющий «своеобразную реликтовую категорию вербальных имен. Они могут использоваться в качестве субстантивов, адъективов (причастий), и даже финитных глагольных форм, при этом отдается предпочтение синтаксическому принципу анализа функций суффиксов и значений их производных; <...>. Другой подход предполагает разграничение категорий отглагольных имен и инфинитных глагольных форм, оформленных тождественными суффиксами» [Федюнева 1985: 61–66].

В финно-угорских языках отмечается относительно позднее становление системы инфинитных глагольных форм, для деепричастий прапермского языка восстанавливаются формы: *k*-овые (кз. *-иg*, кп. *-ик*, удм. *-ку*), *t*-овые (к. *-тöдз*, *-тöг*, *-ыд*, *-ыт* (уд.), *-мöн* и *-са* [Цыпанов 2011б: 294–295]. В синхронии образование самой многочисленной группы деепричастий в коми языке происходит на базе суффикса кз. *-иg*, кп. *-ик* двумя способами: 1) соединением суффикса *-иg* с послелогом (*-иgмоз*, *-иgкоста*, *-иgтыр* ~ *-иgтырийи*, *-иgчöж* ~ *-иgчöжён* и т.д.); кп. *-ик коста*, *-ик кежö*; 2) соединением кз. *-иg*, кп. *-ик* с падежным суффиксом (без указания субъекта): *-иgён*, *-иgын*, *-икö*; с указанием субъекта: *-игам*, *-игад*, *-игас*, *-икам*, *-икат*, *-икас* и т.д. от глагола, как и деепричастия с суффиксами *-тöг*, *-тöдз*, *-мöн*, *-мысьт*, коми-пермяцкие на *-тöн* [см. Бубрих 1949: 135–138; КПЯ 1962:

280–283; Цыпанов 1997б: 181]. Путем транспозиции *причастие* → *деепричастие* образованы конвербы на *-ан*, *-ана*, *-ёма* [Цыпанов 1997в: 56–58], сочетание отглагольных имен на *-ан* с послеложным суффиксом *-моз* дает *-анмоз*, а отглагольных имен на *-ём* в форме инструменталя → *-ёмён* [Цыпанов 2000в: 383; 384], в образовании форм *-ига*, *-анаа* участвует суффикс наречия *-а* [Цыпанов 2000в: 355].

На современном этапе развития в пермских языках сформирована система именных глагольных форм, дифференцируемая исследователями как причастия, инфинитивы, деепричастия. В пермских языках имеется ряд общих деепричастных форм, таких как *-тöдз* (удм. *-тозь*), *-тöг* (удм. *-тэк*), *-к*-овые (кз. *-иг*, *-кп*. *-икö*, удм. *-ку*), однако среди близкородственных языков лишь в коми языке насчитывается наибольшее количество деепричастных форм. Только в удмуртском языке есть деепричастия с формой на *-са* (исследователи выделяют также формы на *-мтээн*, *-мтэысь*, *-мен*, *-эмысь*, *-мысь*), только в коми-пермяцком деепричастия с формой на *-тён* (*-тöнь*). Несмотря на то, что большая часть этих форм зафиксирована в различных крупных исследованиях: грамматиках, монографиях, в том числе посвященных описанию диалектов, отдельных статьях, определенное их количество все же осталось за пределами описания системы деепричастий коми языка. Они обнаруживаются в словарях, различных произведениях, разговорном языке, переводной литературе, материалах по диалектам. Напр., в материалах Т. Утилы встречаются формы на *-иг* с послеложными элементами *-иг* *вöдзö* и *-иг* *вылö*, представленные в удорском диалекте: *пыишас кö туй кузяс шыр, сйа тöдöмысь туй помассиг вöдзö* (ST. В.ІІІ. 1989:392) 'если по дороге пробежит (перебежит) мышь, понятно, дороги не будет (букв. перед окончанием пути)'; *Урыд сюрö кокнас капкан кытиас. Кытишö карöма пружинаыс збитиг былö* [ST. В.ІІІ. 1989: 358]* 'Белка попадает лапой в кольцо капкана. Кольцо сделано для того, чтобы сбить пружину (букв. для сбивания пружины)'; *новлöдлöны закуситиг былö нянь выйкöt* [ST. ІІІ. 1989:358] 'носят для перекуса хлеб с маслом'. В современной литературе можно встретить такие *-иг*-овые образования, как *-игводзö*, *-игпыр*-, *-игбыд* и др.: *Тянылы гöсьтинеч вая, – туйиссö-ö-асьö дорйигпырысь шуышитс Вась* [Чисталев 2010/ ЭККЯ] 'Гостинец вам несу, – защищая не то себя, не то свой туес, проговорил Вась'; *Керкаын лоис шоныд, да коркö вой помланьыс, югдигводзылас* Олöш унмовис бур унмён [Афанасьев 1985 / ЭККЯ] 'В избе стало тепло, и когда-то ближе к концу ночи, перед рассветом, Олеш крепко заснул'.

В настоящей работе зафиксированы не только известные и широко употребительные в литературных языках и диалектах деепричастия, но и мало-

* Примеры из сборников диалектных текстов «Zyrian Texts» К. Редери (ZT) и «Syrjänsche Texte» Т. Утилы (ST) даны в графике коми литературного языка.

употребительные, редкие, устаревшие, бытующие в устной речи, извлеченные из различных источников. Примеры с ними даны в Приложении 2, формы приведены далее в сводной таблице в Приложении 1.

В коми языке, как и в других языках финно-угорской семьи на территории России, для дефиниции изучаемых глагольных форм в основном применяется термин «деепричастие» [Грибанов 1940; СКЯ 1955; Перевощиков 1959; Исанбаев 1961; КПЯ 1962; ГСУЯ 1962; СКЯ 1967; ГСУЯ 1970; ГМЯ 1980 и др.], отдельные исследователи также пользуются термином «отглагольное (вербальное) наречие» [Рогов 1860: 56–57; Бубрих 1949], «деепричастное наречие» [Суханова 1951], наречие [Зубов 1931; Зубов 1933; Нечаев, Питю Ёньё 1933; Нечаев 1935]. Зарубежные исследователи [Wiedemann 1884; Uotila 1938; Wichmann, Uotila 1942; Fokos-Fuchs 1958] применяли термин «Verbaladverb», относя некоторые формы к Verbalnomina [Uotila 1938: 59; Wichmann–Uotila 1942: 409–410; Fokos-Fuchs 1958; Stipa 1960], в современном зарубежном финно-угроведении и в типологических исследованиях популярны термины «конверб» (converb) и «герундий» (англ. Gerund), «Adverbial Participles» [Недялков 1995; Haspelmath 1995; Ylikoski 2001; Ylikoski 2003; Hamari 2011], в современной коми лингвистике принято пользоваться термином «ногакыв» (подробнее см.: [Цыпанов, Андреева 2010: 102–111]).

Выделение разрядов деепричастий и определение статуса форм вызывало у исследователей определенные затруднения (деепричастие, деепричастное наречие, инфинитив в некоторых падежных формах, отглагольное имя – Verbalnomina, отглагольное наречие, конверб), что отражено в работах, посвященных истории и проблемам исследования коми деепричастий, адвербиализации [Федюнева, Цыпанов 1992; Цыпанов, Андреева 2010; Цыпанов 2011а: 130–145; Федюнева 2000в: 425–427; Некрасова 2014: 168–173]. В системе деепричастий коми языка можно наблюдать еще не завершившиеся процессы образования форм, переходные явления в сфере инфинитных глагольных форм (причастий в деепричастия), активизацию диалектных форм в литературном коми языке, адвербиализацию и т.д. [Федюнева, Цыпанов 1992: 81–85; Цыпанов 1997в: 57–58; 2000в]. Анализ подходов к определению деепричастия и его грамматических признаков в коми языкознании (как и в некоторых других финно-угорских языках – удмуртском, марийском, мордовских) (подробно об этом см.: [Цыпанов, Андреева 2010: 102–111]) демонстрирует стремление сблизить эти глагольные формы, несмотря на явные различия их грамматических черт, с русским деепричастием. Деепричастие при этом определяется как «глагольная форма, которая совмещает в себе признаки глагола и наречия», выделяются глагольные и наречные признаки – общее значение действия, наличие видовых и залоговых суффиксов, способность управлять зависимыми словами, определяться наречием, неспрягаемость, несклоняемость, подчинение глаголу способом примыкания, обозначение

признака другого действия, синтаксическая функция обстоятельства и второстепенного сказуемого [Лыткин 1929: 43; Бубрих 1949:135–143; СКЯ 1955: 243; Перевошиков 1959; Исанбаев 1961: 3; КПЯ 1962: 280; ГСUY 1962: 269; ГМЯ 1980: 354–356]. В.С. Суханова считает наиболее приемлемым вместо названия «деепричастие», по ее мнению, не совсем объективно отражающего истинное положение вещей, название «деепричастное наречие». Деепричастные наречия определяются как «группа наречий, исторически представляющая собой застывшие формы отглагольных имен существительных, сохраняющая некоторые глагольные категории и глагольное управление, которое обусловлено их происхождением, выступающая в предложении в функции обстоятельственных слов (а также могущая выступать в позиции второстепенного сказуемого)» [Суханова 1951: 25].

Ряд исследователей (F.J. Wiedemann, T. Uotila, D.R. Fokos-Fuchs, П. Кокла, Е.А. Цыпанов) в качестве основных признаков деепричастий пермских языков выдвигает глагольные и именные (а не наречные), что свойственно деепричастиям пермских языков вследствие происхождения последних от отглагольных имен. По мнению Е.А. Цыпанова, более достоверное представление о деепричастии пермских языков дают работы Ф.Й. Видемана, Т. Уотилы и особенно Д. Фокоша-Фукса, который определяет деепричастие (*Verbaladverbe*) в пермских языках следующим образом: «Деепричастие – отглагольное имя, которое снабжено падежным окончанием, реже не имеет его и может выполнять роль обстоятельства. Его характер как отглагольного имени раскрывается отчасти в глагольных, отчасти в именных чертах: как глагольное образование, оно может иметь дополнения, как настоящий глагол (аккузативный объект и различные обстоятельства), может обозначать способ действия (одновременность и предшествующее действие, реже последующее действие). Номинальный характер деепричастия выражен в том, что оно принимает посессивные суффиксы, ранее и падежные окончания» [Fokos-Fuchs 1958: 277]. В данной дефиниции у деепричастий справедливо выделяются глагольные и именные особенности как основные [Цыпанов, Андреева 2010: 108].

Именные свойства деепричастий. По данным лингвистов, среди пермских языков – удмуртского и коми – наибольшую архаику черт демонстрируют коми-зырянские деепричастия, особенно *-k*-овые формы (на *-иg-*), которые, подобно существительным, принимают суффикс множественного числа *-яс* (*мунігбн* 'идя' – *мунігъясбн* 'во время многих хождений') [Цыпанов 2011а: 138]. Кроме того, у деепричастных глагольных форм отмечаются следующие именные черты: а) деепричастия способны присоединять посессивные суффиксы (Рх) **субъектной отнесенности** (изменяются по определенно-притяжательной категории), напр., кз. *велӧдчигӧнды* (Рх2sg) 'во время твоей учебы', *узигкостаныс* (Рх3Pl) 'букв. во время спа-

ния их'; кп. *мунікам* (Px1sg) 'я идя', *мунікам* (Px2sg) 'ты идя', *мунікас* (Px3sg) 'он (она) идя', *муніканым* (Px1Pl) 'мы идя' и т.д.; б) сочетаются с послелогоми, определенную группу которых в современной традиции уже относят ко вторичным или послеложным суффиксам, образующим новые разряды деепричастий. В современной орфографической практике для них, как правило, в большинстве случаев характерно слитное написание (в коми-зырянском литературном языке): *-игтыр*, *-игсор*, *-игчѳж*, *-игкості*, *-игкежлѳ*, напр., *локтігкежлѳ* 'к приходу', *ворсігмоз* 'играя, играючи' (ÖKK 2000: 370–381), и раздельное в коми-пермяцком: *локтік кежѳ* 'к приходу', *вуджик коста* 'переходя' (КПЯ 1962: 281–282; Баталова 1982: 152). Притяжательные суффиксы могут присоединяться не к деепричастию, а к послелогу, который к нему относится: *мунік кежам* 'к моему отъезду', *малиналік костаным* 'когда мы собирали малину' [КПЯ 1962: 281–282]; в) коми-зырянские деепричастия иногда могут определяться прилагательными, в основном с временной семантикой: *рытья лысьтытѳдз* 'до вечерней дойки' [Бубрих 1949: 138; Лудыкова 2007: 354–355, 384; Лудыкова, Федина 2001: 66]. В отличие от удмуртского, «в деепричастной системе коми языка широко распространены синонимичные морфологические показатели и деепричастные формы, очень развита вариативность формантов (особенно на основе элемента -иг)» [Цыпанов 1997б: 183]. По мнению Е.А. Цыпанова, наличие грамматических свойств существительных (у деепричастий) не должно квалифицироваться как пережиток в историческом отношении [Цыпанов 1997б: 182]. Среди падежных суффиксов, послуживших образованию деепричастий, наибольшую известность и распространение в коми языке получили суффиксы инструментalia (-*т-ѳн*, -*ѳм-ѳн*, -*иг-ѳн*), инессива (-*иг-ын*), иллатива (-*ик-ѳ*, -*иг-ам*). Вместе с тем встречаются достаточно редкие или диалектные случаи использования падежных форм. Напр., в лузско-летском и удорском (в вашском говоре) диалектах А.С. Сидоровым зафиксированы примеры, где к деепричастному форманту -*иг* агглютинируется суффикс инструментalia определенно-притяжательного склонения 2 и 3 лица -*над*, -*нас*: лл. *Уджалигнад коди вѳтлас* 'Если будешь работать, кто выгонит', *быдмигнас* 'когда он рос, в его детстве', *мунигнас* 'когда он уходил' [ЛЛД 1985: 92], *сѳигнас* 'во время еды', *мунигнас* 'во время ходьбы'. А.С. Сидоров говорит о них как о «промежуточных формах на пути к слиянию с предыдущим суффиксом -ѳн» [Сидоров 1930: 54], ср. лит. -*игѳн-ыд* (-*игад*), -*игѳн-ыс* (-*игас*) [ÖKK 2000: 360]. Не зафиксирована в научных трудах редкая форма сочетания кз. -*иг* с показателем комитатива (-*кѳд*): -*игкѳд*, которую можно встретить, напр., в статьях коми литературного критика А.С. Забоева (Сан Антуса) в журнале «Ордым» (Ордым, 1927, № 5, с. 44; 1929, № 11, с. 47): *вузалѳм кусігкѳд* 'с угасанием торговли'; *вусасьѳм быдмигкѳд* 'с ростом торговли', *гижысыяс быдмигкѳд* 'с совершенствованием писателей':

15-дд немон вузаом жемб, быр. Мукд-муса вузаомяс во-
лмомс дурдны. Вовлын олмыс нжмб, лантб. Вузаом кусг-
кд кутас кусны | вовывса јбзјаслн (щбщ комлн) культуранс.
јбз. Вузаом бымігкд, быміс щбщ вузаом капітал: вузаомяс
кутісны бдјб озырмыны. Коміјаслн вузаом-капітал бымомс мед-
лчан гјжбјас бора. Мд-кб, таво кжб літературным тбдчана быміс да
јоніс, гјжмјас бымігкд. КАШ оз веры векофа вјбдны література бмд-

Современный писатель А. Ульянов также прибегает к использованию -иг-овой формы в комитативе: *Велддгкд тибти тдмддсны став-нымс, кыдзи перйоны тані изшом* (Ульянов 2012 / ЭККЯ) 'Во время уче-бы (букв. вместе с обучением) всем также показали, как добывают уголь'. В литературных произведениях можно встретить также редкие сочетания -иг-овой формы с некоторыми послелогоми, напр., кп. -ик + бърсянь 'после': *Ме ог вунот, кыдз ми овим деревняын Самарскй губерняын. Владимир Ильич кажнй асыв чай юик бърсянь* мунвис нугаезон и тетраддезон садб <...> (Лилина 1925: 17) 'Я не забуду, как мы жили в деревне в Самарской губернии. Владимир Ильич каждое утро после чаепития уходил с книгами и тетрадами в сад'; у Д.Р. Фокоша-Фукса: кз. -иг + дор- 'у, при': *кулгдор, кулгдорыд* 'на смертном одре, при смерти' [Fokos-Fuchs 1959: 500–501]:

kulig : k.-dorid gerni za'vogi:tin Le
(IV 37) jetzt, da du dem Tode nahe
bist (da du am Sterben bist), hast du
zu pflügen angefangen. *k.-dor jurbitnj*
medas Le (IV 41) dem Tode nahe,

Кулгдорыд гърны заводитін 'При
смерти начал пахать'
Кулгдор юрбитны мдас 'Начал при
смерти молиться'

Коми-зырянские и коми-пермяцкие деепричастия имеют **глаголь-ные категории**. Это категории залога, способа глагольного действия, напр., кз. *пывсигон* 'парясь (в бане)' – *пывсддггон* 'паря (кого-либо в бане)'; *котортг* 'пробегая' – *котортыштг* 'пробегая (немного)' – *котралг* 'бегая (какое-то время)'; кп. *ва киссикб* 'пока вода льется' – *ва кисьталікб* 'разливая воду', *наськыт ва дорын юськбт аддзисьтбн* (Оласб 1990: 109) 'встречаясь с лебедем у широкой реки'. В коми языке замечено [см. Цыпанов 2005: 234] ограничение образования инфинитных глагольных форм от рефлексивных глаголов в имперсональном значении (так называемый безличный пассив): *Ванялбн сьывсб* 'Ване (букв. У Вани) поется', *Ванялбн сынавсбма юрсисб* 'У Вани волосы уже причесаны', что является свидетельством недавнего возникновения значения. Для деепричастий, как и для других инфинитных форм, характерно то, что «они подчиняют себе другие слова на тех же началах, как и финитные формы, в частности, подобно финитным формам, управляют падежами. В этом и выражается утрата ими именного характера и их вхождение в систему глагольных форм» [Бубрих 1955: 71], формирующих

структуры с вторичной предикацией. Термин «первичная предикация» обозначает, что предикативные отношения должны быть оформлены личной формой глагола, в отличие от «вторичной предикации», при которой глагол выступает в неличной форме или даже может быть полностью опущен [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981: 145]. Глагольные черты коми-зырянских и коми-пермяцких деепричастий, кроме способности к управлению зависимыми распространителями по глагольному типу и образованию деепричастных оборотов (т.е. выражению дополнительной предикации), выражаются также в способности к созданию абсолютных деепричастных конструкций с выраженным субъектом действия деепричастия [Цыпанов 1998а: 94]. При этом в деепричастных оборотах сохраняется строгий порядок слов: подчиненные предшествуют подчиняющему, деепричастие сохраняет финальную позицию, тем самым «повторяя нейтральный порядок слов в языках типа SOV» [Понарядов 2010: 85–86].

Теории, развитые в функциональном направлении изучения синтаксиса, охватывают также деепричастие, которое А.В. Бондарко рассматривает как основное средство выражения зависимого таксиса в функционально-семантическом поле таксиса [ТФГ 2013: 234–320], трактуемого как функционально-семантическое поле, которое формируется различными средствами, объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, выражаемых в высказывании, конструкции с причастиями и предложно-падежные конструкции рассматриваются как периферийный компонент поля таксиса [ТФГ 1987: 77; 2013: 240]. Изучение таксисных отношений и таксисных функций некоторых коми-зырянских конвербов включено в типологическое исследование таксиса в языках мира [Муравьев 2014; 2017а; 2017б].

Группировка деепричастных форм коми языка с точки зрения выражения относительного времени у исследователей различается. Категорию времени у деепричастий отрицает А.И. Кипрушева [СКЯ 1955: 243]. Н.Д. Манова, отмечая, что категория времени у коми деепричастий более абстрактна, чем у русских деепричастий, выделяет три группы: 1) деепричастия (с суффиксами *-иг*, *-игӧн*), способные к выражению относительного времени; 2) деепричастия, выражающие, кроме относительного времени, обстоятельственное значение (*-ӧмӧн*, *-тӧдз*, *-игмоз*); 3) деепричастия, у которых значение относительного времени совершенно отсутствует (с суффиксами *-тӧг*, *-мӧн*) [Манова 1984; 1987: 146]. Согласно Е.А. Цыпанову, системные оппозиции внутри системы деепричастий коми-зырянского языка охватывают выражение таксисных отношений: а) предшествования, б) одновременности действия деепричастия относительно основного и в) последующего за основным действием [Цыпанов 2000в: 246–347].

Соответственно, выделяются деепричастия коми-зырянского языка со значением предшествования (или прошедшего времени), отличающиеся редким, устаревшим употреблением (наиболее активны в XIX в.) и диалектной окрашенностью, которые представлены формами *-мысьт* /*-мысь* (*-мыс'ти* вв., *-мис'тэн* нв. и другие диалектные варианты) 'после того как...': <...> *кыдзи петмысьт вичко шёрё Вывті равзё дяк апостол* 'как выйдя в середину храма, кричит дяк-апостол' (И. Куратов). К деепричастиям со значением следования, вместе с деепричастиями на *-мысьт*, Т.В. Кренделева относит также деепричастия на *-ёмён* [Кренделева, 2010а, 2010б], при том что «СПП с разновременными отношениями – это предложения, в которых действие, представленное в главной части, предшествует действию придаточной части или происходит после него. Конструкции, в которых действие главной части начинается сразу после окончания действия, выраженного в придаточной части, называются предложениями со значением *следования*. А СПП, в которых действие главной части может совершаться раньше действия придаточной части, называются предложениями *предшествования*» [Кренделева, 2010а: 19].

Наиболее многочисленна группа со значением одновременности (или настоящего времени) – деепричастия с *-иг*-овыми формами, формами на *-ана*, *-анмоз*. Деепричастия одновременного действия образуют лексико-грамматические разряды, связанные грамматической синонимией: *-иг* (*-иг*, *-игён*, *-игам*, *-игад*, *-игас*, *-игкості*, *-игчѳж*, *-игмоз*, *-игсор*, *-игсорён*, *-игтырйи* (+ формы с Rx), *-игтыр* и т.д.: *мыйкѳ равзѳсор котѳртісны туй кузя челядь* 'что-то крича, бежали по дороге дети', *зэригён лоис ыркыд* 'во время дождя стало прохладно' и т.д. Коми-пермяцкий материал включает деепричастия с формами *-икѳ*, *-икам*, *-икат*, *икас* (+ плюральные формы), *-ик коста*, *-икмоз*, *-ик дырни*; *-тѳн*, *-тѳнRx*; *-ѳмѳнмоз*, каритивами на *-ѳмѳн*, напр., *Ме, сѳртни корсѳ тѳвбыт сѳйтѳн*, *аддзан мыйѳ пѳри* (Оласѳ 1990: 23) 'Смотри, во что я превратился, питаюсь всю зиму ботвой репы'; *Тышкасик коста* *уськѳтисѳ пызан вылісь пань* (Оласѳ 1990: 159) 'Во время драки уронили со стола ложку'; *Усикас нюзѳтас кисѳ Кудым-Ошланьѳ* (Оласѳ 1990: 258) 'Падая, протянул руку в сторону Кудым-Оша'.

Деепричастия со значением одновременности – предшествования (или настояще-прошедшего времени) могут указывать на действие, которое предшествовало / не предшествовало главному действию либо происходит / не происходит в одно и то же с ним время – в коми-зырянском континууме представлены формами *-тѳг* и *-ѳмѳн*, напр., *неѳѳг восьтѳмѳн пуксис лыд-дысьсны* 'сел читать, раскрыв книгу' / *мунѳ туй кузя, кинас шенасьѳмѳн* 'шагает по дороге, размахивая руками'. В данную группу, очевидно, можно включить форму на *-иг*, которая, согласно данным Е.А. Цыпанова, иногда может обозначать не только одновременность, но и предшествование [Цыпанов

2000в: 355–357]. В.С. Суханова также отмечала, что «в современном коми литературном языке образование на *-иг* не связано с представлением о настоящем времени», что подтверждает примером: *Керка сайё дзебсиг сійё дыр видзёдіс туй вылё* 'Спрятавшись за дом, он долго смотрел на дорогу' [Суханова 1951: 5; 6]. В подобных примерах есть возможность замены *-иг*-овой формы деепричастия формой на *-ёмён*.

Одновременно-разновременные коми-пермяцкие деепричастия представляют формы *-ёмён*, *-тёг*: *Ветвётвис жагёничока, мыйкё думайтёмён* (КПП 1980: 39) 'Ходил медленно, о чем-то размышляя'; <...> *кымёррез увдёрсянь веськыта чериались горт одзё уськётчис, борддэсё жмитёмён, орёл* (Оласё 1990: 99) 'Из-под облаков прямо на дом рыбака бросился, поджав крылья, орел'; *Сьёд тоша мужик пукаліс радз вылас, коккесё ёшётёмён, видзис вожжи* (Минин, 1997: 115) 'Мужик с чёрной бородой, свесив ноги, сидел на плетёнке, держал вожжи'; *Ош казаятёг тальччас сы вылё [шыр вылё] да и ляпкётас* (Оласё 1990: 15) 'Медведь, не заметив, наступил на нее (на мышь) да и раздавил'.

Деепричастия со значением последующего действия (по отношению к главному), или будущего времени представлены в коми-зырянском языковом континууме формами на *-тёдз*, *-икжежлё* со значением 'к какому-либо действию, до какого-либо действия' [Цыпанов 2000в: 344], диалектными формами на *-тёдз войдёр*, *-тись войдёр* вв., *-тись вёт'ти* уд., напр., сс. *Кыа эськё ме лысва косьмытёдз*, <...> (ОКЗР, 1971: 119) 'Буду прясть я до высыхания росы'; *пёжасикжежлё дасьтис нянь шомёс* 'к хлебопечению поставила тесто'. Среди деепричастий с таксисным значением следования рассматриваются также герундиумы на *-мён* коми-зырянского языка в [см. Сергеева, 2015: 288, 293–294], напр., *Вася уджаліс мудзмён* 'Вася работал до усталости'. У Т.В. Кренделевой деепричастия на *-тёдз* и *-икжежлё* отнесены к выражению предшествования: «Значение предшествования в СПП выражается союзами *кор* 'когда', *пока эг(ё) / эн(ё) / эз(ё)* 'пока (я(мы) / ты (вы) / он/она(они)) не', *кытчёдз эг(ё) / эн(ё) / эз(ё)* 'пока (я(мы) / ты (вы) / он/она(они)) не'. Их семантическими эквивалентами являются обороты с отглагольными существительными с послелогами *водзын*, *водзвылын* 'до, перед' и деепричастия с суффиксами *-тёдз* и *-икжежлё*» [Кренделева 2010а: 23].

Коми-пермяцкие деепричастия со значением разновременности (главное действие предшествует) представлены формами *-тёдз*, *-икжеж*: <...> и *мужиккес ешитсё сувтётны лымыс усьтёдз мёдік керку* (Федосеев, 1991: 51) 'и мужики успели построить до выпадения снега другой дом'; *Кёр Танялён мамыс уджалё ойнас, сы локтік кежё* нылес пуё сёянсё горын <...> (Баталов, 1997: 127) 'Когда Танина мать работает в ночную смену, к ее приходу дочь варит еду в печи'. К группе деепричастий разновременного значения можно отнести формы, функционирующие в диалектах

и редко встречающиеся или уже утраченные в современном языке (табл. 1) кп. -ик *бёрсянь*, кз. -иг *вёдзё*, -иг *вылё*, -иг *вёсна*, -иг *водзад*, -тёдз *войдёр*, -тись *войдёр*, -тись *вётти*, -ытвылё, -ыткежё, -ытвёдз, -иг *дор*.

Обособленно стоят деепричастия (герундиумы) на -мён, -мёнъя в коми-зырянском континууме, несущие не временное, а модальное значение потенциального действия, меры и степени его проявления: *Пызан чегмён лёсьёдёма сёан-юансё* 'Еды наготовлено столько, что стол ломится' [Цыпанов 1998в: 215; 2000в: 344–403; 2005: 22]. В значении степени действия данные деепричастия синонимичны деепричастиям с формой на -тёдз в том же значении.

Деепричастия некоторых разрядов коми языка, а именно -*ёмён*, иногда могут присоединять формант – формообразующий суффикс степеней действия глагола -*кодъ* > -*ёмёнкодъ*, который располагается после деепричастного суффикса и передает значение неполноты действия, напр., *Глафира Петровна лэптыштліс пельномъяссё, легёдыштис кикарнас улёс мышсё, код дінё ёшійёмёнкодъ вёлі пуксьёма*: – *Кыдзи примиті...* (Куратова, 1981 / ЭККА) 'Глафира Петровна приподняла плечи, потрогала ладонью спинку стула, на котором сидела, слегка опираясь: – Как приняла...'; *Сёрнитліс том ныккёд важнёя, ыджыдё пуксьёмёнкодъ* (Куратова, 2015 / ЭККА) 'Разговаривал с девушкой важно, слегка претендуя на старшинство'.

Наречные свойства деепричастий. Кроме именных и глагольных признаков, различные исследователи, как правило, отмечают у деепричастий признаки наречия: неспрягаемость, несклоняемость, соединение способом примыкания с основным глаголом, значение признака действия, функция обстоятельства в предложении [КПЯ 1962: 280]. В работах лингвистов 20–30-х гг. XX в. деепричастия принято относить к наречиям [Сидоров 1924; Молодцов 1928; Лыткин 1929: 42; 44], напр., у В.И. Лыткина формы на -иг (-*игён*, -*игад*) отнесены к наречию времени, формы на -*мён* – к количественным наречиям, формы на -*тёдз*, -*тёг* – к наречиям образа действия. В XIX в. Н.А. Рогов в коми-пермяцком языке (в Разделе III. «Об образовании наречий», §121) современные деепричастия на -*тёдз* и -*тёг* рассматривает как наречия, образованные от некоторых глагольных корней, принявших окончания двух падежей: шестнадцатого -*тёдј* и двадцатого -*тёг*: «-тёдј употребляется для означения достижения до какого-либо состояния или действия, напр., *кодјытёдј* 'до опьянения, допьяна', *мыдјытёдј* 'до устали', *узјтёдј* 'до сна'» <...> [Рогов 1860: 99–100], как деепричастие, т.е. наречие отглагольное, выделяет три разряда, образования настоящего времени на -*ыкё*, -*ікё*, деепричастия прошедшего времени -*тён*, -*тёнъ*, отглагольное существительное с суффиксом восьмого (творительного) падежа, «в виде деепричастия», *повземён* «испугавшись» [Рогов 1860: 56–57]. В учебниках для школ, изданных в 30-е гг. прошлого века (авторы А. Зубов (1931) /

Питю Ёньё (1933), Ф. Зубов (1933, 1934), Г.А. Нечаев (1935), Ф.А. Тупицын (1935) и др.) деепричастные образования коми-пермяцкого языка даны в разделе «Урчитан» («Наречие»). В состав наречий авторы включают «все глаголы, которые принимают после глагольной своей основы суффиксы» *-ик(ё)*, *-тёдз*, *-тёг*, *-тён*, формы с определенно-притяжательными суффиксами. Отмечается, что отглагольные наречия изменяются – присоединяют определенно-притяжательные суффиксы (см., напр., [Нечаев 1935: 68]). К наречиям времени («када урчитаннэз») относят формы, образованные с помощью суффиксов *-ик(ё)*, *-тён*, *-тёдз*, к наречиям образа действия («керан-вёчан урчитаннэз», «керётан урчитаннэз») отнесены формы на *-тёг*, *-ёмён*, *-сён* [Нечаев, Питю Ёньё 1933: 58–60].

Глава II

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ДЕЕПРИЧАСТИЙ. ИСТОРИЯ ВОПРОСА

2.1. Изучение синтаксиса деепричастия в отечественной лингвистике

Исследование вопроса об осложнении предложения посредством включения различных конструкций с инфинитивными глагольными формами прошло в отечественной лингвистике различные этапы, начиная от «теории сокращенного предложения» Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева. Теорию обособленных оборотов (второстепенных членов предложения) разрабатывал А.М. Пешковский. А.Г. Руднев, анализируя и выявляя слабые моменты теории А.М. Пешковского, замечает, что «определение и классификация обособленных членов сугубо формалистичны: смысловые признаки в определении обособленных членов предложения подменены формальными моментами (мелодия и ритм), сами обороты получили наименование по морфологическому выражению организующего центра оборота (обособленное прилагательное, обособленное деепричастие и т.д.). Смысловые и синтаксические функции обособленных членов предложения у А.М. Пешковского остались нераскрытыми [Руднев 1968: 126]. Роль деепричастий в предложении русского языка А.А. Потебня, А.А. Шахматов определяют как "второстепенное сказуемое" [Шахматов 1941; 2001: 471–472; Потебня 1958: 185–197]. В результате последующих разработок относительно роли деепричастий в структуре предложения определилось несколько точек зрения, что указывает на дискуссионность данного вопроса: 1) только как на обстоятельство; 2) как второстепенное сказуемое или обстоятельство; 3) только как предикативное обстоятельство; 4) как второстепенное сказуемое и обстоятельство одновременно» [Шигуров 1988: 44].

В рамках формально-грамматического направления исследования синтаксиса причастные и деепричастные обороты рассматриваются как специализированные конструкции, несущие функцию дополнительной предикативности, – обороты, в которых употреблены словоформы с событийной семантикой, осложняющие предложение [Прияткина 1990: 7, 35; Лекант 2004: 208]. Обороты – это типизированные синтаксические конструкции, члены предложения, заключающие название события или положения, которое реализуется в простом осложненном предложении. С предикативной основой или отдельными распространителями они связываются особыми отношениями и особыми видами синтаксической связи – не сочинительной и не подчинительной, а полупредикативной [СРЯ 2003: 644]. Обороты, как правило, представляют собой словосочетание, это их внутренняя форма [Прияткина 1990: 17; Лекант 2004: 209], на связь с основным предикатом у деепричастия указывает сама словоформа [Прияткина 1990: 32].

Являясь языковой единицей синтаксиса – моделью распространения слова [Сиротинина 1980: 28], словосочетания классифицируются в первую очередь по структурно-семантическому типу, «модель словосочетания во многом определяется морфологической природой главного слова» [Сиротинина 1980: 27]. Согласно последней классификации, причастные и деепричастные конструкции относятся к глагольным словосочетаниям.

Деепричастия все чаще становятся объектом внимания типологов и других лингвистов в связи с разработкой концепций второстепенных предикатов – результивных, депиктивных и т.д., в различных языках [напр.: Nichols 1978: 123–124; Schultze-Berndt, Himmelmann 2005; Nevskaya 2010, 2014; Невская 2015; 2019]. И.А. Невская на примере тюркских языков отмечает, что «следует различать как минимум следующие синтаксические функции деепричастий: 1) деепричастие как предикат зависимой предикативной единицы, 2) деепричастие как обстоятельство при основном предикате и 3) деепричастие как второстепенный депиктивный или результивный предикат. <...> Деепричастие всегда является предикатом зависимой предикативной единицы, если оно имеет собственную синтаксическую функцию. В том случае, если деепричастие входит в просодическую группу главного предиката, а также разделяет его темпоральные и модальные характеристики (как скопус отрицания), то его предикативность еще больше урезается, оно становится обстоятельством образа действия (если оно семантически в большей степени связано с главным предикатом и выражает образ его действия, практически не имея связи с субъектом конструкции), либо второстепенным депиктивным или результивным предикатом (если оно семантически в большей степени связано с субъектом конструкции и выражает его дополнительный признак). Депиктивный и результивный предикаты между собой различаются по временным характеристикам: действие депиктивного предиката происходит во временных рамках, задаваемых главным предикатом, а результив выражает состояние, наступившее после действия главного предиката» [Невская 2015б: 91–92]. Депиктивы в коми языке и конвербы в качестве депиктивов коми языка (*converbs as depictives*) рассматриваются Г.А. Некрасовой и М. Лейнонен [Leinonen 2009; Leinonen, Nekrasova 2017].

М.Я. Блох отмечает, что «в современном парадигматическом подходе к синтаксису как к деривационной системе на уровне конструкционных моделей установлена синтаксическая единица, служащая деривационным зачином парадигматического производства предложений разного функционального назначения и разной степени сложности. Эта единица – ”ядерное предложение”, которое в структурном плане совпадает с элементарным предложением, но переосмысливается теорией парадигматического синтаксиса как изначально-базовый конструкционный компонент синтакси-

ческой парадигмы» [Блох 2004: 158]. Переход от предложения к именной группе (собственно от глагола к имени) образует континуум, в центральной зоне которого располагаются всякого рода промежуточные «полупредикативные» структуры (деепричастные и причастные обороты, инфинитивные и абсолютные конструкции), обнаруживающие признаки прототипического предложения, с одной стороны, и признаки прототипической именной группы – с другой [Мальчуков 2008: 150]. Эти конструкции можно интерпретировать как результаты преобразований (трансформаций) обычных (эксплицитных) сложных предложений [Левицкий 2005: 307].

Г.А. Золотова, соотнося неспрягаемые формы глагола – инфинитив, причастие, деепричастие и девербатив с личными глаголами-предикатами, рассматривает их в качестве синтаксических дериватов глагола-предиката, используемых в системе предложения как способы вторичного, имплицитно-предикативного обозначения действия, предикативные категории которых (время, модальность, лицо) используются лишь частично и относительно глагола-предиката. Предложения, включающие в свой состав полупредикативные компоненты, становятся полипредикативными, или предикативно конденсированными [Золотова 2010: 183]. М.В. Всеволодова относит причастные и деепричастные обороты к числу способов свёртывания информации [Всеволодова 2000: 440]. М.А. Шелякиным общая функция деепричастий сводится к функции «второстепенного предиката», так или иначе соотносительного во времени с главным предикатом [Шелякин 2001: 139, 143]. Деепричастные конструкции попадают в фокус исследования при функциональном изучении различных языковых категорий, напр., как одна из синтаксических структур, реализующих категорию следствия в русском [Шустер 2005: 9–10] и мокшанском [Имярекова 2000: 132–134] языках.

Д.И. Арбатский функционально-семантическое поле деепричастий определяет как промежуточную область между процессуальностью и обстоятельственностью – область обстоятельственной процессуальности / процессуальной обстоятельственности, специфика которой заключается в том, что «реальные процессы, действия, состояния являются нередко одновременно причиной, условием или иным обстоятельством другого события, и наоборот, обстоятельственность оказывается по своей природе процессуальной» [Арбатский 1980: 108]. В предложении деепричастия выполняют роль полупредикативного или предикативного обстоятельства [Арбатский 1980: 108; 118; Васева-Кадынкова 1967: 83]. В.И. Чуглов рассматривает деепричастный член как второстепенный член *второстепенное сказуемое-обстоятельство* [Чуглов 2012: 29–30].

О.М. Чупашева, определяя деепричастие как синкретичное грамматическое явление, отмечает полупредикативную связь деепричастия в предложении в качестве обязательной и ведущей, основанной на одновремен-

ной двойной связи деепричастия с глаголом-сказуемым (или с компонентом предложения за пределами предикативного центра) и с членом предложения с субъектным значением [Чупашева 2010: 5–6]. Она стоит на позиции рассмотрения основной функции деепричастия в предложении как обстоятельства, не поддерживая при этом сторонников определения функции деепричастия как второстепенного сказуемого, объясняет это лишь относительным сходством полупредикативных членов с предикативными, неспособностью их самостоятельно создавать предложения, быть сказуемыми [Чупашева 2010: 14].

Деепричастия привлекаются лингвистами в связи с исследованиями процессов переходности в системе языка в свете теории транспозиции, трансляции для описания процессов, которым могут подвергаться предложения [Балли 1955; Теньер 1988]. «В синтаксической системе языка отглагольной транспозиции принадлежит ключевое место среди прочих видов транспозиции. В теории транспозиции деепричастие (вместе с герундием в испанском, португальском и французском языках, супином в латинском и старославянском и т.д.) рассматривается как транспозат в транспозиции глагол → наречие» [Богданов 1977: 159].

Смысловая организация предложения исследуется рядом лингвистов через понятие «пропозиция». Она понимается как модель называемого предложением «положения дел», как его объективное содержание, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных значений и от тех особенностей, какие придает ему та или иная формальная организация предложения [Белашапкина 1989: 688–691]. Различают два способа синтаксического выражения пропозиции: предикативной конструкцией (первичный способ) и непредикативной конструкцией: деепричастной, инфинитивной, причастной, адъективной или субстантивной (вторичный способ). «Особенность вторичного способа заключается в том, что оформленная таким образом пропозиция функционирует обычно в связке с другой пропозицией, выраженной предикативной конструкцией, образуя вместе с ней семантически осложненное предложение» [Казаков 1994: 45], т.е. простое предложение имеет несколько семантических предикатов. А.Ф. Прияткина замечает, что «с этой точки зрения предложение, имеющее деепричастный оборот, нужно оценить как семантически сложное, или "двухбазовое", уже потому, что деепричастие – это глагол, семантический предикат» [Прияткина 2010: 145]. «Считается, что понятие пропозиции позволяет снять противоречие, наблюдаемое при описании синтаксических функций деепричастия, когда помимо функции второстепенного сказуемого у деепричастий выделяется функция обособленного обстоятельства, при этом не учитывается тот факт, что обстоятельство не может коррелировать с подлежащим». И далее: «При строгом подходе обстоятельственные от-

ношения устанавливаются не между сказуемыми, а между пропозициями» [Белявцева 2006: 58].

В языковой системе наблюдаются различные переходные явления. От деепричастий могут образовываться наречия, предлоги, вводные слова и сочетания. Е.Т. Черкасова замечает, что, в отличие от глагола, «неличные формы (кроме инфинитива) связаны с другими частями речи теснее, и возможности их перехода в другие морфологические разряды слов шире. Таковы, напр., деепричастные формы, которые, оставаясь в системе форм глагола, тяготеют к утрате тех признаков глагольного слова, которые им присущи: при определенных условиях они могут утрачивать эти признаки и приобретать новые, типичные для других разрядов слов (наречий, модальных слов, предлогов) [Черкасова 1967: 214]. При переходе в другие части речи у деепричастий ослабляется или утрачивается значение дополнительного действия, они обозначают признак действия, употребляются без зависимых слов, обычно стоят в конце предложения после глагола-сказуемого, могут заменяться синонимичными наречиями. В русском языке перешли в наречия деепричастия *лежа, стоя, сидя, молча* и др., образовали фразеологические обороты: *жить припеваючи, работать спустя рукава*. «С деепричастиями связаны происхождением некоторые производные предлоги: *благодаря, несмотря (на), невзирая (на), судя (по)* и союзы: *хотя, несмотря на то что, невзирая на то что*» [Адамчик 2008: 498].

Т.В. Шмелева, исследуя функционирование деепричастий и деепричастных сочетаний в качестве вводных элементов, отмечает, что конструкции вносят вклад не в событийное содержание предложения, а в его модус, обеспечивают выполнение кодекса речевого поведения. Модусная функция деепричастных оборотов – результат взаимодействия трех факторов: свойства речевого компонента смысла предложения – имплицитность и тенденция получать вербальное проявление в определенных условиях; грамматическая природа деепричастий – побочность, одновременность, незамещаемость субъектной позиции; лексическая семантика глаголов речи, мысли и их сочетаемость. В этой системе конструкции с деепричастиями оказываются в соседстве с конструкциями спрягаемо-глагольными, инфинитивными, «квазиусловными»; ср. ряд *по правде говоря, скажем прямо, правду сказать, если быть откровенным* [Шмелева 1984: 64–70].

Если в русистике, по замечанию А.Л. Мальчукова, понятие полипредикативной конструкции еще не приобрело терминологического статуса и преимущественно используется в функционально-ориентированных исследованиях (Г.А. Золотовой, А.В. Бондарко), то в исследованиях по алтайским языкам вопрос о статусе полипредикативных единиц – конструкций с инфинитивными формами – решается в терминах «сложносаяпанное предложение» (В.Г. Адмони), «полипредикативная конструкция синтетического

типа» (М.И. Черемисина) [Мальчуков 2008: 162], «бипредикативная монофинитная конструкция» (Л.А. Шамина) – сложное предложение (ППК), состоящее только из двух предикативных частей (бипредикативное), где предикатом главной предикативной единицы (ГПЕ) является финитная форма глагола, а предикатом зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) – инфинитная форма [Шамина 2004]. В алтайских языках «вопрос о критериях выделения предикативных единиц имеет, как правило, большую остроту», что связано с большей распространенностью в них конструкций с инфинитными (деепричастными или причастно-падежными формами), которые функционально соответствуют сложноподчиненным предложениям в европейских языках, а полипредикативные конструкции союзного типа маргинальны [Мальчуков 2008: 153–154]. «В языках алтайской типологической общности показатель связи синтетических полипредикативных конструкций – не отдельное служебное слово, а морфема в составе синтетической словоформы зависимого сказуемого – предикативной вершины сложноподчиненного предложения. Как словоформа она сочетает в себе лексический компонент, представленный основой глагола и аффиксальную, грамматическую часть, которая и служит выразителем синтаксической зависимости, синтаксического смысла полипредикативной конструкции. Основные типы форм, которые в алтайских языках выполняют эту функцию, известны. Это причастия, деепричастия, именные формы глагола» [Структурные типы 1986: 3–4].

2.2. Изучение синтаксиса деепричастия в финно-угроведении

Синтаксические теории, развитые в работах русистов, зачастую брались за основу при описании синтаксиса различных языков России. В финно-угорских языках именные глагольные формы выступают главным компонентом глагольного сочетания [Майтинская 1960: 67–78; 86–89; СКЯ 1967: 11–12; ГСУЯ 1970: 15; Лудыкова 1993: 8; Лельхова 2007: 16 и др.]. В диахронной перспективе инфинитные конструкции прослеживаются с финно-угорского периода, который характеризуется отсутствием сложноподчиненных предложений и наличием вместо некоторых типов придаточных предложений конструкций, состоящих из отглагольных имен с зависимыми членами, в дальнейшем определившихся как причастия и деепричастия [Майтинская 1974: 389]. Относительно происхождения и развития конструкций – односубъектных и разнособъектных – мнения исследователей разделяются: отглагольные конструкции рядом исследователей считаются проявлением древнего паратаксиса финно-угорского праязыка, употреблявшегося как дублет сложноподчиненных предложений [Collinder 1965: 64; Janhunen 1982: 39]. Обзор А.Ф. Шутова показывает, что происхождение разнособъектных конструкций выводится из определительных сло-

восочетаний П.Н. Перовошиковым, Н.М. Терещенко, из самостоятельных предложений Ф.Й. Видеманом, Д.Р. Фокошем-Фуксом, Л.И. Калининой, Г. Штипой, А.Ф. Шутовым [Шутов 2002: 34]. В.В. Понарядов, основываясь на обнаруживаемый параллелизм порядка слов в инфинитных (причастных, деепричастных, масдарных) оборотах с нейтральным для SOV языков порядком слов в пермских языках, также делает вывод об исторической производности осложняющих оборотов от ранее самостоятельных предложений [Понарядов 2010: 57].

Современный этап развития синтаксиса финно-угорских языков характеризуется наличием в них сложных предложений индоевропейского типа, но при этом устойчивость сохраняют и «весьма близкие к придаточным предложениям» [Майтинская 1960: 11] причастные, деепричастные и другие конструкции, которые могут иметь собственный грамматически выраженный субъект действия. Обзор подходов к классификации предложений с субъектными деепричастными конструкциями в их составе в финно-угорском языкознании [Шутов 1978: 283–289; Васикова 1990: 51–54] показывает, что интерпретация синтаксической природы субъектных деепричастных конструкций носит дискуссионный характер: они рассматриваются или как обороты в составе простого предложения [Хакулинен 1955: 258; Перовошиков 1959; Исанбаев 1961; Серебrenников 1967: 105; Ууспыльд 1969: 172–176; Шутов 1979а; Валитов 1980], или как простые предложения в составе сложных синтетических предложений [Алатырев 1967; 1969], или в качестве особого структурно-семантического разряда в системе бессоюзных сложных предложений [Васикова 1986: 122–142], или же как конструкции, занимающие промежуточное положение между оборотами в простом предложении и придаточными предложениями [Балашша 1951: 362; Майтинская 1960: 142]. Понятие «осложненное предложение» недостаточно разработано в общей теории синтаксиса в целом. Обзор мнений относительно определения синтаксического статуса абсолютных конструкций в индоевропейских языках также демонстрирует расхождения взглядов. Согласно Л.С. Исаковой, абсолютная конструкция определяется как разновидность придаточного предложения, обладающая полной или частичной грамматической независимостью от остальной части предложения [Sweet 1903: 124–125 и др.], построенная на основе логической связи с остальным предложением, не несущая никакой грамматической функции [Pence 1947: 56]. В зарубежной лингвистике все еще распространено представление об абсолютной конструкции как о «редуцированном» или эллиптическом предложении. Многие грамматисты рассматривают абсолютные обороты как сокращенные придаточные предложения. По решению английской комиссии по унификации грамматической терминологии абсолютные обороты следует именовать «адвербиальными эквивалентами» [Исакова 2003: 13 – 24].

Идея трансформационной сущности именных глагольных форм, выражающаяся в эквивалентности именных глагольных форм и придаточных предложений, следование традициям русистики нашла отражение еще в ранних грамматиках разных финно-угорских языков Ф.И. Видемана: удмуртского [Wiedemann 1851: 129]; эстонского [Wiedemann 1875], коми-зырянского (Wiedemann 1884: 176, 167, 169) в терминах «сокращенного придаточного предложения». П.И. Савваитов отмечал, что «глагол с относительным местоимением может быть сокращен в причастие, а с личным местоимением и союзом – в деепричастие» [Савваитов 1850: 97]. Далее эта линия прослеживается в работах исследователей, обращающихся к вопросам синонимии конструкций, вариантов придаточных предложений, параллельных конструкций, семантических аналогов придаточного предложения [Перевошиков 1959: 66; Сидоров 1953: 45; Усупыльд 1967; Ушаков 1975а, 1975б, 1977, 1981; Бузакова 1991: 3–8; Шутов 2002: 7; Кренделева 2010а, 2010б]. В финском языке особенность оборотов отражена в наименовании синтаксических конструкций *lauseenvastikkeet* «заместители предложения», в котором они служат заместителем изъяснительного придаточного (причастные конструкции – *kertova lauseenvastike*), временного (*temporaalinen lauseenvastike*), а также модальные конструкции с инструктивным второго инфинитива (*modaalirakenne*), целевые конструкции (*finaalinen lauseenvastike*) [Койвисто 2002: 222]. Эквиваленты предложений с именными глагольными формами в финском языке исследованы Л. Хакулинемом [Хакулинен 1955: 248–271], З.М. Дубровиной [Дубровина 1972; 1977].

О.Г. Борисова в рамках теории полипредикативности на материале эрзянского языка выделяет темпоральные виды полипредикативных конструкций (где зависимый предикат выражен деепричастием и имеет собственный субъект), целевые (где зависимый предикат выражен деепричастием, главная и зависимая конструкции не могут иметь общий субъект действия), изъяснительные (субъект зависимой части выражен генитивом, предикат – причастием настоящего времени действительного залога в транслативе) [Борисова 2005].

В русистике определение синтаксического статуса деепричастий, как уже отмечалось, характеризуется дискуссионностью. В современном русском языке «независимо от того, имеет деепричастный оборот обстоятельное значение или нет, любое деепричастие, не перешедшее в наречие, обозначает второстепенное действие. На этом основании для квалификации синтаксической функции деепричастия предлагается использовать термин “второстепенное сказуемое”. Деепричастие рассматривается в качестве морфологизированного выражения второстепенного сказуемого» [ССРЯ 2009: 165]. Подобный взгляд на статус и функции деепричастия в предложении заимствован и отечественными финно-угроведами. В пермских,

марийском, мордовских языках исследователями применяются определения «второстепенное сказуемое» и «обстоятельство» [Перевошиков 1959: 235; Исанбаев 1961: 80, 113; СКЯ 1967: 103; Лудыкова 1993: 83]. Традиционно в грамматиках и исследованиях языков финно-угорской семьи деепричастные конструкции рассматриваются как члены предложения: обстоятельства (образа совершения действия, времени, меры и степени и т.д.) и второстепенного сказуемого [Перевошиков 1959; Майтинская 1960: 166–197; Исанбаев 1961; СКЯ 1967: 65–77, 103; ГСУЯ 1970: 162, 177; Илькинова 1977: 17, Лудыкова 1993: 67–70, 83; КЯЭ 1998: 297; 2009 и др.]; Л.А. Андреева оперирует определением «зависимое» (неконечное) сказуемое: «деепричастие – это инфинитная, неспрягаемая форма глагола, функционирующая как зависимое (неконечное) сказуемое и выражающая определенный характер отношения обозначаемого действия к другому (главному) действию» [Андреева 2008б: 68]. С точки зрения структуры, внутренней формы конструкции относят к глагольным словосочетаниям [Перевошиков 1959; Шутов 1979б; Цыпанов 1997в; Калинина 2001].

Теорию полипредикативного синтаксиса (сибирская школа), ее принципы описания полипредикативных конструкций в финно-угорских языках применяют для хантыйского [Ковган 1991; Кошкарёва 1991, 2007а, 2007б], мансийского [Скрибник 1995] языков. Г.П. Иванова использует теорию для описания сложного и осложненного предложений вепсского языка (сибирский говор) в сопоставительном аспекте (с финским, эстонским, карельским и водским языками), в котором предикативные части (ЗПЕ), выраженные инфинитивом или причастием, оформляют монофинитную синтетическую ППК [Иванова 2014].

В пермских языках подробно исследованы деепричастия и деепричастные конструкции удмуртского языка [Перевошиков 1959; Шутов 1979б, 2002]. П.Н. Перевошиков рассматривает их в двух аспектах: 1) исследует состав членов конструкции, смысловые связи с деепричастием как с главным членом словосочетания, формы выражения этой связи; 2) конструкции рассматриваются в плане определения их значения и синтаксической функции как определенной структурно-семантической единицы предложения [Перевошиков 1959]. А.Ф. Шутовым исследованы абсолютные конструкции удмуртского языка, деепричастные конструкции рассматриваются в связи с решением вопросов развития гипотактических отношений [Шутов 1979б; 2002].

2.3. История изучения коми деепричастий и их синтаксических свойств

Специальных исследований по синтаксису инфинитных глагольных форм коми языка, в частности деепричастий, сравнительно мало. Заслуживают внимания работы, посвященные порядку слов в деепричастных конструкциях [Сидоров 1953; Редеев 1996; Цыпанов 1999б, Понарядов 2010]. Вопросы, касающиеся различных аспектов функционирования деепричастий, синтаксического статуса форм, стилистики, рассматриваются в разделах грамматик, монографий [Stipa 1960; СКЯ 1967; Лудыкова 1993, 2012б; Bartens 2000 и др.], диссертационных исследований [Игушев 1990а; Кренделева 2010а; 2010б], в отдельных статьях [Манова 1984; Namari 2011].

2.3.1. Исследования в области коми-зырянского языка

В грамматиках А. Флерова (Флеров 1813), А.И. Шегрена (Sjögren 1832), X. Габеленца (Gabelentz 1841), М. Кастрена (Castrén 1844), П.И. Савваитова (Савваитов 1850), Н. Рогова (Рогов 1860), Ф.Й. Видемана (Wiedemann 1884), И.А. Куратова (Куратов 1939) относительно деепричастных форм даются краткие сведения. Е.А. Цыпанов заметил, что в грамматиках XIX в. уже выделялись деепричастия коми (зырянские), чаще всего в двух разрядах настоящего и прошедшего времени. Более полное представление различных разрядов деепричастий наблюдается в грамматиках X. Габеленца, И.А. Куратова, Ф.Й. Видемана [Цыпанов 2011а: 133]. Исследователь группирует источники фиксации и описания деепричастных форм. Это диалектные монографии, нормативные грамматики [Д.В. Бубриха; СКЯ 1955 (автор раздела А.И. Кипрушева), ГКПЯ 1961, ÖKK 2000: 324–403 (автор раздела Е.А. Цыпанов), специальные исследования монографического характера и статьи (Суханова 1951; Fokos-Fuchs 1958; Stipa 1961; Манова 1984, 1987 и др.), работы, затрагивающие вопросы происхождения деепричастий (Fokos-Fuchs 1958; Stipa 1960; Серебенников 1963; Цыпанов 1985: 263–271, 1997б: 176–179; Bartens 2000; Csucs 2005) [Цыпанов 2011: 145]. Деепричастия обсуждаются в работах В.И. Лыткина [1977], Г.А. Некрасовой [Некрасова 1997 и др.], Г.В. Федюновой – в связи с исследованием образования наречий в коми языке [Федюнова 2000: 425], А.Н. Кармановой [Карманова 1998] и др.

Конструкции именных глагольных форм Ф.Й. Видеманом описаны в духе русских грамматик того периода, объяснявших образование причастных и деепричастных конструкций и выполняемых ими функций в предложении с точки зрения теории сокращенного предложения, поэтому конструкции с этими формами трактуются как «сокращенные предложения» [Wiedemann 1884: 176, 167, 169], отмечается также способность иметь собственный формально выраженный субъект либо суффикс (у дееприча-

ствия), указывающий на субъект, не совпадающий с субъектом основного глагола в предложении. Ф.Й. Видеман останавливается также на конструкциях с формой *-ug* (*adzis najaõs uzig* 'увидел их спящими, букв. спя'), в которых форма на *-ug* употребляется как причастие-приложение (Apposition) к объекту от глагола *adzis* 'увидел' [Wiedemann 1884: 167]. Исследователем (в числе других ученых) отглагольные конструкции рассматривались также в аспекте исследований языкового родства финно-угорских языков с азиатскими (маньчжурскими, монгольскими, тюркскими) как один из аргументов в пользу близости этих языков, так как «по мнению Видемана, наиболее характерные общие свойства указанных выше семей языков касаются <...> главным образом синтаксиса, <...> в том числе предпочтительное употребление так называемых "присоединительных" глагольных форм (причастных или деепричастных конструкций), а не союзов» [Рясянен 1968: 43]. Эту особенность синтаксиса коми языка отмечал также Г.С. Лыткин [Лыткин 1889].

В «Грамматике зырянского языка» П.И. Савваитов посвящает отдельную главу деепричастиям [Савваитов 1850: 115–117]. Так, им зафиксированы конструкции деепричастий с самостоятельным субъектом. В число субъектных (абсолютных) оборотов в зырянском языке, отмеченных П.И. Савваитовым, попали также калькированные обороты с дательным субъекта (*Dativus Absolutus*), традиционные для старославянского, церковнославянского языков, древнерусского языка письменных источников, представляющие в коми языке продукт буквального перевода текстов религиозного характера. Их также приводит Х.К. Габеленц с деепричастиями на *-myst* [Gabelentz 1841: 72]. В разделе «О предложениях» П.И. Савваитов рассматривает функции частей речи, в том числе деепричастий. За деепричастиями им закреплена основная функция – определительная при сказуемом. Относительно конструктивных возможностей форм исследователь ограничивается лишь сообщением, что «определения <...> могут сопровождаться своими определениями и дополнениями» [Савваитов 1850: 94–97]. Давая характеристику сложного предложения, автор отмечает возможность замены придаточной части сложного предложения причастием или деепричастием, тем самым затрагивая вопрос синонимической замены конструкций. Как заметила В.М. Лудыкова, П.И. Савваитов первым начинает говорить об эквивалентах предложений [Лудыкова 2012а: 118].

Активное исследование коми языка продолжается в послереволюционный период, характеризуемый, по замечанию В.А. Молодцова, тем, что синтаксис зырянского языка не разработан [Молодцов 1928: 4]. В ряде работ поднимается вопрос присоединения определенно-притяжательных суффиксов к деепричастным формам. В одной из ранних работ А.С. Сидорова отмечается отличие морфологической системы коми языка, которое

«не позволяет по отношению к нему (языку) применять тех грамматических категорий, которые явились как результат классификации языковых форм в русском и вообще в индо-германских языках. <...> Частицы, выражающие лицо и число, свойственны не только формам спряжения, но и формам неопределенного наклонения, отглагольного наречия и даже имени существительного. В первых случаях лицо осмысливается с точки зрения принадлежности действия 1-му, 2-му или 3-му лицу, а в последнем – с точки зрения такой же принадлежности предмета» [Сидоров 1924: 73–85].

Внимание деепричастиям (отглагольным наречиям) уделено в учебнике И.И. Разманова «Коми синтаксис: Ыджыд школаясын велӧдан небӧг» (1931), особенно к формам с лично-притяжательными суффиксами. В коми языке лично-притяжательные суффиксы присоединяются не только к именным частям речи, но и к глагольным формам (инфинитиву, деепричастию). И.И. Разманов выделяет глагольные черты деепричастий, ставит в один ряд с глаголом, когда речь идет о согласовании глагола с подлежащим [местоимением] в лице и числе при спряжении, напр.: *Ме гижжя* 'я пишу', *тэ гижжан* 'ты пишешь', *сійӧ гижжӧ* 'он пишет' и т.д., и проводит параллель с деепричастиями в определенно-притяжательных формах, видя в них изменяемые формы, которые также «согласуются» с местоимениями в лице и числе, как и с глаголом, к которому относятся*. Дается парадигма форм с согласованием отглагольного наречия в определенно-притяжательных формах и глагола: *узьтӧгным ветлӧдлам* 'не спав [1 pl.] мы ходим' – *узьтӧгным ветлӧдлӧны* 'не спав [3pl.] они ходят' – *узьтӧгным ветлӧдланьид* 'не спав [2 pl.] вы ходите' и т.д. [Разманов 1931: 74–76]. На материале удмуртского языка явление согласования местоимения – субъекта (так называемого «подлежащего») с деепричастием (так называемым «сказуемым») в числе и лице в субъектной деепричастной конструкции (*Мон чорыганы муныкум, тій мыным кесяськиды...* 'Когда шел я рыбачить, вы мне кричали' – *Тон чорыганы мыныкуд, мон тыныд кесяськи* 'Когда ты шел рыбачить, я тебе кричал'. – *Со чорыганы мыныкуз, тій соослы кесяськиды* 'Когда они шли рыбачить, вы им кричали'), которое сопоставляется с согласованием финитного глагола-сказуемого с субъектом-подлежащим в лице и числе в дву-

* «Личные формы в коми языке распространены очень широко, могут быть у всех категорий. Но не у каждой категории они выполняют синтаксическую функцию. Так, у наречий личная форма, как и падежная, – форма застывшая. Она не играет никакой синтаксической роли. Только одна группа наречий выполняет синтаксическую функцию: отглагольные наречия: *узиганьид, сёймӧн, мунтӧдз*. Почему-то эту группу относят к наречиям, но личные формы этой группы слов выполняют синтаксическую функцию. Может, поэтому их следует относить к отдельной категории. Не только с местоимениями, но и глаголами они связываются согласованием [перевод наш*]».

составном личном предложении, приводится В.И. Алатыревым в качестве одного из аргументов, позволяющих, по его мнению, относить субъектные деепричастные конструкции в удмуртском языке к предложению, а не к обороту в составе предложения [Алатырев 1967: 60]. А.Ф. Шутовым явление согласования трактуется как плеоназм – двойное (избыточное) обозначение субъекта действия – с помощью подлежащего и притяжательного суффикса при стержневом слове одновременно, указывается, что подобное явление достаточно редко встречается в удмуртском языке [Шутов 2001: 172].

Случаи употребления лично-притяжательных суффиксов с деепричастными формами в коми языке затронуты также в статье Е.А. Игушева. Исследователь отмечает небрежность при использовании лично-притяжательных суффиксов, которую допускают авторы различных публикаций (в газетах, журналах и других коми изданиях), когда вместо деепричастий с определенно-личными формами употребляют их в неопределенных формах, пренебрегая законами коми языка, что зачастую искажает смысл доносимой до читателя информации [Игушев 2006: 211–215].

Полная система определенных форм деепричастий коми языка («урчитана ногакывъяс») представлена Е.А. Цыпановым [Цыпанов 2000в: 360; 362–369; 371; 374; 377; 379; 383; 390; 393 и т.д.], отметившим два значения определенно-притяжательных суффиксов у деепричастий: указание на субъект (лицо и число) и определенность. Территориальные разновидности деепричастных форм зафиксированы в монографиях, посвященных изучению зырянских диалектов. В ижемском и вымском диалектах коми языка [ИД 1976: 102; Ляшев 1975: 157; 2014: 108–110; Баталова 1982: 152–153] фиксируются достаточно редкие, территориально ограниченные формы на *-са*, относимые к деепричастным: *вотса* 'лёжа', *пукса* 'сидя' и т.д. (напр., *вотса лыд'д'ыс'э* 'лёжа читает'; *пукса и унмоос'ёма* 'сидя и уснул'), образующим небольшую группу деепричастий со значением состояния при общепринятом в лингвистике их статусе "отглагольные прилагательные" (в литературном языке и в других диалектах). «В коми языке нет деепричастий на *-са* (в том числе, отсутствует и, что важно, абсолютно невозможна форма **муныса*, приведенная Берецки). Вместо этого мы имеем небольшую группу слов, традиционно рассматриваемых в разряде относительных прилагательных, характеризующих предмет «по состоянию»: *сувтса* пу 'стоящее дерево', *куньса* син 'закрытые глаза'. Таких слов девять: *восьса* 'открытый' < *вось-*: *восьтны* 'открыть', *водса* 'лежачий' < *водны* 'лечь', *куньса* 'закрытый (о глазах)' < *куньны* 'закрыть (о глазах)', *пӧдса* 'закрытый' < *пӧд-*: *пӧдлавы* 'закрыть (напр., окно)', *пукса* 'сидячий' < *пук-*: *пукавны* 'сидеть', *сиптыса* 'закрытый' < *сиптыны* 'закрыть (напр., дверь)', *сувтса* 'стоячий' < *сувтыны* 'встать', *тӧдса* 'знакомый' < *тӧд-*: *тӧдны* 'знать', *тупкыса* 'закрытый' < *тупкыны* 'закрыть (напр., отверстие)» [Федунева 2014: 90].

И.И. Майшев в «Грамматике коми языка» глагольные формы на *-иг* (*-игӧн*), *-тӧг*, *-тӧдз* идентифицировал как инфинитивную форму (П инфинитив), формы *-ӧмӧн*, *-мӧн* – как деепричастие, которое показывает дополнительное второстепенное действие или состояние. Он акцентирует внимание на роли притяжательных суффиксов при деепричастиях, когда оно разнособъектно: «инфинитив с определенно-притяжательными суффиксами обычно употребляется тогда, когда предложение неполное, не имеет подлежащего, или имеет такое подлежащее, к которому не относится действие, выраженное данным инфинитивом. Однако возможно употребление и при подлежащем» [Майшев 1940: 68]. Отмечены конструктивные возможности причастий и деепричастий образовать оборот с указанием порядка слов в обороте: «Вместе с управляемыми (и примыкаемыми) словами причастия образуют причастные обороты; управляемые слова в причастном обороте стоят перед причастием», «деепричастие <...> может образовать деепричастный оборот» [Майшев 1940: 79–80].

Сведения о причастных и деепричастных конструкциях даются в учебниках, грамматиках для школ и других учебных заведений в связи с изучением видов подчинительной связи, членов предложения, обособления оборотов и т.д.*. Обычно материал ограничен объемом учебника, учебной программы, приводятся зачастую лишь общие сведения. Деепричастные конструкции рассматриваются в качестве обособленных второстепенных членов предложения, дается определение оборота: деепричастным оборотом называется обстоятельство, которое выражено деепричастием с зависимыми от него словами. Деепричастие может подчинять любую часть речи, кроме глагола. В предложении выполняет роль обстоятельства образа действия или времени [перевод наш] [КГ 1947: 140; 141; 146]. В учебниках вводится понятие «параллельного синтаксического оборота» [КГ 1950: 141], дается схема замены деепричастного оборота придаточным обстоятельственным предложением и наоборот. Отмечается близость оборотов по значению с придаточным предложением, возможность замены обстоятельственного придаточного предложения деепричастным или оборотом с отглагольным существительным. Авторами затрагиваются вопросы пунктуации при обособлении: «В середине предложения деепричастный оборот всегда обособляется; в начале предложения и в конце предложения деепричастный оборот не обособляется» [КГ 1950: 146, 149].

* Напр.: Сидоров, А.С. Коми грамматика. Синтаксис. Шӧр школаын 6-ӧд, 7-ӧд классяслы велӧдчан ӧтсӧг / А.С. Сидоров. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1935. – 139 с.; – 1937. – 139 с.; Кондратьев Н.А. Коми грамматика. Мӧд часть. Синтаксис / Н.А. Кондратьев, А.И. Заславский. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1939. – 66 с.; Коми грамматика. II часть. Синтаксис: Семилетнӧй да среднӧй школалы учебник / Сост. Ф.Ф. Попов, М.А. Сахарова, А.И. Заславский. – Сыктывкар: Коми Госиздат, 1947. – 191 с.

Аспект синонимии конструкций – придаточных предложений и причастных / деепричастных оборотов – отражен и в отдельных статьях [Цыпанов 2003]. В диссертационной работе Т.В. Кренделевой деепричастные конструкции с формами на *-мысьт*, *-ӧмӧн*, *-игӧн*, *-игмоз*, *-анмоз*, *-игчӧж*, *-игкості*, *-игкежлӧ*, *-тӧдз* рассмотрены в качестве семантических эквивалентов придаточного предложения со значением времени (с точки зрения выражения одновременности, предшествования, следования) [Кренделева 2010а, 2010б].

Исследование синтаксиса коми языка в общем и нефинитных сочтаний в частности тесно связано с именем А.С. Сидорова. В отношении изучения причастных и деепричастных конструкций необходимо указать на его монографию «Порядок слов в предложении коми языка» (1953) и статью «Отрицательные обороты и предложения в коми языке» (1992). Интересные особенности инфинитных конструкций им описаны в работе «Отрицательные обороты и предложения в коми языке [Сидоров 1992: 121–137]. Рассматривая категорию отрицания и способы ее выражения в коми языке в связи с «развитием глагольного предложения с личным согласованием», А.С. Сидоров отмечает, что слова с древними каритивными суффиксами *-тӧг*, *-тӧм* являются синтетической формой выражения отрицания, а в отглагольных оборотах наблюдается отрицательное согласование каритивных форм с отрицательными и вопросительно-относительными местоимениями («согласование по категории отрицания может иметь место и в непредикативных словосочетаниях, в отглагольных оборотах, в этом случае согласование происходит не обязательно по связи с сказуемым, а по связи с отглагольным словом», по тому же принципу, как со сказуемым: «с отрицательными местоимениями сказуемое может употребляться только в отрицательной форме»). Подобное наблюдение, в числе других, позволяет исследователю сделать гипотетические выводы относительно «происхождения и существования современного придаточного предложения с относительными местоимениями», где усложнение могло происходить как аналитически, так и синтетически «формой подчиненного концентра в виде отглагольного оборота». Главу в монографии «Порядок слов в предложении коми языка» (1953) А.С. Сидоров посвящает составу и порядку слов в отглагольных конструкциях (оборотах с причастием, деепричастием и отглагольным существительным), а также типам связи, дает определение отглагольного оборота, указывает формы отглагольных слов (формы отглагольного прилагательного (причастия) на *-ысь*, *-ан*, *-ана*, *-ӧм*, *-ӧма*, *-тӧм*; отглагольного наречия (деепричастия) на *-иг*, *-игӧн*, *-тӧг*, *-тӧдз*, *-ӧмӧн*, *-ӧма*, *-тӧма*, *-анаа*. Выявляется близость глагольного сочетания с зависимыми членами и аналогичного с нефинитной глагольной формой: управление и примыкание построены так же, как и в глагольных словосочетаниях с предикативным

глаголом. Конструкции с самостоятельным субъектом трактуются как конструкции с принадлежностным определением, выраженным оформленным или неоформленным существительным, устанавливается строгий порядок слов внутри отглагольного оборота: подчиненные предшествуют подчиняющему. Выводы А.С. Сидорова относительно средств подчинительной связи между предикативными единицами перекликаются с разработками исследователей по теории сложноподчиненного предложения «алтайского типа» (так называемых полипредикативных конструкций синтетического типа) на материале тюркских, бурятского, тунгусо-маньчжурских языков, получившей широкое развитие в последнее время. Исследователь отмечает: «Отглагольные слова внутри предложения создают особый концентр, подчиненный в целом простому предложению. Отглагольный оборот по составу входящих в него слов и по их роли аналогичен придаточному предложению. Разница между тем и другим лишь в том, что придаточное предложение выражено аналитически, отглагольный оборот синтетически, т.е. связывающими средствами в придаточном предложении являются отдельные (союзные) слова, а отглагольные обороты связываются при помощи оформления суффиксами и формальными принадлежностями самих отглагольных слов и при помощи порядка слов. Слова, входящие в состав отглагольного оборота, не только сами занимают твердое место, но кроме того в твердом порядке располагаются и все подчиненные им слова».

Вопросов о порядке слов в деепричастных конструкциях коми языка касаются и другие исследователи [Редеи 1996; Цыпанов 1999б; Понарядов 2001, 2010]. Отмечается, что в конструкциях возможен обратный порядок слов (инверсия), который характерен для оборотов русского языка, а в коми языке встречается в переводных церковных текстах XVIII века и воспринимается как не соответствующий правилам и структуре коми языка [Редеи 1996: 39–40], напр.: *сэсь велмӧссис нылу юклӧген кыляссӧ би койд* (вм. *кыляссӧ юклӧген*), или встречается как авторское употребление в прозе (редко), либо как средство для создания рифмы, возможность разнообразить, выделить язык поэтического произведения [Цыпанов 1999б: 186]. В условиях поэтического произведения инверсированные деепричастные конструкции вполне вписываются в текст.

В «Грамматике литературного коми языка» Д.В. Бубриха отглагольные обороты рассматриваются в связи с описанием подчинительных связей, отношений в предложении, как аналоги подчинительного придаточного предложения [Бубрих 1949: 17]. Им зафиксирована способность деепричастий присоединять атрибут (определение) [Бубрих 1949: 138]. Приводятся также предложения особенной структуры с деепричастиями в составе – обороты с винительным и деепричастиями на *-иг*, *-игӧн* после глаголов, «обозначающих говорение, чувствование или мнение» – аналоги дополнительного пред-

ложения [Бубрих 1949: 141], на которые в свое время обратили внимание Ф.Й. Видеман [Wiedemann 1884: 167], Д.Р. Фокош-Фукс [Fokos-Fuchs 1958: 319], Г. Штипа [Stipa 1960: 185–186], Р. Бартенс [Bartens 2000: 253]. Г. Штипа отметил аккузативную и аблативную формы субъекта (агенса) в рассматриваемых конструкциях («придаточные дополнительные предложения с именной глагольной формой»), а также возможность его опущения: *чай-тас лактигын кульписё* 'подумал, что сын водяного пришел (букв. подумал сына водяного приход)', *тэно тайё ю йылас шудёны олигён* 'говорят, что ты живешь в верховье этой реки', *тэнсьыд вед надейтчёны сизимсё колиг* 'от тебя ждут, что ты оставишь семьсот [рублей]' и др. Видимо, предложения с такими оборотами развились на коми-зырянской почве, так как в удмуртском языке, согласно Г. Штипе, они не замечены, как и в коми-пермяцком материале.

Функции деепричастных конструкций коми языка в качестве сопоставительного материала к описанию функций удмуртских деепричастий и деепричастных конструкций рассматривались П.Н. Перевощиковым [Перевощиков 1959]. Анализируя глагольные и наречные качества деепричастий, он видит усиление глагольных свойств деепричастий в условиях разнотематности, а также при наличии зависимых слов (при образовании конструкций), а наречных – при одиночном употреблении деепричастия. Функция деепричастия и деепричастных конструкций определяется им как функция «второстепенного сказуемого», совмещенного с обстоятельством.

Большой вклад в исследование деепричастий коми и удмуртского языков внес Д.Р. Фокош-Фукс. В своей статье (Fokos-Fuchs 1958), которая «до сих пор является одним из наиболее серьезных исследований по истории коми и удмуртских деепричастий» [Цыпанов 2011а: 130], он касается вопросов определения грамматического статуса деепричастий, особенностей их грамматической природы, привлекая известные труды других исследователей. Работу отличает внушительный объем фактического материала, примеров, отразивших исконные конструкции с деепричастиями, присутствующие народному разговорному языку. Анализируя коми и удмуртские грамматические формы, трактуемые учеными как деепричастные, Д.Р. Фокош-Фукс определяет, что деепричастием можно считать формы: а) кз. на *-мён*, *-тёдз*, *-тёг*, *-игён*, *-сён*, *-мысьт*; кп. на *-тён*; удм. на *-ку*, *-са*, *-тэк*, *-тозь*; б) переходными, находящимися на пути к превращению в деепричастия являются формы: кз. *-ёмён*, *-са*; удм. *-эмен*; в) не являются деепричастиями: кз. *-иг*, *-ан*; удм. *-эмья*, *-мон*, *-мтэ*, *-он*, *-оння* [Fokos-Fuchs 1958].

Синтаксису именных форм глагола в пермских языках посвящена монография Г. Штипы [Stipa 1960]. Рассматривая функции именных форм глагола в предложении (атрибутивная, предикативная, обстоятельственная и т.д.), автор уделяет внимание конструкциям именных форм с агенсом

(субъектом), формам его выражения. Форму на *-ömön* Г. Штипа не идентифицирует как деепричастие, а относит его к имени действия в инструментальной форме [Stipa 1960: 237–241]. Функции деепричастий, имени действия на *-öm* в форме инструменталя он рассматривает в главе «Обстоятельственные сочетания» [Stipa 1960: 200–269], приводя различные обстоятельственные значения.

В учебнике для вузов «Современный коми язык. Синтаксис» (Сыктывкар, 1967) (редактор Н.Н. Сельков, авторы глав Н.А. Колегова, Н.Н. Сельков, В.А. Сорвачева) по лексико-грамматическим свойствам главного члена деепричастные конструкции квалифицируются как отглагольные словосочетания, «сочетающиеся с: существительными, местоимениями и субстантивными словами в разных падежах, с инфинитивом, деепричастием, наречием» [СКЯ 1967: 11]. Даны краткие сведения относительно глагольного управления деепричастия: управляют существительными (числительными, местоимениями); по связи примыкания: деепричастием, наречием, инфинитивом; в свою очередь, будучи зависимыми словами, деепричастия примыкают к глаголу и его формам, отглагольному существительному, прилагательному, безлично-предикативным словам [СКЯ 1967: 17–20]. В составе оборота определяются второстепенные члены [СКЯ 1967: 55]. В предложении деепричастные конструкции выполняют роль второстепенных членов предложения: обстоятельства образа действия, времени, меры (§ 43, 44, 46, 47, 62) соответственно. В связи с описанием обособленных членов предложения (в том числе причастных и деепричастных оборотов) вводится понятие осложненного предложения. В функции обстоятельства деепричастные конструкции рассматриваются как обороты, осложняющие предложение. Затрагиваются условия их обособления (§ 59–62), место в предложении (§ 70), порядок слов в обороте (§ 71). Не отражены ДК с собственным субъектом, хотя есть описание определительно-субъектных отношений как разновидности атрибутивных отношений, когда «определение обозначает лицо или предмет, совершающее действие или являющееся носителем состояния, выраженного определяемым», примеры приведены только с именами действия: *номъяс сильгём* 'звон комаров', *вом вөрём* 'движение рта', нет информации об атрибутивном распространении деепричастий (§ 32). Следует заметить, что у деепричастий и деепричастных оборотов отмечены не все обстоятельственные значения, которые они могут выражать, указаны лишь основные: времени, образа, способа действия, меры и степени.

Более подробно сочетания слов в формально-семантическом аспекте рассматриваются в учебных пособиях В.М. Лудыковой [Лудыкова 1993; 2009], где отдельные главы посвящены осложненному простому предложению [Лудыкова, 1993: 71–91]. Автор включила обособленные члены предложения – обособленные определения, выраженные причастным обо-

ротом, и полупредикативные обособленные обстоятельства, выраженные деепричастным оборотом, в основном со значением образа действия. Им отводится функция второстепенного сказуемого. В качестве разновидности атрибутивных отношений рассматриваются субъектно-определятельные отношения, в которых «к словам, обозначающим действие, состояние, присоединяются слова, указывающие на субъект», в эту группу попадают деепричастные формы с собственным субъектом: *мам локтігөн* [Лудыкова 2009: 22]. В коми языке деепричастие считается второстепенным сказуемым, если «деепричастия относятся к последующему глаголу-сказуемому», который является смысловым центром сообщения, а «деепричастный оборот является добавочным сообщением (выступает в роли второстепенного сказуемого)» [СКЯ 1967: 103; Лудыкова 1993: 83].

В отличие от учебника синтаксиса 1967 г. [СКЯ 1967], в учебнике «Коми грамматика. Синтаксис» [КГ 1950] авторы Ф.В. Шадрин, М.А. Сахарова дают больше форм деепричастий, выражающих значение степени действия (обстоятельство степени), кроме форм с *-тöдз* и *-мён*, приводится форма *-ана / -яна*: *Дас кымын гöлöс пондiсны горзыны пельтö чунöдана* [КГ 1950: 63] 'Около десяти голосов начали кричать так, что уши закладывает'.

В диахроническом аспекте исследования синтаксиса коми языка деепричастные конструкции рассматривает Б.А. Серебrenников. Широкое распространение причастных и деепричастных оборотов, а также так называемых абсолютных деепричастных оборотов вместо придаточных предложений признается одной из характерных черт древнего синтаксиса коми языка. Нефинитные конструкции сохраняют наиболее древнее состояние языка: строгий порядок слов – определение + определяемое (препозиция зависимых) как в рамках нефинитных конструкций, так и в рамках предложений. Высказывается мнение о сокращении количества деепричастных оборотов, абсолютных оборотов в связи с распространением сложноподчиненных предложений [Серебrenников 1967: 101].

Работы А.Ф. Шутова, посвященные исследованию развития гипотактических отношений в удмуртском языке [Шутов 2002 и др.], затрагивают вопросы возникновения и природы немоносубъектных конструкций в удмуртском языке. В ходе исследования автором выявлены идентичные по структуре и значению абсолютные конструкции с деепричастными формами в коми и удмуртском языках, возникшие в прапермский период, что дает основание полагать, что они начали формироваться в общепермский период [Шутов 2002: 8, 18].

В статье Н.Д. Мановой дается краткая характеристика морфологических черт и основных синтаксических функций деепричастий коми языка в сопоставлении со свойствами деепричастия русского языка, выявляются

как сходства, так и различия деепричастий в типологически разных языках [Манова 1984].

На типологическом уровне исследуются конструкции в диссертации В.В. Понарядова «Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение)», изданной также в качестве монографии [Понарядов 2010]. Выясняется типологическое сходство отглагольных конструкций коми языка с аналогичными в монгольских и тюркских языках, анализируется и обосновывается схема трансформации, образования подчиненных предикативных оборотов. Причастные, деепричастные конструкции в пермских языках рассматриваются как осложняющие обороты, выражающие подчиненную предикацию, в которых «за редкими исключениями» причастие, деепричастие сохраняют финальную позицию, тем самым «повторяя нейтральный порядок слов в языках типа SOV. Объяснить эту особенность можно только в случае признания исторической производности осложняющих оборотов от ранее самостоятельных предложений» [Понарядов 2010: 85–86].

Важным вопросом в отношении деепричастных конструкций в коми языке остается пунктуационный. Деепричастные обороты являются элементом, осложняющим простое предложение, поэтому, начиная с первых учебников для школ и училищ, авторы обращают внимание на условия их обособления, однако не все вопросы можно считать окончательно решенными. В школьных учебниках дается простое правило обособления деепричастных оборотов: в середине предложения – обособляется, в начале и в конце – нет. В Грамматике [СКЯ 1967: 103 – 108] этой теме посвящен уже отдельный параграф (§ 62), случаи обособления рассмотрены более детально. В 1969 г. в журнале «Войвыв кодзув» [№ 7] выходит критическая статья Д. Конюхова «Колö стöчмöдавны» [«Необходимо уточнять»], в которой отмечаются противоречия и недоработка в правилах об обособлении деепричастных оборотов, рекомендации единообразить требования. Н.Д. Мановой, заострившей внимание на этой проблеме в одной из статей, указывает на отсутствие четкой системы в обособлении деепричастных оборотов и предлагаются наиболее приемлемые условия обособления, с учетом «природы самого коми языка»: 1) учитывать степень содержания глагольных и наречных признаков в деепричастии (когда преобладание наречных свойств может препятствовать обособлению); 2) отсутствие грамматических скреп (частиц, сочетание частиц) между деепричастием (оборотом) и глаголом-сказуемым; 3) текстовое окружение, когда обособление необходимо в целях избежания двоякого толкования предложения [Манова 1987: 146]. В.М. Лудыкова [Лудыкова 1993: 71], Е.А. Цыпанов [Цыпанов 1998: 93] отмечают редкость обособления полупредикативных обстоятельств в коми языке.

Некоторые особенности образования деепричастий приведены Е.А. Цыпановым в монографии, посвященной исследованию глагола. Автор указывает на ограничение образования инфинитных глагольных форм от рефлексивных глаголов в имперсональном значении (так называемый безличный пассив): *Ванялӧн сьывсьӧ* 'Ване (букв. У Вани) поется', *Ванялӧн сынавсьӧма юрсисӧ* 'У Вани волосы уже причесаны', что является свидетельством недавнего возникновения значения [Цыпанов 2005: 234]. При необходимости вместо инфинитных оборотов в языке используются сложно-подчиненные предложения с придаточным времени. Данное положение подтверждается исследованиями Т.В. Кренделевой: «значение следования в придаточной части выражается с помощью безличного глагола, образованного при помощи суффикса -сь, в имперсональном значении, который в форме прошедшего времени выражает значение результативности, законченности действия. Действие придаточной части считается полностью законченным к началу совершения действия, названного в главной части сложного предложения. Такие глаголы не могут иметь подлежащего в форме номинатива единственного числа: *Кор сӕйсис*, *Сима петис пызан сайысь* (Коданёв 1975: 9) 'Когда закончил есть (букв. съелось), Сима встал из-за стола', *Кор юсис мужикыдӧн коймӧд четвертьыс*, *чеччис сӕйӧ пызан сайысь* [ВКМ 1950: 44] 'Когда мужик выпил (букв. у мужика выпилось) третью четверть, встал он из-за стола'. Семантическими эквивалентами являются предложения с отглагольными оборотами, в которых отглагольные имена оформляются суффиксом -сь: *Сьывсьӧм бӧрас ме кыдзкӧ батъысь и янсали* (Савин 1985: 9) 'После спевки я как-то отстал от отца' [Кренделева 2010б: 154].

В исследовании В.М. Лудыковой, посвященном синтаксису прилагательного коми языка, его синтаксической сочетаемости (активной и пассивной), выявляется пассивная сочетаемость прилагательных с деепричастиями, уточнение прилагательными времени действия, выраженного деепричастием, что составляет специфику языка [Лудыкова 2007: 354–355, 384].

Причастные и деепричастные конструкции являются предметом рассмотрения в различных аспектах, напр., в статье Е.А. Цыпанова на материале переводов Библейских текстов (Евангелие от Матфея) разных лет прослеживаются способы перевода придаточных предложений (в ранних переводах это дословный перевод русских придаточных предложений аналогичными на коми язык (т.е. заимствованными синтаксическими конструкциями), в позднем (1999 г.) – исконными аналогами придаточных предложений – деепричастными и послеложно-именными сочетаниями, которые выгодно отличают перевод в аспекте выражения самобытного облика языка, доступности и простоты изложения [Цыпанов 2003: 290].

Деепричастия в пермских языках не ограничены функционированием в качестве обстоятельства, второстепенного сказуемого. В ряде работ [Wiedemann 1884: 167; Бубрих 1949: 141; Stipa 1960; Лудыкова 1989а, 2009; Bartens 2000: 257–258; Ylikoski 2001: 212–216; Hamari 2011: 52 и др.] деепричастие представлено:

1) в качестве атрибута имени: в Грамматике [СКЯ 1967: 12] отмечено сочетание отглагольных слов с деепричастиями – деепричастие в позиции атрибута (*сёрниттöг пукалысь* 'молча сидящий', *уджалігöн велöдчöм* 'работая учиться (букв. учеба)'), деепричастия на *-тэк* в атрибутивной позиции в удмуртском языке приводятся в работе Р. Бартенс [Bartens 2000: 257]; в удмуртском (*-тэк*) и коми (*-тöг*) языках – в статье А. Хамари [Hamari 2011: 72]. В.М. Лудыкова отмечает отношения деепричастий и определяемых ими имен как обстоятельственные с определительным оттенком [Лудыкова 2009: 24]. В материалах по диалектам коми языка зафиксированы сочетания, где формы на *-иг* употребляются вместо именных форм на *-ан* в качестве атрибута: лл. *зэриг пöра* (вм. *зэран пöра*) 'время (период) дождей', *уджаліг пöра* 'время работы' (вм. *уджалан пöра*) [ССКЗД 1961: 486; Баталова 1982: 152; Bartens 2000: 250], или вместо именных форм на *-öm* литературного коми языка (в летском, удорском, ижемском) [ССКЗД 1961: 486; Баталова 1982: 152], что отражает определенную стадию развития *-иг*-овой формы;

2) исследователи в своих работах обращают внимание на предикативные сочетания каритивных деепричастий на *-тöг* с глаголами *колыны* 'оставаться' 'stay, be left', 'leave', *овны* 'жить; существовать', 'be; leave', в удмуртском *луыны* 'become' [Бубрих 1949: 138; Фокош-Фукс 1958: 337; Игушев, Ляшев 1976: 315; Лудыкова 1989а; 1990; 2012б: 128; Игушев 1990: 19; Цыпанов 1995б: 138; Bartens 2000: 257–258; Hamari 2011: 52, 73–75 и др.]. В конструкциях с данными глаголами деепричастия на *-тöг* трактуются как облигаторный конституент – комплемент / предикатив (the abessive verb forms as complements) [Bartens 2000: 257–258; Hamari 2011: 73–75], как элемент составного глагольного сказуемого [Лудыкова 1989а; 1990: 68]. Е.А. Игушев отмечает близость сочетаний глагола *овны* в отрицательной форме с каритивным деепричастием на *-тöг*, некоторых устойчивых сочетаний, состоящих из глагола и деепричастия, напр., *пышйöмön мунны* 'сбежать', досл. *убегая уйти*, к парным глаголам удмуртского и марийского языков [Игушев, Ляшев 1976: 315]. По замечанию А. Хамари, использование именных и глагольных абессивов в качестве комплемента с глаголами со значением «stay, be left», «leave» типично также для других уральских языков (финского, марийского) и, по мнению М. Корхонена, может являться исконной чертой (типичной для употребления) абессивных форм в прямом языке [Korhonen 1981: 226; Hamari 2011: 52]. Эта мысль также поддержана в работах В.М. Лудыковой [1989а: 70–105; 2012б: 128];

3) в качестве вторичных предикатов объекта (*objektin sekundäärisinä predikaatteina*) имена и деепричастия на *-ömön* и *-иг, -игön* приводятся Ф.Й. Видеманом [Wiedemann 1884: 167], П.И. Савваитовым [Савваитов 1850: 115], Д.В. Бубрихом [Бубрих 1949: 141], Д.Р. Фокошем-Фуксом [Fokos-Fuchs 1958: 308]. Г. Штипа определяет их как «*Objektsätze mit nominaler Verbalform als Prädikativ*» («*accusatives cum prädicativo*») [Stipa 1960: 185], Ю. Юлиоски как «*objektin sekundäärisinä predikaatteina*» [Ylikoski 2001: 212–216], М. Лейнонен и Г.А. Некрасова рассматривают в группе предикативного дополнения (*Predicative complement*) [Leinonen, Nekrasova, 2017: 296] и в группе депиктивов (*Depictives*) [Leinonen, Nekrasova, 2017: 293–295].

Обзор показывает, что в работах исследователей деепричастия и ДК рассматривались: 1) с точки зрения выполнения синтаксической роли в качестве члена предложения – обстоятельства – начиная с П.И. Савваитова, И.И. Майшевым, в учебниках и грамматиках по синтаксису коми языка, Г. Штипой, В.М. Лудыковой, А. Хамари; в качестве «второстепенного сказуемого» – в Грамматике (СКЯ 1967) и В.М. Лудыковой; 2) состав ДК и связи слов в конструкции – П.И. Савваитовым, в грамматиках для школ и вузов, Д.В. Бубрихом, В.М. Лудыковой, Е.А. Цыпановым; 3) в аспекте синонимии конструкций, аналогов придаточных предложений и т.д. – Ф. Видеманом, П.И. Савваитовым, Д.В. Бубрихом, в учебниках, грамматиках для школ и вузов, В.М. Лудыковой, Е.А.Цыпановым, Т.В. Кренделевой и др.; 4) субъект деепричастия, разносубъектные конструкции – Ф. Видеманом, Х. Габеленцем, П.И. Савваитовым, А.С. Сидоровым, И.И. Майшевым, Д.В. Бубрихом, Б.А. Серебренниковым, В.М. Лудыковой, Е.А. Цыпановым, А. Хамари и др.; 5) порядок слов в ДК – А.С. Сидоровым, в учебниках для школ и вузов, Б.А. Серебренниковым, К. Редеи, Е.А. Цыпановым, В.В. Понарядовым; 6) вопросы относительно категории отрицания рассмотрел А.С. Сидоров.

2.3.2. Исследования в области коми-пермяцкого языка

Коми-пермяцкие деепричастия начали фиксироваться в грамматиках XIX в. За 170 лет эти глагольные формы, начиная от грамматики Ф. Любимова (1838 г.), стали предметом серьезных исследований в составе других пермских деепричастий с точки зрения истории в работе Д.-Р. Фокоша-Фукса [Fokos-Fuchs 1958], с точки зрения синтаксических функций в монографии Г. Штипы [Stipa 1960]. Источники материала могут быть условно разделены на: 1) грамматики, учебники, учебные пособия; 2) труды по диалектам различного характера (монографии, диссертации, статьи); 3) специальные работы.

Одним из наиболее ранних источников фиксирования деепричастных форм можно считать грамматику Ф. Любимова, где автор в VI главе

«О глаголах и спряжении оных» приводит деепричастия двух видов от глагола *керны* 'строить' в разных залоговых формах – возвратных: *керсемень, керсикась, 'строясь, строячись', керасемэнь, керасикась, 'строясь, строячись'*, действительной: *керэмэнь, керикась, 'строючи', 'строя'*, отмечая, что последнее употребляется редко. Относительно формы на -эман высказывается сомнение с точки зрения статуса формы, деепричастие это или творительный падеж отглагольного существительного. Кроме того, приведены деепричастные формы от глагола *мунны* 'идти': *муныкэ, муныкась*, без перевода. Следовательно, в грамматике зафиксировано три деепричастных формы: -эман, -икас, -ыке [Любимов 1838].

По замечанию Р.М. Баталовой, начало серьезному изучению коми-пермяцкого материала было положено Н.А. Роговым [Баталова 1975: 10], который описал кудымкарско-иньвенский диалект, приведя также данные нердвинского диалекта. У Н.А. Рогова [Рогов 1860: 56–57] деепричастные формы представлены в следующей системе: 1) в § 69–70 как *деепричастие, т.е. наречие отглагольное*, выделяется три разряда, деепричастия настоящего времени на -ыкӧ, -икӧ, деепричастия прошедшего времени -тӧн, -тӧнь, отглагольное существительное с суффиксом восьмого (творительного) падежа, «в виде деепричастия», *повземӧн* 'испугавшись', приводятся лично-притяжательные формы (1sg, 2sg, 3 sg, 1pl., 2pl., 3pl.) деепричастий -ыкам (-икам), -ыкат (-икат), -ыкас (-икас), -ыканым (-иканым), -ыканымт (-иканымт), -ыканыс (-иканыс), -тӧнам, -тӧнат, -тӧнас, -тӧнјам, -тӧнјат, -тӧнјас, -тӧнным (-тӧннјым), -тӧнныт (-тӧннјыт), -тӧнныс (-тӧннјыс); 2) в Разделе III. «Об образовании наречий», § 121 (с. 99–100) современные деепричастия на -тӧдз и -тӧг рассматриваются как *наречия*, образованные от некоторых глагольных корней, принявших окончания двух падежей: шестнадцатого -тӧдј и двадцатого -тӧг; «-тӧдј употребляется для означения достижения до какого-либо состояния или действия, напр., *кодјытӧдј* 'до опьянения, допьяна', *мыдјытӧдј* 'до устали' <...>; -тӧг, *дугдытӧг* 'без остановки, безостановочно, беспрестанно', *вітчисјтӧг* 'без ждania, нечаянно, неожиданно', *сајмытӧг* 'без пробуждения, безпробудно'». Материал дублируется в главах о падежах (§140, с. 112; §148, с.116). Отнесение образований на -тӧн к деепричастию прошедшего времени ошибочно [Цыпанов 2011а: 132]. Следует также обратить внимание, что Н. Рогов не рассматривает деепричастные обороты, порядок слов в оборотах, однако в § 135, говоря о третьем (винительном) падеже, пишет, что «третий падеж полагается всегда после глаголов, причастий и деепричастий действительных» (с. 107), т.е. указывает на постпозитивное расположение зависимых слов от глагола и глагольных образований, что (относительно причастий, деепричастий) характерно для русского, а не пермяцкого языка.

Коми-пермяцкие деепричастные формы *-tön, -tön'* приводит Ф.Й. Видеман в его Грамматике 1884 года как Verbaladverb (§ 124, с. 176–177), отметив также формы с посессивными суффиксами и обратив внимание на образование форм (инструментальная форма имен на *-t*). Е.А. Цыпанов отмечает неправомерное включение форм в разряд деепричастий законченного действия вместе с *-мысьт* или *-мысьтön*, вероятно, под влиянием положения, изложенного в Грамматике Н. Рогова [Цыпанов 2011а: 132].

Из источников XIX в. следует привести опубликованные в 1897 г. материалы А. Генеца по коми-язьвинскому диалекту «Ostpermise Sprachstudien», которые содержат грамматический очерк, словарь, тексты с переводом на немецкий язык. В 1889 г. автор изучал язык язьвинских коми в дер. Паршакова Верхнеязьвинской волости Чердынского уезда Пермской губернии. К деепричастиям (Verbaladverb) отнесены формы на *-təž, -təg, -ki* (и формы с Рх): *kertəž, kertəg, kerki* (Genez 1897: 56). Интерес представляет также форма на *-mən* в группе форм, отнесенных к именам действия (Verbalnomina) *kérmon, kəskimən*, данных без перевода (Genez 1897: 56). В современных исследованиях по пермским языкам образования на *-mön* (удм. *-мон*) трактуются Е.А. Цыпановым как причастно-деепричастная формы (герундиум) [см. Цыпанов 1997в; 2000в], и отмечается отсутствие их в коми-пермяцких диалектах [Баталова 1982: 154] и ижемском диалекте коми-зырянского языка [ИД 1976: 101]. Т. Уотила [Uotila 1938: 60] рассматривает ее вместе со сходной зырянской формой *-тєп*, удмуртской формой Verbalnomina *-мон*, Д. Фокош-Фукс данные А. Генеца также включает в круг исследуемых форм вместе с *-mön* коми-зырянских диалектов и *-мон* удмуртского языка [Fokos-Fuchs 1958: 281]. Е.А. Цыпанов рассматривает ее с зырянскими образованиями-причастиями на *-mön* и удмуртскими на *-мон*, выступающими в функции определения [Цыпанов 1985: 186]. В монографии «Коми-язьвинский диалект» (1961) В.И. Лыткин приводит формы деепричастий *-к(и) / -кам, -кат, -кас; -төдз / -јам, -јат, -јас; -төг*, однако данные о *-тəп* отсутствуют.

К источникам XX в., касающимся изучения коми-пермяцких деепричастий, относятся грамматики, учебники коми-пермяцкого языка, труды по диалектологии, монографии и статьи. Следует отметить тенденцию зарубежных исследователей относить формы на *-иg, -ик* коми языка к Verbalnomina [Цыпанов 2011а: 133], которой следуют и Т. Уотила [Uotila 1938: 59], Д.Р. Фокош-Фукс [Fokos-Fuchs 1958], Г. Штипа [Stipa 1960]. К деепричастиям (Verbaladverb) Т. Уотила относит коми-пермяцкие формы на *-тєп* (РК, РW), *-тєп'* (РW.) (Р) / Рх. *-тєппи, -тєппа; -мən* (РO). К Verbalnomina – образования с формами на *-ik, munike* с Рх. *-ikat* и т.д., язьвинские формы на *-(i)ki* [Uotila 1938: 59–60].

История развития деепричастий пермских языков и проблемы статуса форм раскрыты в специальном исследовании Д.Р. Фокоша-Фукса [Fokos-Fuchs 1958], вопросы происхождения коми-пермяцких деепричастных форм затронуты Б.А. Серебренниковым [Серебренников, 1963: 309], Е.А. Цыпановым [1985; 1997в: 176–179, 2011], Р. Бартенс, Ш. Чучем [Bartens 2000: 237; Csucs 2005].

В учебниках для школ, изданных в 1930-е гг. (авторы А. Зубов (1931), Ф. Зубов (1933, 1934), Г.А. Нечаев, Питю Ёньё (1933), Г.А. Нечаев (1935) и др.), деепричастные образования даны в разделе «Урчитан» («Наречие»), в состав наречий авторы учебников включают «все глаголы, которые принимают после глагольной своей основы суффиксы» *-ик(ё)*, *-тёдз*, *-тёг*, *-тён*, формы с определенно-притяжательными суффиксами. Отмечается, что отглагольные наречия изменяются, присоединяют определенно-притяжательные суффиксы (Нечаев 1935: 68). К наречиям времени («када урчитаннэз») относят формы, образованные с помощью суффиксов *-ик(ё)*, *-тён*, *-тёдз*, к наречиям образа действия («керан-вёчан урчитаннэз»), «керётан урчитаннэз») отнесены формы на *-тёг*, *-ёмён*, *-сён*. Термином «деепричастие» пользуется С.Ф. Грибанов (1940) в учебнике для неполных средних и средних школ. Материал учебника отличается от предыдущих, указанных выше тем, что, кроме известных форм, автор включает форму *-мён*, которая отвечает на вопрос *мымда?* «сколько?»: *вайёмён*, *сёйёмён*, *пумён*, *нёбётмён*, *уджавмён*; *Тиаксё дедыс вайёма сёйёмён*; *Челядьёс талун пумён кыйёмайсь черисё*. С.Ф. Грибанов выделяет группы деепричастий: 1) отвечающих на вопрос *кёр?* «когда» (т.е. времени): *-икё (-ікё)*, *-тён*, *-тёдз*; 2) отвечающих на вопрос *кыз?* (т.е. образа действия): *-ёмён*, *-тёг*, *-тён*; 3) указывающих на меру и степень действия: *-мён*, *-тёдз*, напр., *пёжавмён*, *мыдзтёдз*, *пёттёдз*; определяет функцию обстоятельства в предложении. Автор также приводит конструкции имен действия с послелогоми, синонимичные деепричастным конструкциям, напр., *уджалікё*, *уджавтён* – *уджалём дырни*, *уджалём коста*, *уджалём съёрна*; *уджавтёдз* – *уджалём одзын*, *уджалёмёдз*; *сёйёмён* – *сёйём мымда* и т.д. В учебнике зафиксированы отрицательные формы деепричастий на *-ёмён* в сочетании с частицей *не* – инновационное явление в коми-пермяцком континууме: *Старик не тэрмасьёмён петіс керкуись*, приведено правило: частица *не* с деепричастиями пишется раздельно [Грибанов 1940: 184].

В учебниках 60-х гг. XX в. (напр., Г.А. Калина, З.В. Распопова «Коми-пермяцкёй кыв грамматика. Педагогическёй училище да коми-пермяцкёй кыв съёрті учителлез понда пособие» (1961) также используется термин «деепричастие», который определяет глагольную форму с признаками глагола и наречия (с. 123). К деепричастиям отнесены образования с формами на *-икё (-ікё)*, *-тён*, *-тёдз*, *-тёг*, *-ёмён*, форманты разделены на три группы

в зависимости от того, какое значение они выражают. На время основного действия указывают образования с суффиксами *-икӧ (-ikö)*, *-тӧн, -тӧдз*; на добавочное действие, которое происходит (не происходит) во время основного действия – формы *-ӧмӧн, -тӧг, -тӧн*, на меру и степень – *-тӧдз*. Приводятся правила (§104) написания отрицательной частицы *не* с деепричастиями (раздельно), а также написание *моз* с деепричастиями (слитное), которое фиксирует форму *-ӧмӧнмоз*: *Медбы не сёрмыны, мийӧ пондӧм мунны тэрмасьӧмӧнмоз; Сенья оишасьӧмӧнмоз висьтасис ас йывсис*.

Следует отметить, что встречаются две разновидности написания *моз* с формами на *-ӧмӧн* в коми-пермяцких текстах: слитно и раздельно – *-ӧмӧнмоз* и *-ӧмӧн моз*. Кроме того, лексемы с *моз*, скорее всего, периодически адвербиализуются, выражая признак, а не дополнительное действие, напр., – *Праздникӧн тӧянӧс, посадскӧй том отир! – чирӧстӧмӧнмоз горӧтис ӧтыс <...>* (Шадрин, 1997: 58) – С праздником вас, сельская молодежь! – взвизгивая / визгливо крикнул один; – *Потис, Гришиа. Турскӧн потис деловыс, – норасьӧмӧнмоз горӧтчис Куликов* (Шадрин, 1997: 74) – Лопнуло, Гриша. С треском дело лопнуло, – жалуюсь / жалобно вскрикнул Куликов; *Сэсся чӧлышитис невна и сьылӧмӧн моз шуис: <...>* (Минин, 1997: 112) – Потом помолчала немного и нараспев сказала: <...>; *Дима полӧмӧн моз лэдзис пишальсӧ пидзӧссэз вылас <...>* (Баталов, 1997: 130) – Дима боязливо опустил ружье на колени.

В 1940 г. выходит «Грамматика коми-пермяцкого языка» И.И. Майшева, которая написана «как первоначальное пособие для учителей и редакционных работников» [Майшев 1940: 6]. Автор обращает внимание на ограниченность изложенного материала, который охватил только фонетику и морфологию, а вопросы синтаксиса затронуты им попутно, в том числе причастные и деепричастные обороты. В грамматике выделена только одна деепричастная форма *-ӧмӧн* со значением «дополнительного, или второстепенного действия или состояния: *пукалӧмӧн* 'сидя' [Майшев 1940: 72], формы на *-икӧ(ӧ), -тӧн, -тӧдз, -тӧг* отнесены к группе «особых» отглагольных имен, которые «имеют только некоторые падежи и притяжательные суффиксы, могут сочетаться с некоторыми послелогами. В предложении выступают в качестве обстоятельств времени или образа действия» [Майшев 1940: 59]. Для образований на *-икӧ(ӧ)* приводятся послелоги, с которыми они могут сочетаться: *кежӧ: помасик кежӧ* 'к окончанию' (действие должно быть совершено ко времени, выраженному формой), *коста: мунік costa* 'пока шел' (часть времени), *дырни: велӧтчик дырни* 'во время учебы'. Функцию послелогов *коста, дырни* исследователь видит в усилении, подчеркивании временного значения отглагольного имени. Отглагольное имя может «иметь после себя заставку *моз*, диахронно это сравнительный послелог, придающий имени более определенный от-

тенок действия: *сьылікмоз* 'напевая' [Майшев 1940: 60]. Автор обращает внимание на функции определенно-притяжательных суффиксов, отмечая разносубъектные конструкции: «определенно-притяжательные формы употребляются тогда, когда предложение неполное, не имеет подлежащего или обозначает действие другого субъекта: *лэбзиканыс нійō вōтис буран*. Но часто притяжательный суффикс при отглагольном имени показывает не притяжательность, а определенность. Это относится к суффиксам *-ат*, *-ас*» [Майшев 1940: 60]. Определены грамматические значения форм: *-тōн* показывает время совершения действия, выраженного сказуемым, значение *-тōдз* близко к предельному падежу имен существительных. Глагольное действие протекает до срока, обозначаемого данным именем; предел глагольного действия; значение *-тōг* близко к лишительному падежу имен существительных [Майшев 1940: 60–61].

В 1962 г. под редакцией проф. В.И. Лыткина издан учебник «Коми-пермязский язык» для высших учебных заведений, в который включены § 250–251 «Деепричастие» (автор А.С. Гантман), § 257 «Из истории неспрягаемых глагольных форм» (автор Б.А. Серебренников). Дано определение деепричастий («глагольная форма, сохраняющая ряд глагольных категорий и имеющая некоторые признаки наречий»), отмечены их признаки (глагольные: категория вида и залога, сохранение глагольного управления; наречные: неизменяемые формы, функция обстоятельства; существительного: возможность присоединять определенно-притяжательные суффиксы, некоторые послелоги – *коста*, *кежō*), адвербиализация форм на *-сōн*: *сувтсōн* 'стоя', *пуксōн* 'сидя', *водсōн* 'лежа'. Приводятся формы деепричастий и их грамматическое значение: будущее время *-ик кежō* «срок, к которому должно совершиться действие», значение одновременности выражают формы на *-икō*, *-ик costa*, *-тōн*, *-ōмōн*; формы на *-тōдз* обозначают, что главное действие протекало до начала действия, выраженного Д.; форма на *-тōг* характеризует действие в отрицательном плане. Отмечено, что Д. на *-тōг* образуются не от всех глаголов [КПЯ 1962: 280–283].

В монографии Г. Штипы функции собственно коми-пермязских деепричастных форм на *-тōн*, *-тōнь* определяются как «предикат в темпоральном обстоятельственном сочетании» (Stipa 1960: 211–213). У деепричастий на *-тōн*, *-тōнь* отмечена тождественность с агенсом основного действия, приводятся примеры, где значение деепричастий на *-тōнь* приближается к модальному (т.е. образа действия): *Ме ōтыс дын да мōдыс дын гōститтōнь и ова* 'Я то у одного (сына), то у другого сына в гостях (букв. гостя) живу' [перевод наш].

Деепричастиям, функционирующим в различных диалектах, посвящены соответствующие статьи, разделы в трудах по диалектологии пермских языков, к которым относятся монографии Р.М. Баталовой [Баталова 1962,

1975, 1982, 1995, 2002 и др.], работы Г. Нечаева [Нечаев 1930], В.И. Лыткина [Лыткин 1955 и др.], кандидатские и докторские диссертации, посвященные исследованиям коми-пермяцких диалектов [Баталова 1962; Баталова 1998; Дмитриева 1998: 15; Пономарева 2002: 19] и др. В статье, описывающей особенности зюдинского диалекта, Г. Нечаев приводит деепричастные формы на *-игын* [Нечаев 1930: 1–27], В.И. Лыткин отметил суффиксы деепричастий коми-пермяцкого, коми-зырянского, коми-язьвинского наречий: кп. *-ик(ö)* – кз. *-иг* (в северных говорах *-ыг*) – кя. *-ки* [Лыткин 1955: 14]. У Ю. Вихмана – Т. Уотилы находим данные по деепричастным формам юсьвинского диалекта. К Verbalnomina III. отнесены: неопределенная и определенная формы на *-ike* /*-ikam* /*-ikat*/ *-ikas* и т.д., и к Verbaladverbien: неопределенные и определенные формы на II. *-teđ'ž*: *-teđ'ž* / *-teđ'd'žim* / *-teđ'd'it* / *-teđ'd'žis* / *-teđ'd'žinim* / *-teđ'd'žinim* / *-teđ'd'žinjt* / *-teđ'd'žinis*; III. *-teg*; IV. *-teñ* / *-teñnim* / *-teñnat* - *-teñnit* / *-teñnim* / *-teñnis* - *-teñnas*. Отмечается близость форм Verbalnomina III. и Verbaladverb IV по значению [Wichmann–Uotila 1942: 409–410]. Особенности распространения деепричастных форм в коми-пермяцкой диалектной системе выделяет Р.М. Баталова [Баталова 1975; 1982], отмечая изоглоссы на материале коми-зырянского, коми-язьвинского и коми-пермяцкого наречий: в литературном языке и собственно коми-пермяцком это *-икö* / *-ikö*, верхнекамском *-икön* / *-икын*; *-икö* / *-ик* широко употребляются в южных диалектах, малоупотребительны в северных, *-игö* / *-иг* характерны для мысовского и верх-лупьинского диалектов, *-ки* / *-ик* – для коми-язьвинского наречия. В диалектах с образованиями на *-ик* встречаются послелого *моз*, *коста*, *дырйа*, *кэжö*. Кроме того, есть формы *-öмön*, *-тöдз* (кя. *-төдз*), *-тöг* (кя. *-төг*), образования на *-сön*, не зафиксированы деепричастия на *-мön* [Баталова 1982: 154]. Данные по деепричастиям, представленные в диссертациях, посвященных отдельным диалектам, более детальны, дают общую картину распространения форм. Напр., Р.П. Дмитриева в говорах косинско-камского диалекта отметила формы деепричастий *-икö*, *-иг*, *-тön*, *-öмön*, *-тöдз*, *-тöг*, ограниченные образования на *-сön*. Деепричастия способны принимать посессивные суффиксы, внося значение действующего лица. Кроме *-икö*, *-иг*, все форманты продуктивны [Дмитриева 1998: 16]. Л.Г. Пономарева в мысовско-лупьинском диалекте выявила деепричастия с формами на *-игö*, *-игын*, *-öмön* (*-эмэн*), *-тöдз*, *-тöг*. Деепричастия на *-игö*, *-игын*, *-тöдз* могут принимать суффиксы инессива и иллатива определенно-притяжательного склонения. Падежно-притяжательные элементы имеют значение персональности, указывая на субъект или носителя действия, выраженного основой деепричастия [Пономарева 2002: 19]. В кудымкарско-иньвенском диалекте Р.М. Баталовой отмечено функционирование деепричастий с формами на *-ik* (*-ike*), *εтеп*, *-теп'*, *-теž*, *-тег*, несущих признаки глагола, наречия и существительного

[Баталова 2002: 106–108]. Деепричастия на *-ik* употребляются в основном с суффиксами *kežə* 'к, ко времени' и *kosta* 'во время', деепричастия на *-ik*, *-ten'*, *-tež* могут принимать определенно-притяжательные суффиксы. Утратили глагольные признаки и перешли в разряд наречий формы на *-sgn*: *sutsen* 'стоя', *puksen* 'сидя', *vodsen* 'лежа'. Что касается синтаксиса осложненного предложения, то Р.М. Баталова отмечает редкость использования в диалекте деепричастных оборотов, простоту их моделей, в которых поясняющие слова обычно предшествуют деепричастию [Баталова 2002: 143]. В «Кратком справочнике по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка» (1962) Р.М. Баталова пишет об отсутствии заимствованных деепричастий в литературном языке, употребление в диалектах двух русских деепричастий *c'ud'a* и *stója*. От заимствованных глаголов деепричастия могут быть образованы путем присоединения суффиксов деепричастий [Баталова 1962б: 30].

На различиях коми-пермяцких и коми-зырянских деепричастий останавливается Е.А. Цыпанов в монографии «Перым-коми гижод кыв» [Цыпанов 1999в: 72–75], приводя формы *-ик*, *-ик кежӧ*, *-икӧ*, *-тӧн*, разряды определенно-притяжательных деепричастий на *-ик*, образованные с помощью определенно-притяжательных суффиксов иллатива *-икам*, *-икат*, *-икас* и т.д. Представлены данные о процессах расширения значения деепричастий на *-икӧ* (кз. *-игӧ*), которые в современном языке обозначают не только время основного действия, но могут употребляться также в значении образа действия (с. 73), что характерно и для собственно коми-пермяцких деепричастий на *-тӧн*. Кроме того, деепричастиями на *-тӧн* могут обозначаться самостоятельные ситуации в названиях рассказов, стихов, повестей и т.д., напр., «*Тиакъявтӧн*» 'Во время сбора грибов' (с. 74). Упоминая о схожих деепричастных формах на *-ӧмӧн* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках, Е.А.Цыпанов также отметил инновационные процессы, произошедшие под влиянием русского языка: образования отрицательных деепричастий на *-ӧмӧн* путем присоединения отрицательной приставки / частицы **не**: *не тэрмасьӧмӧн* 'неторопливо'. Исследователь зафиксировал также формы деепричастий на *-андор*, *-андорас*, которые характерны для образований, обозначающих протекающие какое-то время природные явления: **Югдандорас** *пондӧс зэрны* (В. Баталов) 'На рассвете начался дождь'. Согласно Е.А. Цыпанову, коми-пермяцкий материал по деепричастиям отличается от коми-зырянского, что объясняется как историческими причинами, так и сильным влиянием контактирующего русского языка [Цыпанов 2011а: 143].

По анализу источников можно констатировать разную степень изученности деепричастий в языках с точки зрения их происхождения, грамматических признаков, распространения в диалектах, а также в синтаксическом аспекте.

Глава III

КОМПОНЕНТЫ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА

3.1. Зависимые компоненты деепричастного оборота

У деепричастий, подобно глаголу, развита центробежная валентность, благодаря которой они образуют обороты (конструкции) с зависимыми словами. Деепричастие в обороте – главный, ядерный компонент. Включение в состав оборота того или иного члена строится прежде всего на основе его сочетательных возможностей – лексической и синтаксической. Сочетаемость, понимаемая также как валентность, – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами, в широком понимании – общая сочетательная способность слов и единиц других уровней [Гак 1998: 79–80]. Под активной сочетаемостью (валентностью) понимается способность слова присоединять зависимый элемент [Гак 1998: 80]. Если лексическая сочетаемость определяется индивидуальным значением слова, то грамматическая сочетаемость обусловлена принадлежностью слов к частям речи, способностью той или иной части речи сочетаться со словами других частей речи. <...> Сочетаемость слов составляет индивидуальную особенность системы любого языка, в том числе и коми [Лудыкова 2007: 343; 346]. Исследование активной сочетаемости коми деепричастий выявляет ряд конструкций с зависимыми компонентами, и может быть представлена в виде схем. В данном исследовании приводятся минимальные схемы моделей ДК, при этом зырянский и коми-пермяцкий континуумы имеют некоторые различия.

3.1.1. Компонент конструкции – существительное / местоимение (N / PRN. + CONV)

Компонентом коми деепричастной конструкции может быть существительное в различных падежах, в том числе в номинативе. Отношения деепричастия с зависимым словом в обороте в основном аналогичны отношениям членов предложения, напр., кз. *Рытъявылыс нин, керкаланьё мёддöдчигöн, воштас понсö* (Юхнин 1981: 107) 'Уже к вечеру, когда направлялся в сторону дома, потерял собаку'; <...> *Ольöксан горзö, десятскöйöс, мышкöдыс тойлалігтырйи, посводзöдыс колльöдіс* (Сажин 1987: 81) 'Олексан кричит, десятского проводил до крыльца, толкая в спину'; *Макар дінö котөрöн локтіс Ванюша Попов, отсаліс трактористлы сувтны кок йылö да коскöдыс кутёмён нудіс медпунктö* (Изьуров 1984: 68) 'К Макару подбежал Ванюша Попов, помог трактористу встать на ноги и повел в медпункт, придерживая за поясницу'; *Сар и пондіс шуны: – Тэ, Педөр, сёй чибöдыла ветлігён эн-ö кытчöкö грек вöч* (ВСМ 1986: 120) 'Царь и

начал расспрашивать: – Ты, Педор, когда за глиняным жеребенком ходил, не совершил ли какой грех?»; кп. – *Гортё локтікат пуэс кузя ньёвнат стукотышитлы* (Оласё 1990: 264) 'Возвращаясь домой, по деревьям стрелой постукивай?'; *Сійён даскыным оськёв ылына пидзёсёдз бродитёмн мунём бёрсянь зоночкалён етиш ёшилс* (Фадеев 2006: 9) 'букв. Поэтому пройдя около десяти шагов, увязая по колени, сила пропала у мальчика'.

В абсолютных оборотах существительное или личное местоимение в форме номинатива (в зырянском, коми-пермяцком), генитива, инструментала, датива (в зырянском) является субъектно-определятельным распространителем – аналогом подлежащего простого предложения. Существительные, местоимения указывают на субъект, являющийся непосредственным производителем, источником действия, причем встречаются существительные всех лексико-грамматических разрядов, напр.: кз. *Лёз (Nnom.) тёдчигён Полозов кылс Соломнысь бой пансьём*, <...> (Пыстин 1987а: 74) 'Когда появлялась рассветная синь, Полозов расслышал звуки начинающегося боя в Соломнах'; <...> *и тиын петансё вёчас, мед эз ковмы куткырасьны биыс (Nnom.) ваймытёдз синтё курдёдёмысь* (Юшков 2001: 104) 'И дымоход сделает, чтобы не приходилось моргать от пощипывания в глазах, пока огонь не потухнет (букв. до потухания огня)'; *Готырыс эз радейт, медым сійё (PRNnom.) шойччигён телевизорыс гора варовитис* (Попов // ОКК 2000: 361) 'Жена не любила, чтобы во время ее отдыха громко звучал телевизор'; *Кулі морт, некод (PRNnom.) тёдлытёг: оз бёрдны дінас муса ныв-тыис, оз бёрд сылён дона готырыс ...* (Чисталёв 1987: 52) 'Умер человек, никто не знал (букв. никто не зная): не плачут возле него любимые дети, не плачет его дорогая жена...'; *Мёд баракас <...> олёны колхозник-сезонникъяс. Вёськыда кё шуны, на (PRNnom.) вотёдз ме зэв ёна гажтёмтчи – аслам сиктысь и вокъясъс* (Торопов 2003: 40) 'В соседнем бараке живут колхозники-сезонники. Честно говоря, до их прихода я сильно скучал – по своему селу и братьям'; *Сы (PRNnom.) вотёдз на коліс ылёдлыны томсё <...>* (Юшков 2001: 93) 'До его прихода нужно было отвлечь молодого'; – *Еджыдъясыс эз на воны карас? – Эз на вёвны миян (PRNgen.) петігён* (Савин 1987: 31) 'Белые еще не пришли в город? – Когда мы уходили (досл. во время нашего ухода), еще нет?'; *Сылён (PRNgen) тиёктытёг эськё эз на тадзтё вердны, ва вылын и видзисны да нойтисны на* (Юшков 2001: 136) 'Без его распоряжения так бы не кормили, держали бы на воде да еще и избивали бы'; <...> *подразделенияссё сійё нудёдс лощинаё да, немецъясён (Ninstr) казавтёг кольёмён, эні рытёдз виччысис* (Пыстин 1987а: 15) 'подразделения он отвел в лощину и, оставаясь незамеченным немцами, до вечера ждал там'; *Оні визулыс, некодён (PRNinstr.) торкавтёг, бара кутас вёчны ассьыс уджсё* (Торопов 2003: 36) 'Сейчас течение, никем не нарушаемое, снова будет делать свою работу?'; кп. *Гришунь*

воныс, кодакѳт Лѣха уэльіс ѳтік жырын, *сы* (PRNпот.) *локтік кежѳ* гортын эшѳ эз вѳв, <...> (Фадеев 1997: 214–238) 'Брата Гришуни, с которым Лѣха спал в одной комнате, к его приходу (к тому времени, когда он пришел) дома еще не было <...>'; *Ме* (PRNпот.) *локтік кежѳ* гортын некин эз лѳсяв и этадз, натѳтѳ, вѳлі буржык (Фадеев 2006: 757) 'К моему приходу дома никого не оказалось и так, наверно, было лучше'; *Больгѳ-визывтѳ* Лолымын ва. *Мымда ни сія визывтис Степаныс* (Nпот) *овтѳн*? (Федосеев 1991: 136) 'Бормочет-течет в Лолыме вода. Сколько ее уже утекло, пока Степан жил (за Степанову жизнь)'; *Гортѳ локтѳ шондѳйс* (Nпот.) *петтѳн*, оз и шоччись <...> (Федосеев 1991: 138) 'Домой приходит под утро (букв. когда солнце встает), даже не отдыхает'; – *Сѳйѳн лым* (Nпот) *усьтѳдз* быд год и вундамѳ эд, – *висьталіс парторгыс*, <...> (Федосеев, 1991: 199) 'Поэтому и жнѳм каждый год до снега (букв. до того как выпаднет снег)'; *Уджалис садь* (Nпот.) *быртѳдз*, кок вылісь усьтѳдз... (Федосеев, 1991: 40) 'Работал до потери сознания, до упаду'; *Мишка да Пашка ѳт вешьян коккезнысѳ пуджисѳ пидзѳссз вевдорѳдз да яйныс* (Nпот.) *гѳрдѳттѳдз гардѳсѳ сісѳ* (Баталов, 1959: 35) 'Мишка да Пашка штанины закатали выше колен и до покраснения кожи скручивали их'.

В конструкциях с деепричастиями от фазовых глаголов в сочетании с отвлеченными именами событийной, временной семантики в форме номинатива выражается значение начального либо конечного периода какого-либо события либо временного отрезка: вв. *камин витѳд во* (Nпот.) *номасиген* верковнѳй суд оправдайтѳс (ST IV. 1995: 6) 'В конце тридцать пятого года Верховный суд оправдал'; вв. *Семен лунсянь войсені коймед лун* (Nпот.) *номасьтѳдзис* (ST IV. 1995: 66) 'От Семенова дня у медведей период гона до конца третьего дня'; *Сѳсся войнук* (Nпот.) *номасьтѳдз* ни Мишка, ни Вера эз чѳвтлыны ни ѳти кыв (Юхнин 1981: 143) 'Затем до завершения вечеринки ни Мишка, ни Вера не перекинулись ни словом'; *А кызѳд нѳм* (Nпот.) *заводитчигѳн* Октябрьскѳй революция воѳдз Ухтаѳ волісны вель уна промышленникьяс да кокни нажѳтка корсьысьяс (Юхнин 1949: 6) 'В начале двадцатого века до Октябрьской революции в Ухту приезжало много промышленников и любителей легкой наживы'.

Адвербиализация деепричастий может приводить к изменению сочетаемости, напр., в коми языке встречаются сочетания с образованиями на *-тѳг* с адвербиальным управлением – дативом местоимения или существительного при лексемах *казявтѳг* 'неожиданно', 'незаметно' от глагола *казявны* 'заметить, отметить, приметить, обнаружить, догадаться', кз. *виччысьтѳг* 'неожиданно', *тѳдлытѳг* 'незаметно, вдруг, неожиданно' от глагола *тѳдлыны*, *тѳдны* в отрицательной форме 'не знать, не заметить, не испытать', которые подверглись адвербиализации, при этом нельзя исключать также влияния со стороны конструкций русского языка *неожиданно*

для (себя), незаметно для (себя) (дательная форма в коми соответствует как дательной форме существительного русского языка, так и сочетанию предлога для с родительным имени сущ.): кз. *Аслыс казьявтӧг сійӧ ӧні чабраліс жӧ лаврӧвӧй лист* (Юхнин 1984: 357) 'Незаметно для себя она сейчас тоже мяла в руках лавровый лист'; «*Аслыс тӧдлытӧг*» *лоӧма историкӧн* (Беляев, 2004) 'Сам того не ожидая [неожиданно для себя], стал историком'; *Но Петрова чужӧм вылысь Квитко друг аддзис сы мында шог, сы мында тӧждысьӧм, мый аслыс тӧдлытӧг думышитіс*: «Мый ськӧд? Мый лоис?» (Юхнин 1949: 155) 'Но на лице Петровой Квитко вдруг увидел столько горя, столько тревоги, что неожиданно для себя подумал: «Что с ней? Что случилось?»'; *Мирослава Юрьевна вештіс видзӧдлассӧ Мариналань, код вылӧ сійӧс зэв дӧсада босьтӧ, и аслыс виччысьтӧг думнас кутіс кевмысьны*: «Енмӧй, тэ кӧ эм, вӧч сідз: <...>!» (Ануфриева 1989: 37) 'Мирослава Юрьевна перевела взгляд в сторону Марины, на которую она была сердита, и неожиданно для себя мысленно стала молиться: «Боже, если ты есть, сделай так ...<...>»; кп. <...> *талун Лӧха, ась кытчӧдз и аслыс казьявтӧг, видзьышитіс сы вылын синнэзнас невночка дыржык ни <...>* (Фадеев 1997: 219) 'сегодня Лӧха, пусть пока и незаметно для себя, немного подольше задержал на ней свой взгляд'.

В конструкциях с существительным в некоторых падежных формах (инструменталь, инессив, иллатив) лексически ослабленное деепричастие может представлять полуотвлеченную или знаменательную связку, а существительное – именную, присвязочную часть, сочетание соотносительно с именным сказуемым простого предложения. Поэтому деепричастную конструкцию можно отнести к *именной деепричастной конструкции*, которая включает в свой состав отвлеченные, полуотвлеченные связки. В предложении коми языка именное сказуемое, предикативная часть которого выражена творительным падежом имени, без связок, отвлеченных, полуотвлеченных или знаменательных, как правило, не употребляется [Лудыкова 1985: 34], напр., кз. *Сійӧ мӧвпаліс лунын бырӧдны сійӧс, войын тӧдлытӧг уськӧдчыны, невидимкаӧн пӧртчӧмӧн кыйны ловйӧн, но нинӧм оз артмы* (Пыстин 1987а: 69) 'Он рассчитывал уничтожить его (противника) днем, ночью напасть, превратившись в невидимку (букв. обернувшись невидимкой), поймать живым, но ничего не получилось'; *Первой воясас салдатын служитӧгӧн аслас синъясӧн удайтчис аддзывны «Потемкин» броненосецӧс <...>* (Юхнин 1981: 82) 'На первом году службы в солдатах своими глазами удалось увидеть броненосец «Потемкин»'; *Тайӧ чинас уджалігӧн сійӧс пыдди пуктылісны, кызди авъя да бур сьӧлӧма мортӧс* (Полещиков 1991: 60) 'Когда работал в этой должности, его уважали, как толкового и добросердечного человека'; иллатива: *Энь сюзь кольӧіс айсӧ синъяснас чутӧ пӧртӧдз да лӧнис* (Юшков 2001: 291) 'Сова проводила

глазами филина, пока он не превратился в точку, и успокоилась'. Имена с семантикой действия в форме иллатива с деепричастиями от глаголов *кутчысьны* 'взяться', *босьтычны* 'взяться', *пырöдчыны* 'тж' обозначает начало действия, за которое субъект берется, которое начинается: *Раклөн лоё позянул тöдмасьны интересной йöзкөд, кодъяс окотапырысь сетасны колана вöзиймьяс выль уджö кутчысигөн* (Декабрь тöлысь кежлö гороскоп, 2011) 'У Раков появится возможность познакомиться с интересными людьми, которые охотно дадут ему полезные советы, букв. приступая к работе'. В составе конструкции может быть депиктивный член: *Но оз элясь Косьта ас ки пöв вылö, көть эськö и шулывліс гажя юрөн грездысь волігьясөн, мый куница пö сьöд, да дона, а көч еджыд – да донтöм* (Терентьев 2003: 33) 'Но не жалуется Коста на свою руку, хоть временами и говорил, *приходя пьяным* (букв. с пьяной головой) из деревни, что куница черна, да дорога, а заяц бел – да дешёв'; *Ся код юрнас* (букв. пьяной головой) *телегасьыс лэччигөн мешöкыс косяссис, идйыс ставыс киссис öти мешöкыс* (ЗТ 1996: 96) 'Потом *слезая в пьяном состоянии* с телеги, мешок порвался, из одного мешка весь ячмень высыпался'.

На основе анализа синтаксических отношений компонентов – деепричастия и существительных в формах различных падежей, соотносительности деепричастия со сказуемым простого предложения, можно выделить два вида деепричастных конструкций: *глагольные* и *именные*. В *глагольных конструкциях* деепричастие соотносимо с глагольным сказуемым. В *именных конструкциях* деепричастие имеет связочный характер, выступает в качестве вспомогательного компонента, а основной компонент – именная присвязочная часть – представлен падежными формами имен существительных. Деепричастно-именное сочетание соотносительно с именным сказуемым. В лингвистической литературе деепричастные конструкции такого типа определяются как нечленимые, они «представляют собой неразложимое целое в смысловом и синтаксическом отношениях» [Сулейманова 2008: 55].

3.1.2. Компонент конструкции – послеложно-именное сочетание (Npost / PRNpost + CONV)

Деепричастия сочетаются с существительными с помощью послелогов, как и глаголы: кз. *Му бердö водігөн дзуртышталісны полной коръя нин кыдзяс, тупуяс, бадьяс* (Юхнин 1981: 252) 'Прилегая к земле, поскрипывали полнолистные уже березы, осины, ивы'; *Параллельной прöсек кузя мунигөн, кыті йöзыс ветлісны кварталлөн рытыввыв пельöслань, вöрыс быттьö ловзис гудöк шыысь* (Юхнин 1981: 251) 'Когда шли по параллельной просеке, где люди ходили в западный угол квартала, лес будто ожил от звуков гармонии'; – *Менам вед и синмэй көсэй, Кузь туй вылас видзедіген*

синмей көсэй (ОКЗР 1971: 64) – ‘Ведь у меня и глаза косые, глядя на длинную дорогу, глаза косые’; кп. *Нывка закажитö джоджэ улись петтöн воньслö* <...> (Оласö 1990: 118) ‘Выходя из подпола, девочка просит брата <...>’; *А ня деревня дынö локтöдз мунисö баснитöг, быдыс думайтис аслыс* (Нилогов, 1997: 331) ‘А они, до того как дойти до деревни, шли молча, каждый думал о своём’; – *Тэ эн жö бобась серöмтчыны каньыс вылö видзöтикö* (Оласö 1990: 117) ‘Ты хоть не вздумай засмеяться, глядя на кота’; *Котраси кок йылись усьтöдз* (Оласö 1990: 315) ‘Набегалась до упаду (букв. до упаду с ног)’.

С деепричастием в роли связки в *именной деепричастной конструкции* существительное с послелогом выступает в функции именного предиката: *Приложение пыдди мунигöн определительнöй нимтан падежа существительнöй оз жö вежлась* (Карманова 1980: 49) ‘Употребляясь в качестве приложения (букв. идя вместо приложения), определительное существительное в именительном падеже не изменяется’; *Обстоятельство туйын тиöкыда бергалигöн сийö босьтö ас вылас мöд функция да вочасөн пöрö урчитанö* (ÖKK 2000: 419) ‘Часто употребляясь в качестве обстоятельства, оно начинает выполнять другую функцию и постепенно становится наречием’.

В условиях сложноподчиненного предложения деепричастная конструкция, находящаяся в составе придаточного определительного предложения, может включать зависимый компонент – союзное слово: *Но миян эмöсь кутшöмсюрö мукöд источникъяс, кодъяс вылö мыджсьöмöн вермам тöдмавны мыйсюрö зэв важся олöм йылысь* (Илья Вась 1994: 38) ‘Но у нас имеется ряд других источников, опираясь на которые мы можем получить информацию о жизни в стародавние времена’.

3.1.3. Компонент конструкции – прилагательное / адъективное местоимение (Adj. / PRNadj. + CONV)

Именные черты деепричастий коми языка проявляются в сочетаниях с прилагательными и местоимениями, обладающими признаками адъективности, в проявлении атрибутивных отношений. Способность коми-зырянских деепричастий иметь при себе определения (местоимение *быд* ‘каждый’ и имена прилагательные, уточняющие указание времени) замечена Д.В. Бубрихом [Бубрих 1949: 138], Д.Р. Фокошем-Фуком [Fokos-Fuchs 1958: 323]. Исследуя синтаксис прилагательного в коми языке, В.М. Лудыкова говорит о специфических конструкциях прилагательных с деепричастиями. Уточняя наблюдения Д.В. Бубриха относительно этого явления, она отмечает, что не только деепричастия на *-игöн*, но и деепричастия с формами *-тöдз* и *-тöг* могут присоединять адъективное определение достаточно регулярно [Лудыкова 2007: 384–385].

Согласно А.С. Сидорову, признаками адъективности обладают порядковые и даже количественные числительные и соответствующие адъективные местоимения: *кутийом* 'какой', *сэтийом* 'такой', *ас* 'свой', *тайо* 'этот', *сийо* 'тот'. Адъективными признаками обладают и формы родительного и притяжательного падежей притяжательных местоимений 1 и 2 лица единственного и множественного числа – *менам* 'мой', *тэнад* 'твой', а также формы тех же падежей определительных местоимений 1, 2 и 3 лица единственного и множественного числа также с притяжательным значением *аслам*, *аслад*, *аслас* и т.д. 'мой, твой, свой' соответственно [Сидоров 1953: 11]. Адъективные местоимения, по замечанию Г.В. Федюновой, отличаются значением: они всегда функционируют в качестве определения, исключая случаи, когда <...> притяжательные местоимения можно рассматривать как субстантивные местоимения в генитиве: *Ме эг на страститчы телевизор дорас, и аслам на лосьодотом* (П. Шахов) [Федюнева 2000б: 196]. В отличие от коми-зырянских употреблений, в коми-пермяцком и удмуртском языках сочетание деепричастий с адъективами исследователями не отмечено.

Деепричастия распространяются прилагательными с временным значением, напр., *Воліс пѳѳ да висьталіс, мый асья сѳйтѳгыс оз на лѳдз найѳс*, <...> (Юшков 2001: 26) 'Приходила бабушка и сказала, что без утреннего завтрака (если утром не поедят), их не отпустит'; *Менсьым ректасьяс, муртса кызь во тыри, душалисны воддза видласигѳн* (Доронин 1987: 122) 'Мои подсеки, двадцать лет едва прошло, поделили по количеству душ в предыдущую проверку'. Однако могут присоединяться прилагательные и с другими значениями: *Чужан муас ѳчередной волігѳн Каллистрат Жаков сувтіс Висдін сиктѳ, тѳдмасис Чукичевьяскѳд* (Костромина 1991: 59) 'Во время очередного возвращения на родину Каллистрат Жаков оставался в Висдине, познакомился с Чукичевыми'; <...> *сытѳ эськѳ, сылѳн мудрой велькѳдлытѳг, став олѳмыс дзикѳдз вылѳ сувтіс* (Торопов 2003: 652) 'без него, без его мудрого управления, вся жизнь бы остановилась'. Чаще всего в качестве атрибута выступает определительное местоимение *быд* 'каждый', формируя значение одновременного действия типа «каждый раз, когда», осложненное значением повторяемости: *Нимкодъпырысь казяла, мый быд выль качнитігѳн пилитѳм костыс пыр ѳнджыка паськавлѳ* <...> (Торопов 2003: 446) 'С радостью отмечаю, что при каждом новом качке пропиленная щель всё больше расширяется'; *Черѳн выльысь быд ѳвышитігѳн Петра отсышитіс аслыс гора кракнитѳмѳн* (Юхнин 1981: 299) 'При каждом взмахе топора Петра помогал себе громким криканием'; вс. *Туйыс кузь и ѳдьѳѳн ѳна тракьяс, колмас терпительны и быд тракнитігѳн шуны* «Свят!» (ОКЗР 1971: 142) 'Путь дальний и сильно трясет, придется потерпеть, и при каждом толчке говорить «Свят»'; *Илья отсасис батъыслы, командуйтіс дружкася вылын, жырйысь быд петавлігѳн*

чөвтыштліс синъяссö вьль гозъя вьлö (Юхнин 1981: 251) 'Илья помогал отцу, командовал дружками, во время каждого выхода бросал взгляд на молодоженов'.

Возможно примыкание к деепричастию отрицательных адъективных местоимений, усиливающих отрицание в конструкции и предложении: вв. *А Лымва Иван иссэ пель вылаз босьтас да некутишем шойччылтэг катдас гортэ эшинь улас* (ST IV. 1995: 62) 'А Лымва Иван <...> взвалит камень на плечо и безо всякого отдыха принесет домой под окно'; *Некор на тадзсö эз вöвлы, некутиём пажнайтігөн* (Торопов 2003: 121) 'Никогда еще так не было, ни при каком ужине'.

В качестве атрибутов деепричастия можно встретить указательные местоимения, которые «указывают на любой признак, точнее, “на признак вообще”, который получает конкретную качественную определенность только в контексте» [Лудыкова, Федюнева 2003: 150], а также числительного *öти* 'один', которое, по нашему мнению, в данном случае сближается по значению с неопределенным местоимением *кутиёмкö* 'какой-то, некий', так как здесь «важно не количество предметов, явлений, а именно то, что речь идет о неопределенной единице из множества подобных, и весьма свободно можно осуществить замену на слова со значением “некий, какой-то”» [Стрелкова 2009: 29]: *Клубын быд рыт вöлі кутиёмкö да гаж. Öти татиём рытйысигөн и тöдмасьöмадсь найö* (Макарова 2011) 'В клубе каждый вечер происходило какое-нибудь да веселье. На одной из таких посиделок (букв. проводя одну из таких посиделок) они и познакомились'; *Тадзнад пö ми тиыг кулам, сёрнитöны (вокъяс). Öккурат сійö сёрнитігөн ош кыпöдчис колода бокыс* (ВСМ 1986: 139) 'Так мы с голоду помрем, ведут разговор братья. Аккурат в момент этого разговора (деепр.) медведь поднялся возле колоды'.

3.1.4. Компонент конструкции – наречие / адвербиальное местоимение (ADV/ PRNadv. + CONV)

Наречия в коми языке бывают обстоятельственные, определительные (качественные), изобразительные. В современных исследованиях вместо местоименных наречий выделяются наречные (адвербиальные) местоимения на основании того, что «указательные слова, соотносимые с классом наречий, образуют в языке достаточно хорошо вычленяемую область именно местоимений на основании общности их семантических свойств и сходств языковых функций» [Лудыкова, Федюнева 2003: 159–163]. В данном разделе имеет смысл объединить части речи, так как «наречные местоимения содержат в своей семантической структуре “семы наречности” – самые общие указания на локальность, темпоральность, каузативность» [Лудыкова, Федюнева 2003: 160]. Наречные местоимения в деепричастной

конструкции не имеют конкретного лексического значения, «слова, заменяющие наречие, как и другие местоимения, связывают предложения, организуют текст» [Федюнева 2000б: 199].

Деепричастия сочетаются с примыкающими к ним: 1) определительными (качественными) наречиями со значением образа действия, меры, количества, степени; 2) обстоятельственными наречиями времени, места, причины и т.д., а также указывающими на эти признаки местоименными наречиями:

– с определительными наречиями, которые дают качественную характеристику действия, выраженного деепричастием, указывают на образ действия, меру и степень: кз. лл. *Ме гатиш куйлігдөн кынёмас сөті ошлō* (ОКЗР 1971: 154) 'Я, лёжа на спине, ударил медведя в живот'; *Пашко пōль збыльысь поліс, мый оз инмы, да метитчис печиктыны бура артыштōмдөн* (Юхнин 1981: 240) 'Дед Пашко действительно боялся, что не попадет, и примеривался щелкнуть, хорошо рассчитав'; *Веськыда шуам: асьсō жалиттōг уджалō Геннадий Анатольевич, пыдїсянь мōвпалōмдөн да йōз водзын кыв кутōмдөн* (Югид туй, 1989, 13.05.) 'Прямо скажем: не жалея себя работает Геннадий Анатольевич, основательно осмысливая и неся ответственность перед людьми'; *Сёрнисō торкис самолёта хатаысь ньōжйōник, сьōкыда восьлалōмдөн петысь чукырōськодь чужсōма, дзор юрси пратьясa нывбаба* (Пыстин 1987а: 13) 'Разговор прервала неторопливо, тяжело ступая вышедшая из хаты с самолетом женщина с морщинистым лицом и седыми прядями волос'; *Чорыда ёрччыштōмдөн йōз вылō горōдліс <...>* (Сажин 1987: 83) 'Крепко выругавшись, крикнул на людей'. *Кык воысь дыр воюйтїгдөн Соколов унатор нин аддзывлїс аслас синьясōн <...>* (Пыстин 1987а: 16) 'Воюя дольше двух лет, Соколов уже много повидал своими глазами'; *Ме лунтырьасōн тїлси пōшти шойччывтōг* (Торопов 2003: 57) 'Я целыми днями возился, почти не отдыхая'; кп. *Ме каттиси коккет увтын, мед тэ усин да шедін поннєз омō, – лōга шыннлōмдөн шыасис бōж* (Оласō 1990: 26) 'Я путался между ногами, чтобы ты упала и попала собакам в пасть», – зло усмехаясь, ответил хвост'; <...> *сэтōн бокат ключыс булюкōн кайō, ѓксыйштōма ѓрокō, абу тōрōм да визыла булькōтōмдөн котōртō* (Лихачев 1997: 33) 'там с твоей стороны источник бурлит, вода устремилась в русло, не вместились и бежит, бурно клокоча'; *Сьōкыта чушыктōмдөн, ружтōмдөн сїя лэбтїс зверь тушасō полок вылō <...>* (Шадрин 1997: 65) 'Тяжело дыша, кряхтя, он поднял звериную тушу на полок'; *Томнас дойдлōма пидзбсō, и бнї коксō новїйтїс невна лэбтōмдөн* (Минин 1997: 118) 'В молодости повредил колено, и теперь переставлял ноги, немного приподнимая'; *Дима чуть сералыштлōмдөн видзōтїс бокō* (Баталов 1997: 123) 'Дима, немного посмеиваясь, смотрел в сторону'; <...> *кузь пōрись пипулōн чегисō косьмōм уввез и, кōзззз бердō, шура-шара кышасьōмдөн усисō лым вылō* (Федосеев 1997: 276) 'у длинной старой осины сломались сухие ветки и,

с шумом задевая деревья (букв. громко цепляясь), попадали на снег, под ели'; *Одззамоз риз-риз шынняявтён, одзлань сія горётчис* <...> (Фадеев 1997: 229) 'По-прежнему весело улыбаясь, он потом крикнул'.

– с обстоятельственными наречиями (места, времени, причины, цели): кз. *Боксянь видзёдігён кажитчис, быттьо тані, съёд вёр шёрлён тайё би югёрас, уджалісны мойдса багатыръяс* (Юхнин 1981: 299) 'Если посмотреть со стороны, казалось, будто здесь, в этом луче света посередине темного леса, работают сказочные богатыри'; *Водзё мунігён нин Мирон висьталіс на йылысь* (Юхнин 1981: 307) 'Уже когда шли дальше, Мирон рассказал о них'; *Татчё пыртёдз на сійё кывліс, мый пещераын олёны затворникьяс* <...> (Юхнин 1981: 265) 'До того как войти сюда она слышала, что в пещере живут затворники'; <...> *пещераын олёны затворникьяс, кодьяс некытчё петавтёг лун и вой кевмёны енлы*, <...> (Юхнин 1981: 265) '<...> в пещере живут затворники, которые, никуда не выходя, день и ночь молятся богу'; *Сэні со мый воссис: повзёмывысьыд пышйигён Ыба-Межадора костысь кодкё пилитёма да пёрёдёма телеграфной сюръя – орёдёма провод* (Савин 1987: 36) 'Оказалось: убегая от страха, кто-то спилил на участке между Ыбом и Межадором и свалил телеграфный столб – порвал провод'; кп. *Боксянь кыйёмён менё вийисё, Лапыт кыдз увтё менё кундісё* (Оласё 1990: 126) 'Поймав со стороны (т.е. неожиданно), меня убили, под развесистой березой меня похоронили'; *Вёралісь перыта бергётчис, пицальсё киас видзёмён да бёрас видзётлёмён, вешиис кёзыс бокись* <...> (Федосеев 1997: 271) 'Охотник резко обернулся, держа в руках ружье и, босмотрев назад, отошел от ели'; *Ашынас вёрё пыртён эз вёв Перин* (Климов 1997: 174) 'Когда утром заходили в лес, не было Перина'; *Сія и эстён, ётмёдёрё вешиышавтён да кадісь кадё бергавтён, дугдывтёг мыйкё висьтасис* (Фадеев 1997: 221) 'Он и там, отходя в другую сторону и крутясь время от времени, без конца что-то говорил'; *Но мед не биштыны весись кад, эстён сулавтён ни сія юаліс* <...> (Фадеев 1997: 235) 'Чтобы не терять времени попусту, уже стоя там, он спросил <...>'. Следует отметить некоторые особенности распространения в предложении деепричастия компонентами со значением времени, выраженными наречиями или послеложно-именными сочетаниями. Темпоральными распространителями в деепричастной конструкции могут быть наречия, послеложно-именные обороты, прилагательные. Если прилагательные определяют только деепричастие, то в отношении наречий и послеложно-именных оборотов в некоторых случаях может возникать два вида членения: отнесенность к составу основного предложения либо к составу деепричастной конструкции: *Помнита, дзёля дырий велёдчигьясён сэтишмьясё сетавлісны миянлы* (В. Савин) 'Помню, в детстве в периоды учебы такие нам выдавали'; вв. *Арнас вёраліген найэ лым усьтэдз аддзасні ош гу* (ST IV. 1995: 70) 'Охотясь осенью, они

до выпадения снега обнаружили медвежью берлогу'; уд. *Ќтпыр вѳралігѳн ягисѳ локті рытѳя станам* (ОКЗР 1971: 256) 'Однажды охотѳся (на охоте), пришел из леса к вечернему стану'. Отсутствие обособления и позиция между глаголом и деепричастием может затруднять отнесенность наречия либо к составу основного предложения, либо к составу деепричастной конструкции, напр.: *Рудникѳн шусис буретш сійѳ местаис, кодѳс Ламбей аддзыліс тулыснас том йѳз бѳрся кыр йылѳ кайигѳн* (Юхнин 1949: 38) 'Рудником называлось то самое место, которое Ламбей видел, поднимаясь весной за молодыми людьми на гору': *аддзыліс тулыснас* 'видел весной' / *тулыснас кайигѳн* 'поднимаясь весной'; *Кучик чемодансѳ <...> Фриче пѳдаритас кудель юрсиа машинистка Элизабетлы, кодкѳд сійѳ тѳдмасьліс тѳлысь-мѳд сайын дивизия штабѳ волігѳн* (Пыстин 1987а: 68) 'Кожаный чемодан Фриче подарил машинистке Элизабет с волосами как кудель, с которой он познакомился, когда приходил месяц-другой назад в штаб дивизии': *тѳдмасьліс тѳлысь-мѳд сайын* 'познакомился пару месяцев назад' / *тѳлысь-мѳд сайын волігѳн* 'приехав пару месяцев назад'.

Обособление деепричастной конструкции, находящейся в постпозиции от наречия, определенно указывает на уточнение: *И ме чайта сы вѳсна, мый тулыснас, дозмѳр кыйигѳн, буретш татшѳм кодѳн жѳ – омѳльт-чѳмаѳн да тошсялѳмаѳн – вѳталі батѳс* (Торопов 2003: 54) 'И я думаю потому, что весной, во время охоты на глухаря, точно таким же – поху-девшим и обросшим – увидел во сне отца'; *Мирон дыр видзѳдѳс шкоргысь Петра вылѳ да кылѳс, кыдзи морѳс пытикас чукѳрмѳ буретш сѳтшѳм жѳ буйнѳй чувство, кутшѳм коркѳ вѳвлѳс нин ѳтчѳд – Пѳкрѳв лунѳ Матвей Степан ордын пируйтігѳн* (Юхнин 1981: 305) 'Мирон долго смотрел на храпевшего Петра и чувствовал, как в груди закипает то же буйное чувство, которое уже возникало однажды – когда пировал во время праздника на Покров у Матвей Степана'. Окружение другими распространителями конструкции (интерпозиция – между деепричастием и объектным компонентом) компонента с темпоральным значением также снимает возможность двоякого толкования его отнесенности к составу основного предложения / деепричастной конструкции: *Ассьыс татшѳм видзѳдлас висѳталѳс сентябрь 8 лунѳ тайѳ закон баласѳ совещание дырйи донѳялігѳн <...> Ольга Савастьянова* (Коми му, 2010, 11.09.) 'Свое мнение высказала 8 сентября при обсуждении этого законопроекта Ольга Савастьянова'.

3.1.5. Компонент конструкции – инфинитив (Inf. + CONV)

ДК с инфинитивом получили распространение в период развития литературного языка, в фольклорных произведениях, диалектах они встречаются редко. Из зырянских фольклорных и диалектных текстов [КМК 1913;

ФС 1938; ВКМ 1950; ИФ 1980; ВСМ 1986; ЗТ 1996] удалось извлечь лишь четыре примера с конструкцией Inf. + CONV, а в фольклорных и диалектных коми-пермяцких текстах [КПГ 1980; СТ I 1985; Оласё да вёласё 1990] не встретилось ни одного примера. Также редки конструкции и в коми-пермяцких литературных произведениях, по сравнению с коми-зырянским.

В конструкциях деепричастия выступает зависимый инфинитив (форма *-ны*): 1) при деепричастиях, образованных от модальных глаголов, называющих действие, состояние, указывающее на отношение к действию, выраженному инфинитивом: возможность-невозможность, способность-неспособность, умение или неумение, намерение, желание его совершить. Действия деепричастия и инфинитива относятся к одному субъекту, поэтому инфинитив в данных конструкциях является субъектным: кз. *Сэсся кӧдзыд биӧн ыпъялысь шондыс, буракӧ, ёна жӧ мудзис весьшӧрӧ пессыны, шоныдсӧ сетны вермытӧг пычкысьны да дыр кезлӧ дзесбис кыз кымӧрьяс сайӧ* (Торопов 2003: 552) 'Затем полыхающее холодным жаром солнце, вероятно, устало понапрасну трудиться, напрягаться, не имея сил давать тепло, и надолго спряталось за тучи'; <...> *Зоя на дӧнын кажитчис йӧнӧдывса кыддӧн, кодӧ быттьӧ россӧма паськӧдчыны удиттӧдз* (Изьюров 1984: 19) 'Зоя рядом с ними казалась березкой, выросшей на болотистом месте, которая как будто обтрепалась, не успев разрастись'; – *Ачыд тӧдан, ме ог тӧд, – жаль петкӧдлыны зльӧмӧн вочавидзис Левонь да бӧр пуксис пызан сайӧ* (Изьюров 1984: 80) 'Сам понимаешь, я не знаю, – стремясь показать жалость, ответил Левонь и опять сел за стол'. *Сы гӧгӧр колины морт кызь-комын, но найӧ сулалӧсны повтӧма, чорыда, бӧрыньчыны кӧсйытӧг* (Горький 2009: 30) 'Вокруг него осталось чело-век двадцать-тридцать, но они стояли без страха, уверенно, не желая отступать'. Сочетание модального деепричастия с субъектным инфинитивом соотносимо с составным глагольным сказуемым простого предложения;

2) при деепричастиях от глаголов с фазисной семантикой, указывающей на начальный момент протекания действия, выраженного инфинитивом: кз. *Со эстӧн пу дорас менам шӧркост вокӧй куйлӧ. Сӧмын сӧйӧ неуна пельтӧм да оз кыв, сӧрнитны заводиттӧдз колӧ сылы кучкыны* (ВКМ 1950: 44) 'Вот там под деревом мой средний брат лежит. Только он глуховат и не слышит, перед тем как начать разговаривать, нужно его ударить'; «*Катла, горт гӧгӧрын пуктысьны заводиттӧдз кӧть додь-мӧд турун вӧчышта*», – *шуӧ Вась гортсаылы* (Чисталёв 1987: 45) 'Сплаваю вверх по реке, до того как начать сеять около дома, хоть на пару саней сена наготовлю», – говорит Вась домашним'; *Лӧз тӧдчыны заводиттӧдз на цептӧ разӧдчӧмӧн Рочевлӧн ротая шытӧг да тыдавтӧг, вуджӧрьяс моз, тӧвзисны водзӧ* (Пыстин 1987а: 65) 'Выстроившись в цепь ещё до того как начала появляться рассветая синь, роты Рочева тихо и незаметно, как тени,

помчались вперед'; *Сортовка вѳчны заводитчѳтѳдз ми сыкѳд вѳравны мѳдам* (Юхнин 1981: 279) 'До того как начнется валка сортового леса, мы с ним будем охотиться'; – *Эм! – нурбыльтѳс Карпенко, места вывсыяныс котѳртны уськѳдѳмѳн* (Пыстин 1987а: 75) '– Есть! – буркнул Карпенко, бросившись бежать с места'; *Оз кѳ аддзѳдлы уджавны пондытѳдзыс, кык пѳвста шог мамыслы вѳчас* (Юшков 2001: 411) 'Если не увидится до того, как начнет работать, матери двойную боль нанесет'.

Не характерны для коми языка деепричастные конструкции с инфинитивом, выражающие окончание действия. В этом отношении коми язык демонстрирует близость с удмуртским языком, в котором, согласно П.Н. Перевощикову, вместо сочетаний инфинитива с деепричастием, выражающим завершение действия, используются сочетания фазового деепричастия с отглагольным существительным на -он (-ѳн) в форме аккумулятива: *Кончѳс писатѳ, Егор встал* = удм. *Гожъянзѳ йыпумъяса, Егор султѳз* [Перевощиков 1959: 165], ср. кз. *Гижѳмсѳ эштѳдѳмѳн, Егор сувтѳс*. Таким образом, для коми языка характерно употребление конструкций инфинитива с фазовым деепричастием со значением начала действия. Начало действия в деепричастных конструкциях в коми языке передается также в моделях Nill. + CONV, Naccus. + CONV;

3) при деепричастиях с семантикой каузирования, побуждения к действию одного лица другим, представлен объектный инфинитив с субъектом – объектом основного действия: *Ѳти керкаас самѳй вѳлѳ ужнайтѳны да пызан сайысь чеччыны лѳдзлытѳг и став уджсѳ вѳчисны* (Сажин 1987: 102) 'В одном из домов как раз ужинали, и, не дав ни разу встать из-за стола, все дела и решили'; <...> *да мѳднас кутѳс салдатѳс юрѳдыс сийѳсалѳмѳн да сѳдзи, юрсѳ кыпѳдны лѳдзтѳг, видзѳс бура дыр* (Шаманов 1987: 334) '...> а другой (рукой) держал солдата, захомотав голову, да так, не давая поднять головы, держал довольно долго'; *Омѳль эськѳ лои Васѳлы, Прокѳ бѳрласайсянь кѳ Иван эз веськав кучкыны майѳгѳн Прокѳ киѳ, сылы мѳдысь лыйны сеттѳг* (Габов 1987: 323) 'Плохо пришлось бы Васе, если бы Иван не смог ударить палкой по руке Прока, стоя за его спиной, не дав ему выстрелить второй раз'; кп. *Сенич Фѳдор уджавны иньдытѳн кутчис ыксыны улицатыр: «Ачит мун да уджав»* (Федосеев 1991: 195) 'Сенич Фѳдор при назначении на работу (досл. назначая на работу) начал кричать на всю улицу: «Иди и сам работай»';

4) в конструкциях с деепричастиями со значением действия инфинитив обозначает цель действия: *Узыны водѳгас, кор пѳрччис сѳйѳ чунькытшѳс, друг сы водзын лоис зѳв мѳча молодец* (ВКМ 1950: 146) 'Укладываясь спать, когда сняла она кольцо, перед ней вдруг возник молодец-красавец'; *Поп и шуѳ: «– Узыны водтѳдз ѳд ужнайтѳывлѳны* (ФС 1938: 27) 'Поп и говорит: «– Ведь до того как лечь спать, обычно ужинают»; *Сѳйнысѳ пуксытѳдзыс*

на Бияр перйис нопсыс сов чёлансё да сувтёдіс пызан вылас (Юшков 2001: 173) 'До того как есть, чтобы поесть, Бияр вытащил из мешка солонку и поставил на стол'.

3.1.6. Компонент конструкции – деепричастие (CONV + CONV)

Деепричастие может распространяться деепричастием. Следует отметить, что сфера функционирования конструкций деепричастия с деепричастием – главным образом сфера литературного языка, данная модель больше распространена в коми-зырянских текстах, нежели в коми-пермяцких. В разговорной речи, произведениях фольклора они редки, напр., в сборниках сказок и диалектных коми текстах [КМК 1913; ФС 1938; ВКМ 1950; ИФ 1980; КПП 1980; ST I 1985; ВСМ 1986; Оласё да вёласё 1990; ЗГ 1996] не встречается ни одной деепричастной конструкции, построенной по модели CONV + CONV. В удмуртском языке сочетания деепричастия с деепричастием описаны П.Н. Перевощиковым [Перевощиков 1959: 171–178].

В зависимости от форм деепричастий и их семантики между главным и зависимым деепричастием возникают различные отношения: зависимое деепричастие может характеризовать главное деепричастие как обстоятельство образа действия: *Неуна надзыштёмён сійё пырис дрёбалём еджыд хатаяс пёвстё да, кымынкё минут чёж зуркийгырийи мунёмён, крута бергёдчис керкаяс костё* (Пыстин 1987а: 11) 'Немного отстав, он прошагал к разрушенным белым хатам и, пройдя с шумом за несколько минут, круто повернулся идти между домами'; *Сёрнитігырийи мунёмён найё пырисны сикт помё* (Пыстин 1987а: 17) 'Пройдя переговариваясь, они дошли до конца села'; – *Кылан, Ванюша? – зонлы синмас кызкё полігыр видзёдёмён надзёник юаліс Васса* (Изьюров 1984: 97) '– Слышишь, Ванюша? – как-то боязливо (букв. боясь) смотря в глаза юноши, тихо спросила Васса'. *Васька Окуль бура дыр чёв пукаліс, <...> сэсса, юрсё бергёдгырийи ставныс ылё видзёдёмён, нуртёминика шуис: – Коді бара тадзисё вёчис-а?* (Пыстин 1987б: 164) 'Васька Окуль долго сидела тихо, затем, оглядывая всех, поверачивая голову, грустно сказала: – Вот только кто такое сотворил?'; кп. *Кокнит чочком кымёроккез <...> мыдзтёг одзасёмён тэрмасёны кытчёкё ылё, ылё* (Баталов 1997: 129) 'Лёгкие белые облака без усталости обгоняя друг друга торопятся куда-то далеко-далеко'.

Зависимое деепричастие может указывать на время совершения действия, выраженного главным деепричастием, и одновременность действий: кз. *Сэсса сійё мортыс, гырыся вольалёмён, пась пёлаяссё кокъяснас быд воськовтёгн шевкйёдліг, кутіс шавксёдны улань* (Изьюров 1984: 33) 'Затем этот человек, широко шагая, на каждом шагу отмахивая ногами полы пальто, стал стремительно удаляться под гору'; *Отчыд, кёч кыйигад вёрёд ветлігён, Онёлы паныд сюри Олёш Илля <...>* (Сажин 1987: 95)

‘Однажды, когда ходил по лесу (букв. ходя по лесу) охотясь на зайца, Оне (Андрею) попался навстречу Ольош Илья’.

3.1.7. Деепричастные конструкции с придаточными предложениями

Член предложения, выраженный деепричастием, может распространяться придаточной частью (придаточным предложением). Деепричастие, распространенное придаточным предложением, встречается уже в оригинальных произведениях середины XIX в., напр., у И.А. Куратова: *Артавтӧг, мый садьма лёка, виччыси ме чӧскыд ун* (Куратов 1979: 431) ‘Не думая, что проснусь с трудом, ожидал я наступления сладкого сна’. В текстах также можно встретить деепричастные конструкции, осложненные однородными членами, распространенные придаточными предложениями, напр.: кз. *Видчӧмӧн да грӧзитчӧмӧн, мый мырдӧн нуасны тьӧткаӧс, пуксьӧдасны решётка сайӧ, Кӧбӧль Ӧньӧ мунис* (Попов 1987а: 70) ‘Ругаясь и грозясь, что тетку потащат насильно, посадят за решетку, Коболь Ӧньӧ ушел’. Распространение деепричастия придаточным предложением характерно для художественной литературы: кз. *Сталин татчӧ мурт-са нюммуныштіс, гӧгӧрвоӧмӧн, мый Сольвычегодск мем ковмис сӧмын сы вӧсна, мед казътыштіны сылысь ссылка местасӧ* (Юхнин 1949: 213) ‘Сталин на это чуть заметно улыбнулся, поняв, что Сольвычегодск мне нужен был только для того, чтобы напомнить о месте его ссылки’; кп. *Думайтӧнъяс, мый керны одзлань, Вова эшӧ ӧтпырись, горӧн да горша ньылыштіс ӧмсис чукӧртчӧм дуль, <...>* (Фадеев 1995) ‘Размышляя, что делать дальше, Вова еще один раз громко и жадно сглотнул накопившуюся во рту слюну’.

Чаще всего придаточным предложением в коми-зырянском литературном языке распространяются члены предложения, выраженные деепричастием на -ӧмӧн, напр.: *«Збойлуннад мян этиша босьтан, — ас кежсьыс думайтіс Домень, чорыда эскӧмӧн, мый тайӧс нинӧм оз гӧгӧрво Макара* (Изьуров 1984: 36) ‘Бойкостью у нас много не достигнешь, — думал про себя Домень, крепко веря, что всего этого Макара совсем не понимает’; — *Гӧгӧрвоана, Яков Петрович, — вочавидзис Ӧндрей да, весиг вунӧдӧмӧн, мый кайлоыс бригадирлӧн, заводитіс уджавны* (Юхнин 1949: 146) ‘— Понятно, Яков Петрович, — ответил Андрей и, даже забыв, что кайло принадлежит бригадире, начал работать’; *Бӧръя кывъяссӧ шуалігӧн Перминов сюся нин видзӧдліс кер нуысьяс вылӧ да гӧгӧрвоӧмӧн, мый налы сӧкыд, тэрмасъыштіс шуны Петровлы: <...>* (Юхнин 1949: 45) ‘Говоря последние слова, Перминов уже внимательно посмотрел на носивших бревна людей, и, поняв, что им тяжело, поторопился сказать Петрову: <...>’; *Менам мам да чой сдайтӧмабсь домсӧ карса коммунальнӧй отделӧ, сӧрнитчӧмӧн, мый мам кувтӧдзыс кутас овны домас* (Иван Куратов йылысь 2004: 148)

’Мои мать и сестра сдали дом городскому коммунальному отделу, договорившись, что мать до своей смерти будет жить в доме’. С придаточным предложением со значением уступки: кз. *Но вот, – чужём вылас долыдлун петкӧдлыны зільмӧн, кӧть тайӧ и омӧля артмис, Надя дінӧ шыасис Василий Васильевич* (Изыуров 1984: 121) ’– Ну вот, – стараясь выразить на лице радость, хоть и плохо это получалось, обратился к Наде Василий Васильевич’.

Подчинительный компонент может быть усложненного (с несколькими придаточными) либо смешанного типа: кз. – *Ой! – горӧдышитс Надя, <...>. Да мӧдӧдчис бӧрлань, чайтӧмӧн, мый Петрова да Квитко костын, тыдалӧ, вӧлӧма кутишмӧкӧ лӧсьыдтӧм сёрни, и найӧс колӧ кольны ас кежананс* (Юхнин 1949: 159) ’– Ой! – вскрикнула Надя. И ушла, считая, что между Петровой и Квитко, видимо, произошел какой-то неприятный разговор, и их надо оставить одних’; *Квитко сёрнитис кыпыда, быд аслас кывылы сідз эскӧмӧн, быттьӧ ставыс, мый йылыс висьталӧ сійӧ, некутишма оз вермы лоны мӧдногӧн* (Юхнин 1949: 164) ’Квитко выступал вдохновенно, так веря в каждое свое слово, будто всё, о чём он говорит, не может быть по-другому’; *Квитколыс кывъяссӧ сійӧ ошкышитс кияснас сэтишм чорыда клопкӧмӧн, мый первойсӧ кодсюрӧ видзӧдлісны сы вылӧ, но сэк жӧ став залыс шыасис аплодисментъясӧн* (Юхнин 1949: 164) ’Слова Квитко он поддержал так сильно хлопая в ладоши, что вначале кое-кто посмотрели на него, но затем весь зал взорвался аплодисментами’.

Распространителем деепричастия может быть предложение с прямой речью, напр.: кз. *Кымынӧнкӧ пырӧны да крестсӧ нетишыштӧны: «Раз, ещё берём» шуалігтырийи* (Савин 1962: 333) ’Заходят несколько человек и вытаскивают крест, повторяя «Раз, ещё берем»’; *Нимсӧ сетігӧн бура дыр попыд лукйысис-корсьысис «святсыыс», сэсся кагалы пуктіс нимсӧ Лука, куимыс помя купель тӧльгыліс: «Крестится раб божий Лука» – шуалігтырийи* (Савин 1962: 488) ’Поп долго рылся в «святцах», выбирая имя ребенку во время крещения, затем нарек ребенка Лукой, три раза окунул в купель, приговаривая: «Крестится раб божий Лука»’. Между частями (выраженной деепричастием и придаточным – вопросительным альтернативным предложением без употребления союзной частицы) возможна бессоюзная связь изъяснительного типа: кз. *И торъя юасътӧг, окотитӧ оз пӧрчысьсны Ӧндрей, босьтіс сійӧ юрысь первой шапкасӧ, сэсся мырддис кышансӧ* (Юхнин 1949: 167) ’И особо не спрашивая, хочет Андрей раздеться или нет, снял с его головы шапку, затем отобрал верхнюю одежду’.

Придаточным предложением может распространяться не только деепричастие, но и любой член деепричастного оборота: кп. – *Вот эстӧн, – висьталіс Андрейыс лапыт коз дынӧ локтікас, кӧда быдмис перешеек шӧрас, – пондамӧ дӧзирайтны* (Канюков, 1997: 362) ’– Вон там, – сказал

Андрей, приближаясь к раскидистой ели, которая росла посреди перешейка, – станем наблюдать’. Придаточным предложением распространено слово *коз’ель* в составе ДК. *Кошиишьтõн мõдõртõм карманись, кõдаын и былись нятъсь копейка мымда эз адззись, зонка пыркнитис бус* (Фадеев, 1997: 217) ‘Роясь в вывернутом кармане, в котором действительно даже грязной копейки не нашлось, парень вытряхнул мусор’. Придаточным предложением распространено слово *карманись* ‘из кармана’.

3.2. Компоненты актуализации деепричастных оборотов внутри предложения

3.2.1. Актуализация субъекта деепричастного оборота

Семантико-синтаксической особенностью деепричастий коми языка (в числе других финно-угорских языков) является наличие субъектной валентности. Субъект в лингвистике понимается в смысле исполнителя или источника действия, это синтаксическая категория, словесное выражение которой более свободно, чем данное грамматическое подлежащее [Бертагев 1958: 65], обозначаемое определенными синтаксическими формами слово реального носителя действия, состояния, признака в денотативной ситуации [Золотова 2005: 27]. Как замечено Т.М. Иевлевой, субъектно-валентными, т.е. предполагающими наличие субъекта в номинативе, является абсолютное большинство коми глаголов [Иевлева 1984: 62].

Конструкции деепричастий с собственным независимым субъектом – «субъектные деепричастные конструкции» относятся к абсолютным конструкциям (*absolute constructions*). М. Хаспельмат отмечает, что такие конструкции функционируют как подчинительные клаузы с некой неспецифической обстоятельственной связью с основным предложением (*subordinate clause with some nonspecific adverbial relation to the main clause*) [Haspelmath 1995: 27]. Сравнивая их с «бессубъектными деепричастными конструкциями», Н.И. Исанбаев считает, что они более самостоятельны внутри предложения, и отличаются по структуре [Исанбаев 1961: 77]. На «несвязанность в отношении тяготения к тому имени существительному, которое занимает позицию “подлежащего”» (по выражению Д.В. Бубриха) обратили внимание еще начиная с ранних грамматик: Ф.Й. Видеман отметил генитивную (адессивную) и номинативную формы [Wiedemann 1884: 167], П.И. Савваитов [Савваитов 1850: 116], позднее И.И. Майшев [Майшев 1940: 68], Д.В. Бубрих [Бубрих 1949: 136, 138], Г.А. Некрасова (в связи с исследованием семантики падежей) [Некрасова 2004], А. Хамари рассматривала формы субъекта каритивных деепричастий на *-тõг* в пермских языках [Hamari 2011: 71]. А.С. Сидоров квалифицирует субъект инфинитной конструкции как принадлежностное определение [Сидоров 1953: 46], В.М. Лудыкова отношения между именем или местоимением с субъектным значе-

нием (в форме номинатива, адессива или аблатива) и словами со значением действия квалифицирует как субъектно-определятельные [Лудыкова 2009: 22]. Субъект (агенс – от лат. *agens* «действующий») и формы его выражения у именных форм глагола рассматривает Г. Штипа [Stipa 1960]. В научной грамматике коми языка Е.А. Цыпанов выделяет три семантических типа субъекта деепричастия: а) общий субъект (с основным предикатом предложения); б) собственный субъект (абсолютный), отличный от субъекта основного предиката предложения; в) неопределенный (либо невыраженный), который не выражен, либо не может быть выражен вследствие того, что деепричастие означает действие безличное (образовано от безличного глагола): *рöмдiгöн* 'темнея, когда темнеет', *югдiгöн* 'светая, когда светает', субъект имеет неопределенно-личный, обобщенно-личный характер. На субъект деепричастий могут указывать также притяжательные суффиксы (2 sg. -*ыд*, 3 sg. -*ыс*, 1 pl. -*ным*, 2 pl. -*ныд*, 3 pl. -*ныс*). Даются формы выражения субъекта в абсолютных оборотах: номинативная, адессивная (генитивная) и инструментальная [Цыпанов 2000в: 348, 360, 371, 374, 377, 379, 383, 390, 393, 396, 400]. Согласно данным Е.А. Цыпанова, к односубъектным (отувь субъекта) – т.е. общим с субъектом основного действия (таким, которые не создают абсолютных оборотов, не могут иметь собственный субъект) можно отнести деепричастия с формами на -*мысьт*, -*игмоз*, -*игсор*, -*игтырийи*, -*ана*, -*анмоз*, разносубъектные формы, т.е. те, которые могут иметь общий с основным глаголом субъект (отувья), либо собственный (асшöр), либо неопределенный (урчиттöм), соответствующий субъекту односоставного предложения, либо бессубъектные (субъекттöм), соответствующие безличному, – это формы на -*иг*, -*игö*, -*игöн*, -*игас*, -*игчöж*, -*игкості*, -*öмön*, -*тöг*, -*игкежлö*, -*тöдз*, -*мön* [Цыпанов 2000в: 344–404]. Скорее всего, деепричастия с формой на -*мысьт* с диалектными вариантами (напр., вым. -*мыс'т'и*, -*мыс'* и др.) следует переклассифицировать в разносубъектные, учитывая примеры абсолютных оборотов: вым. *Рытын кодзулыс кыа вошмыс'тиыс йавиччö* К. (Жилина 1998: 143) 'Вечером звезды появляются, когда угаснет заря'; *на мунмыс'ти* К. 'после их ухода (отъезда)'; *лым сымыс'ти* К. 'после того, как растает снег' (Жилина 1998: 143); *И старик мунмисьти вöліс Иван Саревичли шувө:* <...> (ST. IV. 1995: 32) 'И после того как старик ушел, конь говорит Ивану Царевичу: <...>'; *Ме тай эг дыр кöсы пуэ кайнi.* *И пуэ кайимсьти увйис чегі да ме уси кöиньяс пöвсэ* (ST. IV. 1995: 46) 'Я недолго думая взобрался на дерево. Взобравшись на дерево, ветка сломалась, и я упал прямо к волкам'.

В коми-пермяцком континууме к одно- / разносубъектным можно отнести формы на -*ик*- (-*ик кежö*, -*икö* и т.д.), -*тöдз*, -*тöн*, -*тöг*, к односубъектным: -*öмön*, *не -öмön*. В отличие от коми-зырянских, коми-пермяцкие абсолютные обороты каритивных деепричастий на -*тöг* с вы-

раженным субъектом не встречаются. В ситуациях разносубъектности субъект деепричастия не выражен, имеет характер субъекта односоставного предложения либо определяется по контексту. С другими формами деепричастий в абсолютных оборотах субъект выражен существительным или местоимением в форме номинатива, очень редко – генитива личных местоимений.

В предложении абсолютные конструкции с деепричастием связаны различными обстоятельственными отношениями: времени, степени, образа действия. В абсолютных оборотах в коми языке позицию собственного субъекта (ашшӧр субъект) деепричастия могут занимать существительные различных лексико-грамматических разрядов либо местоимения в форме **номинатива** (Nnom / PRNnom), «который является более древним» [Некрасова 2004: 48]; кз. *Пашко пӧль мунліс гортсьыс том йӧз чукӧртчигӧн* (Юхнин 1981: 92) 'Дед Пашко обычно уходил из дому, когда собиралась молодежь'; *Некод тӧдлытӧг найӧ петісны бӧр, быттӧь эз и пыравлыны* (Чисталёв 1987: 60) 'Они вышли обратно так, что никто не узнал (досл. никто не зная), будто и не заходили'; *Мӧд баракас <...> олӧны колхозник-сезонникъяс. Вескыда кӧ шуны, на вотӧдз ме зэв ёна гажтӧмтчи – аслам сиктысь и вокъясысь* (Торопов 2003: 40) 'В соседнем бараке живут колхозники-сезонники. Честно говоря, до их прихода (до того, как они пришли) я сильно тосковал – по своему селу и братьям'; кп. *Блшӧ шондӧ петтӧдз* петкӧтан покос-кык (КПГ 1980: 32) 'Еще до восхода солнца сделаешь пару покосов'; ...и мужиккес *ештісӧ сувтӧтны лымыс усьтӧдз мӧдік керку* (Федосеев 1991: 51) '...и мужики успели построить до выпадения снега второй дом'; *Вот бы только ештыны сы локтік кежӧ лӧсьӧтчыны* (Баталов 1997: 126) 'Вот бы только успеть подготовиться к его приходу'; *Да ме локтӧдз эшӧ тӱян бӧж вылӧ тальчасӧ, тупкасӧ тӱянлісь омнытӧ <...>* (Лихачев 1997: 10) 'Да еще до моего прихода наступят вам на хвост, закроют ваши рты <...>'; *Гортӧ локтӧ шондӧыс петтӧн, оз и шоччись <...>* (Федосеев 1991: 138) 'Приходит домой на восходе солнца, совсем не отдыхает'.

В отдельных исследованиях [Филиппов 1988: 354; Казаков 2004: 51] отмечается специфика местоимений, выступающих в субъектной роли: так называемые автосемантические местоимения (определятельные, неопределенные, отрицательные) не заменяют в речи другие слова, имеют самостоятельный постоянный в различных ситуациях речи смысл, но чаще всего в роли субъектного распространителя выступают заместительные местоимения, они не называют субъектного участника, а лишь отсылают к нему.

Позицию субъекта могут занимать абстрактные имена событийной семантики: *Павел Зонов зэв бура гӧгӧрвоӧ, мый сиктын классӧвӧй тыш ёсьмигӧн колӧ мыджсьыны гӧльяс да батракъяс вылӧ* (Ванеева 1987:

12) 'Павел Зонов очень хорошо понимает, что при обострении классовой борьбы на селе нужно опираться на бедняков и батраков'; *Коркӧ, война заводитчымӧдз на, батьӧкӧд сэтчӧ ветлім* (Торопов 2003: 8) 'Когда-то, еще до начала войны, с отцом туда ходили'; ...*Уна вӧлі «йӧй» Ёгор кодь мортымд важ Россия пасьтала миян, революция лотӧдз* (Чисталёв 1987: 44) 'Много было по всей прежней России людей, похожих на «глупого» Ёгора, пока революция не произошла'; кп. *Талун зонка одзлань ни тӧдіс, – <...>, пондас пукавны эстӧн рытывбыт, танеццез чулавтӧдз* (Фадеев 1997: 222) 'Сегодня парень заранее знал, – <...>, будет сидеть вон там весь вечер, пока танцы не закончатся'.

В коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках широко распространены абсолютные обороты, где субъект выражает различные природные объекты и явления: кз. *<...> код лешак вермас ӧти войӧн квайт пельӧса керка косяв да, нелямын километра кылӧд да, пукты да, да шондӧ петӧдӧн мед пондас тиын петны пачысь!»* (Коми йӧзкостса 2006: 91) '...> кто сможет за одну ночь шестистенный дом разобрать, сплавить за сорок километров и снова возвести, да еще на рассвете (когда солнце встаёт) чтобы дым из трубы пошел!'; *<...> стрӧительяслы медсясӧ колӧ вӧлі тӧв вомтӧдз дасьтыны уджавны котельнӧй* (Демин 1987: 48) '...> строителям прежде всего было необходимо до наступления зимы подготовить к работе котельную'; *Миянлы колӧ вӧлі удитны воны местӧдзыс юяс кынмытӧдз, йи сувттӧдз* (Демин 1987: 47) 'Нам необходимо было добраться до места, пока не замерзли реки, не стал лёд (букв. до замерзания реки, до становления льда)'; кп. – *Межаэз пӧлӧн ытыкытӧм турун кельдӧтис да водӧс эшӧ лымыс усытӧдз* (Фадеев 2006: 362) 'Нескошенная трава вдоль межей побелела и полегла еще до выпадения снега'; *Уджалӧс шондӧйс пуксьытӧдз и сыбӧрын эшӧ кӧдзисӧ, кытчӧдз тыдалӧс* (Федосеев 1991: 263) 'Работали до захода солнца, и после этого ещё сеяли, пока видно было'.

В некоторых случаях деепричастные конструкции могут оформляться двояко: как с формально выраженным субъектом, так и безличным, невыраженным: кз. *Ывла пемдӧгӧн Геня босьтӧс ведраяс да котӧртӧс вала <...>* (Рочев 1984: 237) 'Когда на улице темнело (букв. улица темнея), Геня схватил вёдра и побежал за водой' и *Но збоялӧмӧй менам недыр кезлӧ тырмис, сӧмын пемдытӧдзыс* (Торопов 2003: 22) 'Но моей храбрости ненадолго хватило, только до темноты (пока темнота не наступила)'; *Колӧ вӧлі прамӧя кӧдзӧдӧттӧдз лэптыны оланінгяс уджалысьяслы* (Демин 1987: 48) 'Необходимо было, пока окончательно не похолодало (не похолодало по-настоящему деепр.), построить жилье для рабочих'; кп. *Югдӧिकास ни Васька пыртӧс нывкасӧ гортас* (Исаев 1997: 309) 'Уже когда рассветало, Васька завёл девушку домой'; *Мунам, Наталь. Пемдытӧддзас колӧ ештыны уроккес велӧтны* (Шадрин 1997: 55) 'Пойдем, Наталья. До того как

стемнеет, нужно успеть сделать уроки'. Субъект при деепричастии, образованном от глагола со значением состояния окружающей среды, «относится к типу "субъект-локус", который легко устраним» [Красухин 2003: 79]. Следует отметить, что в коми языке выделяется группа глаголов с так называемым инкорпорированным субъектом, широко распространено включение субъекта в форму безличного глагола, когда безличным коми глаголам соответствуют глагольно-именные словосочетания русского языка: кз., кп. *зэрö* 'идет дождь, букв. дождит', кз. *буситö* 'моросит', кз. *бушколасьö* 'бушует (о ветре)' < *бушков* 'буря', кз. *востымасьö* 'полыхает (о зарнице)' < *востым* 'зарница', кз. *пужъялис* 'появился иней, заиндевело' < *пуж* 'иней'. Если глагольную форму и ее значение расшифровать схематичным образом, напр., глагол *лымъялö* 'снежит букв.', обнаруживается полная синонимия с сочетанием *лым усьö* 'снег падает', где все лексическое значение заключено в первом слове, а глагол в данном фразеологическом сочетании десемантизирован, является чисто формальным элементом [Иевлева 1984: 37–39]. Подобные безличные глаголы, как и синонимичные сочетания, образуют деепричастные формы, напр.: *Водзын сап пемыд, а востымасигöн энэжыс быттьö шöри потлö* (Йблöга. 27.09.2013) 'Впереди кромешная темнота, а когда полыхает зарница, небо как будто надвое раскалывается'; *востымасигöн (деепр.) гым оз кыв* – при зарнице грома не слышно (КРС 2000: 115); *Лым усигöн, кöдзыд водзö, Став паськöмсö кисьтö* (Савин 1962: 29) 'Когда падает снег, перед похолоданием, всю одежду замечает (снегом)'; кп. *А зэртöнняс вына вöлöма [Нипанка ю]* (Минин 1997: 107) 'А во время дождя могучей становилась река Нипанка'.

В позиции субъекта могут выступать имена (или сочетания) с семантической временной (*во* 'год', *лун* 'день', *тöлысь* 'месяц' и т.д.), при них характерно употребление деепричастий от фазового глагола: *2010 во заводитчигöн программаас та вылö урчитöма вöлі 15 миллион шайт, <...>* (Коми му, 6.10.2010) 'В начале 2010 г. в программу на это заложено 15 миллионов рублей <...>'; иж. *Сыа вöлі январ вошыйгöн кызед во вылын* (ОКЗР 1971: 283) 'Это случилось в начале января в двадцатом году'; печ. *Коймöд тöлысь тыригöн воис берег дорö да шоччыштöм бöрын мунис стральнишнöй король ордö* (ПД 1976: 128) 'Когда истекал третий месяц (на исходе третьего месяца) пришел на берег и после отдыха отправился к стральнишному королю'; кп. *Мед ештыны ректыны цементсö уджалан кад чулавтöдз, быдöнныс тэрмасисö <...>* (Фадеев 1997: 239) 'Чтобы успеть разгрузить цемент к концу (истечению) рабочего времени, все спешили (завершить работу) <...>'.

Особенность абсолютных деепричастных конструкций с формой на *-игöн* в коми-зырянском литературном языке проявляется в случаях употребления деепричастия, образованного от фазового глагола *заводитчы-*

ны 'начинаться' > *заводитчигӧн* 'начинаясь' с такими словами как *кыв* 'слово', *сёрникузя* 'предложение' и т.д.: *кыв заводитчигӧн* 'в начале слова' букв. слово начинаясь, 'когда слово начинается', *сёрникузя заводитчигӧн* 'в начале предложения' букв. предложение начинаясь, когда необходимо передать пространственное значение расположения чего-л. в начальной части линейного объекта (слова, предложения и т.д.): *в начале предложения / слова*, а не временное. Вместо сочетаний с лексемой *помын* 'в конце': *кыв помын* 'в конце слова', *сёрникузя помын* 'в конце предложения', абсолютные деепричастные конструкции, как правило, не образуются (**кыв помасигӧн*, **сёрникузя помасигӧн*): <...> *предложение заводитчигӧн да предложение помын* деепричастной оборот оз обособляйтсъя (КГ 1947: 146) 'В начале предложения и в конце предложения деепричастный оборот не обособляется'; *Кыв заводитчигӧн т да л согласнойяс водзӧ содтысьӧ с либӧ ш фонема: стола < тола* (Игушев 1982: 50) '*В начале слова* перед согласными т и л добавляется фонема с или ш: *столa < толa*'; *Урокъяс вылын челядь водзӧ велӧдчӧны <...> гижны ыджыд шыпас сёрникузя заводитчигӧн, пуктыны чут сёрникузя помын* (Коми кыв 2011: 10) 'На уроках дети затем учатся писать прописную букву *в начале предложения* (когда предложение начинается, писать прописную букву), ставить точку в конце предложения'. В таких конструкциях деепричастие *заводитчигӧн* выступает синонимом слову *водзын* 'в начале'. Д. Конюхов [Конюхов 1969: 63] относительно употребления слов *водзын* 'в начале, впереди', *бӧрын* 'в конце, после' в рассматриваемых конструкциях замечает: «предложение бӧрын да водзын» пыдди бурджык, гашкӧ, вӧлӧ шуны «предложение заводитчигӧн да помын» ('вместо сочетаний «предложение бӧрын да водзын», наверно, корректнее было бы говорить «предложение заводитчигӧн да помын»), и применяет, в дополнение к этим конструкциям, сочетание «*предложение заводитчанінын да предложение помын*». В случае с конструкциями типа *кыв заводитчигӧн* 'в начале слова' возможно построение синонимического ряда сочетаний для передачи значения «в начале слова»: *кыв водзын, кыв заводитчанінын*.

Субъект абсолютного оборота в коми языке может быть выражен формой генитива (адессива) существительного либо местоимения (Ngen / PRN-gen), «ослабляющей активную роль субъекта» [Некрасова 2004: 48]. Несмотря на отдельные редкие коми-пермяцкие примеры с субъектом деепричастия в форме адессива, напр., пукс. *миан* (PRNgen) *быдмикӧ* 'во времена нашего детства' (Баталова 1975: 191), развитие генитивной (адессивной) формы субъекта деепричастий следует относить главным образом к коми-зырянскому материалу. В удмуртском языке, как отмечает А.Ф. Шутов, эта форма выражения субъекта, в отличие от коми языка, малохарактерна, а согласно П.Н. Перевошикову, не встречается [Перевошиков 1959: 198; Шутов

2002: 46], ср.: удм. *Ачид* (PRNnom.) *ужатэк куазь уз сёт* [Шутов 2002: 37] 'Если сам не будешь работать, погода не даст' и кз. <...> *аслас* (PRN-gen.) *тӧдлытӧг, босьтис Нинаӧс сойӧдыс* (Лудыков 1969: 8) 'Сам того не ожидая, взял Нину за руку'. А. Хамари, исследовавшая формы субъекта пермских каритивных деепричастий на материале современной прессы, также пришла к выводу, что удмуртский язык продолжает использовать номинативную форму, а в коми языке предпочтения отдаются адессивной (генитивной) [Hamari 2011: 71].

В коми языке адессивной формой в большинстве случаев оформляются субъект одушевленный [Некрасова 2004: 48], напр.: *Оланпас баласӧ депутатяс видлалісны сентябрь 23 лунӧ КР-са Госсоветлӧн чукӧртчылігӧн* (Коми му, 2010, 11.09.) 'Законопроект рассмотрели 23 сентября на собрании (когда собирался) Госсовет Республики Коми'; *Вӧляяслӧн коставлышитӧн начальник кежаліс ме дінӧ* (Торопов 2003: 121) 'Когда возчики сделали небольшой перерыв, начальник свернул ко мне'; *А Мария Сергеевна Анушлӧн тӧдлытӧг сёрнисӧ вуджӧдіс мӧдторйӧ* (Рочев 1983: 38) 'А Мария Сергеевна, Ануш и не заметила, повернула разговор в другое русло'.

Е.А. Цыпанов обращает внимание на своеобразный субъект деепричастной конструкции, выраженный усиленно-притяжательными местоимениями *ас* 'свой', *аслам* 'у (меня) самого', *аслад* 'у (тебя) самого', *аслас* 'у (него) самого' – генитивную форму усиленно-личного местоимения *ачым* 'я сам': <...> *кутчыси перилбясӧ да аслам тӧдлытӧг горӧдсис* (Л. Палкин) '<...> схвалился за перила и, сам (Gen.) того не заметив, вскрикнул' [Цыпанов 2000в: 389]; *Мыйла нӧ татийӧмыс Асланыс кулігӧн Гудыртӧ сьӧлӧм* (Тима Вень 1921: 4) 'Зачем такие, как он, умерши (букв. сами они умирая), смущают душу <...> ?'.

Исследование субъектных ДК в фольклорных, диалектных текстах, художественных произведениях, созданных еще до первой трети XX в., показывает исключительное преобладание в абсолютных оборотах номинативной формы существительного, местоимения со значением субъекта (независимо от одушевленности – неодушевленности), единичные случаи употребления генитивной формы встречаются у личных местоимений (*менам, миян, тенад*): *Но миян* (PRNgen.) *быдмигӧн найӧс кӧть и празднуйтісны, ная эз нин сэтшӧма ен аддза* <...> (ЗТ 1996: 32) 'Но когда мы росли (в нашем детстве), их [праздники] хоть и праздновали, но уже не из-за веры в бога'; кп. пукс. *Миан быдмикӧ* 'В период нашего детства' (Баталова 1982: 150). По мнению П.Н. Перевощикова, объяснявшего происхождение субъектных деепричастных конструкций от определительных словосочетаний имен, изначально формами действующателя (субъекта) были форма основного падежа имени, в дальнейшем совпавшая с формой именительного

падежа, и форма родительного падежа. Древнейшим источником формы выражения субъекта был основной падеж имени [Перевошиков 1959: 198].

Выбор инструментальной формы субъекта (Ninstr / PRNinstr) с личными глагольными образованиями, как считал Д.В. Бубрих, вызван влиянием страдательных оборотов русского языка и усиливается в литературном языке [Бубрих 1949: 41], либо мог развиваться на основе инструментального значения творительного падежа [Некрасова 1997: 9]. В современном коми языке данная форма выражения субъекта более характерна для деепричастий на *-тӧг* [Цыпанов 2000в: 389]: *Кор Ковалёв казяліс, мый сылысь петан туйсӧ орӧдӧмаӧсь, подразделениеяссӧ сійӧ нуӧдіс лощинаӧ да, немецъясӧн казявтӧг кольӧмӧн, сэні рытӧдз виччысис* (Пыстин 1987а: 15) 'Когда Ковалев заметил, что пути отхода отрезаны, он отвел подразделение в лошину, и, оставшись незамеченным немцами, ждал там до вечера'; *Нӧдкывъяс бӧрын – поговоркаяс, пословицаяс, кывбертласъяс. Некодӧн вескӧдлытӧг, водзвыс дасьтытӧг быд морт кӧсийс петкӧдлыны асьыс тӧдӧмлунъяссӧ, вежӧрсӧ* (Юхнин 1981: 140) 'После загадок – поговорки, пословицы, скороговорки. (букв.) Будучи никем не руководимым, предвзвительно ничего не подготовив, каждый человек хотел блеснуть своими знаниями'; *Ӧні визулыс, некодӧн торкавтӧг, бара кутас вӧчны асьыс уджесӧ* (Торопов 2003: 36) 'Теперь течение, никем не пресекаемое (букв. никем не мешая), снова будет делать свою работу'.

Сочетания инструментальной формы субъекта с другими деепричастными формами в коми языке не получили большого развития, несмотря на примеры Д.В. Бубриха *Хаджи Муратӧн* (Instr.) *олігӧн...* 'Во время пребывания Хаджи Мурата...' [Бубрих 1949: 42], которые носят ярко выраженный переводной, искусственный характер. Однако в некоторых случаях инструментальная форма выглядит наиболее приемлемой. А именно, если в состав абсолютной конструкции при переходном деепричастии вводятся одновременно и субъект, и объект действия, что изначально не характерно для коми языка (непереходные деепричастия при выраженном субъекте в абсолютных деепричастных оборотах коми языка отмечены В.С. Сухановой как специфика этих конструкций [Суханова 1951: 40]), и в действительности представляет инновацию. В таком случае требуется формально разграничить, выделить две категории (субъекта и объекта) в рамках оборота: *Прокопий восьтіс патронташ, и Васильевнаӧн пыж домалігкості, лаз нопъяс пуктіс пуляа патронъяс, а ӧтикӧс сюйис патронникӧ* (Пыстин 2009: 309) 'Прокопий открыл патронташ, и пока Васильевна привязывала лодку (букв. привязывая Васильевной лодку), в карман лузана положил патроны с пулями, а один загнал в патронник'; *Белӧйясӧн мобилизуйттӧдз Сеня Иван ветліс германскӧй война вӧлӧ* (Пыстин 2009: 219) 'До мобилизации (деепр.ф.) белыми (т.е. до того как был мобилизован белыми),

Сеня Иван ходил на германскую войну'; *Соколов доказывайтіс сылы, мый ёні сылён потокин лоё куим трактор да кык трелёвочной лебедка, трактористъясёс Кочевён велёдёмён найё кутасны сетны сы мындаён жё, мыйта ёні сетё Кочев ачыс* (Пыстин 2009: 219) 'Соколов доказывал ему, что теперь в его потоке будет три трактора и две трелевочных лебедки, после того как Кочев обучит трактористов (букв. Кочевым трактористов обучив), они будут вырабатывать столько же, сколько сейчас дает Кочев'. Как показывают примеры, неноминативная форма выражения субъекта деепричастия дает больше возможностей для введения в состав абсолютной конструкции объектного компонента, особенно прямого неоформленного, для использования деепричастий от переходного глагола, имея в виду замечание В.С. Сухановой о том, что грамматически выраженный субъект в деепричастной конструкции возможен, если деепричастие образовано от непереходного глагола [Суханова 1951: 40], что, однако, не всегда прослеживается, напр.: *А смертыд, сы чигарка куритіжкості, вит чигарка куритас* (ВКМ 1950: 89) 'А смерть-то, пока он папиросу выкуривал, пять папирос выкурит'.

Использование субъекта в форме инструменталя среди нефинитных форм присуще причастной конструкции [Цыпанов 1997в: 67; Некрасова 2004: 43]. Учитывая тот факт, что у каритивных отглагольных форм (причастие на *-тём* и деепричастие на *-тёг*) оппозиция суффиксов семантически пустая, а различие лежит в плоскости функционирования [Цыпанов 1990: 10–11], выбор и сохранение инструментальной формы субъекта деепричастия может быть связан аналогией с причастными пассивными конструкциями коми языка. А. Хамари, обращая внимание на форму инструменталя у субъекта деепричастий на *-тёг*, говорит о том, что инструменталь мог возникнуть в целях обозначения инструмента как агента, «with negative converbs the use of the instrumental case in subjects may have originated in constructions in which an instrument was reanalysed as an agent» [перевод наш] [Hamari 2011: 71]. Следует отметить, что в случаях с каритивными причастиями, «переходные глаголы закономерно имеют одушевленный субъект, причастия – грамматически маркированный субъект в форме инструменталя имени или местоимения, или же субъект имплицитруется контекстом» [Цыпанов 1997в: 168].

Дативную форму субъекта (Ndat / PRNdat) деепричастия исследователи отмечают у герундиума, образованного при помощи суффикса *-мён* [Цыпанов 2000в: 401; Некрасова 2002: 94, 96]: *керавны пыжлы тёрмён розь* 'подрубить дыру, чтобы смогла пройти лодка'; и у деепричастий на *-тёг* [Некрасова 2002: 94, 96]: *шыасис сійё ставлы виччысьтёг* 'сказал он неожиданно для всех'. Как уже отмечалось выше, в коми языке дативная форма субъекта используется вместо изначально номинативной либо адес-

сивной при деепричастиях *виччысьтӧг* (от глагола *виччысьны* 'ожидать' > не ожидая > неожиданно); *тӧдтӧг*, *тӧдлытӧг* (от глагола *тӧдны* 'знать' > не зная > наугад, вслепую, неожиданно); *казявтӧг* (от глагола *казявны* 'заметить, замечать' > не замечая > незаметно) вследствие адвербиализации деепричастий и влияния наречных конструкций русского языка, когда деепричастная форма в коми языке начинает реализоваться как наречие *виччысьтӧг*, *тӧдтӧг*, *тӧдлытӧг* 'неожиданно', *казявтӧг* 'незаметно', соответственно по аналогии с наречными конструкциями русского языка типа «неожиданно для кого-л.», «незаметно для кого-либо» в конструкции коми языка с деепричастными адвербиализованными формами проникает датив: *Аслыс* (PRNdat.) *казявтӧг сійӧ ӧні чабраліс жӧ лаврӧвӧй лист* (Юхнин 1984: 357) 'Незаметно для себя она сейчас тоже мяла в руках лавровый лист'; «*Аслыс* (PRNdat.) *тӧдлытӧг*» *лоӧма историкӧн* (Беляев 2004) 'Сам того не ожидая (неожиданно для себя), стал историком'; для сравнения: *Некод* (PRNnom.) *тӧдлытӧг найӧ петісны бӧр, быттьӧ эз и пыравлыны* (Чисталёв 1987: 60) 'Они вышли обратно так, что никто не заметил, будто и не заходили'; <...>, *аслас* (PRNgen.) *тӧдлытӧг, босьтіс Нинаӧс сойӧдыс* (Лудыков 1969: 8) '<...>, сам того не ожидая, взял Нину за руку'. Аналогичная картина наблюдается в коми-пермяцком литературном языке, в котором с каритивными деепричастиями на *-тӧг* встречаются только конструкции с дативом при некоторых адвербиализованных деепричастиях, напр., *казявтӧг* 1) незаметно; 2) неожиданно: <...> *талун Лӧха, ась кытчӧдз и аслыс казявтӧг, видзсьыштіс сы вылын синнӧзнас невнӧчка дыржык ни* <...> (Фадеев 1997: 219) 'сегодня Лӧха, пусть пока и незаметно для себя, подольше задержал на ней свой взгляд'; ...> *аслыс казявтӧг ойкнитіс* (Фадеев 1997: 249) 'неожиданно для себя ойкнул'. В остальных случаях в коми-пермяцком материале отсутствуют абсолютные обороты каритивных деепричастий с выраженным субъектом (судя по данным нашего корпуса примеров). В ситуациях разносубъектности субъект деепричастия не выражен, имеет характер субъекта односоставного предложения либо определяется по контексту.

Как окказиональный следует отметить случай употребления формы эгрессива (*Negr*) в постпозиции к деепричастию для выражения собственного субъекта, к которой автор прибегает в целях разграничения форм субъекта и прямого объекта неоформленного аккузатива (*син* 'глаз') в деепричастной конструкции: *Эновтӧм шыбытас челядь моз сӧвмис Сень семьяын. Син чӧвтӧг гырысянь – ӧтнасӧн ас кежас быдмис* (Доронин 1987: 143) 'Как брошенный ребенок рос Сеня в семье. Без внимания [присмотра] взрослых (букв. без поднятия глаз от взрослых) – один сам по себе рос'. Эгрессивной форме (-сянь) в субъектном значении коми языка соответствует форма «от + имя в родительном падеже» (от + род.п.) аблативной

конструкции русского языка, которая, наряду с формой творительного падежа субъекта, использовалась, переживая расцвет, в XV–XVII вв., и служила «практически для указания одушевленного деятеля» с тенденцией употребления в церковно-книжном стиле [Мразек 1964: 158–160]. Примеры использования эгрессивной формы существительного – кальки из русского языка в субъектном значении при причастии в коми языке находим у П.И. Савваитова: «Отдалительный падеж ставится <...> при страдательных глаголах и причастиях: *сералӧма лоис тӧдысьясянь* 'Ирод осмеян был от волхвов'; *Мед лоас господсьянь шуӧм пророкӧн* 'Да сбудется сказанное от господа через Пророка'» [Савваитов 1850: 108].

Кроме самостоятельного субъекта абсолютных конструкций, субъект деепричастия, отличный от субъекта основного действия, может выявляться в том же предложении, что и деепричастие, а также за его пределами, в ближайшем контексте. В предложении такой субъект может представлять прямой или косвенный объект-дополнение основного действия-сказуемого, выраженный формами косвенных падежей: аккузатива, датива, аблатива, адессива, с которым непосредственно и смыкается обстоятельство-предикативный член, выраженный деепричастием. Такой субъект деепричастия (в роли дополнения, объекта основного действия) в предложении условно можно обозначить как зависимый субъект, в отличие от независимого субъекта абсолютного оборота. Он несет двойную семантическую нагрузку: объектную и субъектную. Следуя аналогии с объектными предикативными конструкциями индоевропейских языков (напр., винительный падеж с инфинитивом, винительный с причастием в английском), такой способ выражения вторичной предикации у деепричастных конструкций можно обозначить как связанная вторичная предикация. В отличие от нее члены абсолютной конструкции – субъект и предикат, выраженный деепричастием, – грамматически не связаны ни с каким членом основного предложения. При переводе на русский язык таких деепричастных конструкций могут быть использованы придаточные предложения, причастные конструкции либо предложно-именные обороты: кз. *Кыкысь чужыйис* [Епим Давӧ] *чеччигӧн Сеньлы* (Dat.) *кынӧмас* (Доронин 1987: 125) 'Два раза пнул [Епим Давэ] Сеню (букв. Сене), когда тот вставал (= встающего Сеню, букв. Сене вставая), в живот'; *Йӧзкӧд тшӧтш Иван Сопронович мунысьяслы* (Dat.) *син улысь саявтӧдз макайтчис* (Доронин 1987: 131) 'Вместе с народом Иван Сопронович уезжавшим махал руками до исчезновения с поля зрения (=пока уезжающие не исчезли с его поля зрения)'; *Асвыйӧна торьякывлӧн* (Gen.) *суффикса морфемаӧ вуджигӧн вошӧ асвьялуныс, вежсьӧ функция-ыс* (Некрасова 2004: 85) 'У знаменательного слова, когда оно становится суффиксальной морфемой (= переходящего в суффиксальную морфему, букв. переходя в суффиксальную морфему), теряется независимость, изме-

няется функция'; Дядь видзедліс и кайны кутіс, а Емель дядьлысь (Abl.) *каиғ костыс кәті пьдѡссѡ резедіс, дядь эз и тѡдлы* (Цембер 1913: 26) 'Дядя посмотрел и стал подниматься [на дерево], а Емеля у дяди (Ablat.), пока тот поднимался (букв. поднимаясь), распорол подошву обуви, дядя и не заметил'; кп. А *Оша-Мишаѡс* (Accus.), *вундѡмподсѡ тѡвбыд сѣйтѡн, вити кыскѡм, <...>* (Оласѡ 1990: 23) 'А Оша-Мишу, питаюсь всю зиму соломой, голод одолел, <...>'; *Весь овтѡн Андриянсѡ* (Accus.) *кытишлалѡны думаэз, кѡдна лѣкѡсь, кѡдна рамѡсь* (Федосеев 1991: 75) 'Ничего не делая, Андриана одолевают думы, то мрачные, то светлые'; *Гажѡтчыны больницаын куйлытѡн Володялѡ эз сетѡ* (Фадеев 1997: 253) 'Скучать Володе, лёжа в больнице (пока он лежал в больнице) не давали'.

В коми-зырянском и коми-пермяцком литературных языках можно наблюдать схожие типы предложений с деепричастием в составе, когда субъект деепричастия в форме генитива (адессива) на -лѡн одновременно имеет значение посессора субъекта-подлежащего, неся в предложении двойную семантическую нагрузку: субъектную и посессивную. Элиминация деепричастия из предложения не нарушает его целостности и смысла: кз. А *сія эськѡ Седунлѡн узигас питишѡсьыс чышъян помыс мыччысьѡма* (ВСМ 1986: 96) 'А это, оказывается, у Седуна (Gen.), во сне (букв. спя) из-за пазухи кончик платка показался' – а) субъект деепричастия: *Седунлѡн узигас* 'во сне Седуна, когда Седун спал'; *Седунлѡн чышъян помыс* 'кончик платка Седуна'; *Салдатлѡн воюйтігкості пияныс лѣка велѡдчѡмаѡсь* (Торопов 1982: 101) 'Пока солдат воевал, сыновья его плохо учились' – а) *салдатлѡн воюйтігкості* 'пока солдат воевал'; б) *салдатлѡн пияныс* 'сыновья солдата'; кп.<...> *Митиперыслѡн правленнѣсис петтѡн спинаыс эз ешты саясьны, а Кузьма Дмитриевичыс счетоводыслѡ висьталіс ни: «Светлана, гижан сто процент!»* (Федосеев 1991: 208) 'У Митипера, выходя из правления, спина не успела исчезнуть (букв.), а Кузьма Дмитриевич уже приказал счетоводу: «Светлана, напишешь сто процентов»'; *Чериалісьлѡн корна вылас пукавтѡн нельки юрыс дурмѡ, сы вылынаѡсь ни нія му вевдѡрын лѣзьѡны* (Олісѡ 1990: 100–101) 'У рыбака, сидя(щего) на спине (орла), даже голова кружится, так высоко они над землей летят'.

Субъект деепричастия может выявляться контекстно (из ближайшего окружения): *Узим ми Котласад ывла вылын. Водігѡн Ювеналий – ветлѡм-мунѡм мортыд – шуис: тані пѡ быдсяма шпанаыс тыр, и бурджык пѡ лѡб, мешѡкъястѡ кѡ дінаныд кѡрталад* (Торопов 2003: 162) 'Ночевали мы в Котласе на улице. Ложась спать (когда ложились спать) Ювеналий – человек бывалый – предупредил: здесь, мол, всякой шпаны полно, и будет лучше, если мешки свои к себе привяжете'. Способы выражения субъекта деепричастия в коми языке сопоставимы со способами выражения субъекта девербатива в русском языке [Казаков 1994: 48–53], они демонстрируют

определенное сходство. К случаям контекстного выявления субъекта девербатива в русском языке применяется понятие «контекстного “погашения” субъектной валентности» [Казаков 1994: 52].

3.2.2. Усилительно-выделительные элементы при деепричастных конструкциях

К деепричастиям, особенно каритивным, с целью выделения, усиления могут постпозитивно присоединяться некоторые элементы. Так, в связи с «отрицательным согласованием» А.С. Сидоров отмечает конструкции отрицательного местоимения *нинѡм* 'ничего, ничто' в постпозиции после сказуемого на началах сочинения, в которой также требуется отрицательная форма сказуемого: *Висѣталіс тайѡ салдат и эз прѡщайтчы ни нинѡм, мунісны гортѡ, пристанѣ дорѡ* (фольк.) 'Сказал это солдат и не попрощался ни ничего, (затем) пошли домой, к месту возле пристани' [Сидоров 1992: 131]. «*Ни нинѡм*» постпозитивно присоединяется к именам или глаголам в отрицательных предложениях, напр., ...*Мужик чеччис асывнас. Нинѡм абу: нянь ни нинѡм* (Охотник и леший) 'Проснулся мужик утром. Нет ничего: даже хлеба (букв. хлеба ни ничего)' и усиливает значение полного отсутствия каких бы то ни было действий либо предметов.

Соединение отрицательного местоимения *нинѡм*, указывающего на полное отсутствие чего-либо, с предшествующим элементом создает эффект выделения, подчеркивания, приобретая признаки усилительной частицы. В коми языке у деепричастий подобный эффект может достигаться также за счет применения субъективно-модальных частиц *быдѡн*, *быдсѡн*, *весиг*, *выйѡдз* 'даже', которые «составляют субъективно-модальную группу, выполняя при этом функции выделения и усиления с оттенком эмоциональности» [Попова 2008: 275–280]: *Вот тэныд и ковѡм жертваяс. Ёрчѡм-вичѡмѡн и быдѡн лоѡ велѡдны мукѡдсѡ овны* (Безносиков 1969: 44) 'Вот тебе и ненужные жертвы. Даже руганью и проклятиями приходится учить некоторых жизни'; *Пѡрчысьтѡг и быдѡн вель дыр кутчысьлѡмѡн окасим* (Куратова 2009: 149) 'Не раздевшись даже, очень долго обнимаясь, целовались'. Прием с постпозитивным присоединением отрицательного местоимения *нинѡм* 'ничего', функционирующего в качестве усилительно-выделительного элемента в отрицательном предложении распространяется также на каритивные деепричастия, напр.: '– *Тэ нѡ мый, едена сила, вѡчѡмыд менам ветлѣгкості? – пѡрчысьтѡг ни нинѡм Иван топѡдїс гѡтырсѡ* (Савин 1962: 23) 'Да что же ты, едина сила, натворила, пока меня не было? – даже не раздевшись (букв. не раздевшись ни ничего), припер к стене жену Иван'; *Торѣя кукняѡ и мѡдѡдїс [Седунтѡ], порсь да мѡс видзанін ли мый ли сэн вѡлѡма. Пируйттѡг ни нинѡм, сїдзи и ыстїс (цар), мун пѡ син водзысь* (ВСМ 98) 'В отдельную кухню и отправил (Седуна царь),

хлев ли овин это был. Даже не дав попить (букв. не попирав ни ничего), так и отправил, иди, говорит, с глаз долой'; *Йиркап, чеччы пö, лöз көрöд мöдлапöлын йирсö. Йиркап чеччас, босьтас мамыслысь пöсь ид нянь, сюяс питишöгас да сёйтöг ни нинöм петас көртö вöтöдны* (КЛП 1984: 41) 'Йиркап, вставай мол, голубой олень на том берегу пасется. Йиркап встанет, схватит у матери горячую ячменную лепешку, засунет за пазуху и даже не поев (букв. не поев ни ничего) выскочит оленя догонять'; *Сандра радейттöг ни нинöм петис дзик тöдтöм морт сайö, кодi бурса-ын велöдчигас на велалöма юыштавны* (Федоров 1982: 379–380) 'Сандра совсем без любви (букв. не любя ни ничего) вышла замуж за совершенно незнакомого человека, который еще во время учёбы в бурсе начал прикладываться к рюмке'.

Для усиления отрицания в состав конструкций с деепричастием на *-тöг* (а также других разрядов) могут включаться местоименные слова. В связи с описанием средств усиления отрицания лингвистами сделаны интересные наблюдения, когда «актанты и сирконстанты могут использоваться в равной мере в качестве средства усиления отрицания, ср.: *не видеть совсем – не видеть ничего* [Коссек, Костюк 1982: 58]. В коми языке в этом аспекте показательны сочетания деепричастий с отрицательными местоимениями *нем, нинöм* 'ничего', *некутишöм* 'никакой' и др. в объектной и атрибутивной позициях соответственно: вв. *А Лымва Иван <...> некутишем шойччылтэг катэдаз гортэ öшинь улас* (ST. IV 62) 'А Лымва Иван <...> безо всякого отдыха (букв. никак не отдыхая) принесет домой под окно'; *Кор Домень, ньöти виччысьтöг да некутишöм подувтöг, кутис шыблавны Зоялы дöзмöм-скöрмöм кывъяссö, сийö шийöвоишискодö...* (Изьюров 1984: 51) 'Когда Домень, совсем неожиданно и безо всякого основания, стал выкрикивать Зое злые слова, она немного растерялась...'; *нем виччысьтöг артмис Доменьлөн* (Изьюров 1984: 19) 'неожиданно получилось у Домения' (букв. ничего не ожидая); <...> *а мукöдыс некодарö нинöм шыасьтöг кывзöны да ваксöны вензöм вылас* (Пыстин 1987б: 168) 'а остальные ни к кому не обращаясь, слушают и высмеивают спор'. Усиление отрицания отрицательным местоимением в деепричастной конструкции, где деепричастие не является каритивным, распространяется на предложение в целом: *Некор на тадзсö эз вöвлы, некутишöм пажнайтiгөн* (Торопов 2003: 121) 'Никогда еще так не было, букв. во время никакого обеда'.

Глава IV

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОСТАВЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

4.1. Опорные формы деепричастия в составе предложения

В качестве членов предложения (обычно обстоятельств) деепричастия и деепричастные обороты вступают в синтаксические отношения с другими членами предложения, которые можно обозначить термином «опорные формы», принятым В.П. Недеялковым и Т.А. Отаиной в исследовании деепричастий нивхского языка: «исследуя таксис, мы всегда имеем дело, как минимум, с двумя его формами – зависимой и независимой. <...> целесообразно различать деепричастное действие (оно всегда выражено формой деепричастия) и опорное действие» [Недеялков, Отаина 2012: 299]. Прежде всего деепричастия примыкают к компоненту предикативного центра предложения – сказуемому, которое может быть простым, осложненным или составным, именным или глагольным; опорной формой деепричастия может быть компонент предложения вне предикативного центра, второстепенный член предложения. Опорная форма может быть выражена:

1) глаголом: кз. *Праздник ногён вёччёмён, Уличьясёд лэччёны Гору – Сыктыв ю дорё Уна йёза чукёръяс!* (Савин 1962: 190) 'Одевшись по-праздничному, спускаются по улицам с горы к Сыsole группы людей'; кз. *Кыркётисё кайигён сійё джёмдис да уси* (ВКМ 1950: 145) 'Поднимаясь на гору, он споткнулся и упал'; кп. *Пера-богатырь нёрысьмытёдз абу гётрасёма* (Оласё 1990: 272) 'Пера-богатырь до старости не женился'; И *вёрались морт висьталём воннэслё: «Меным избушкаас узикам блазьнитис»* (ST 1 1985: 124) 'И охотник рассказал братьям: «Когда ночевал в избушке (букв. ночуя), мне привиделось'; *Варовинной – гез, кёдö кыйтённяс дегёдялёны* (Канюков 1997: 366) 'Варовинная – веревка, которую на охоте (букв. охотясь) обрабатывают дёгтем';

2) причастием: кз. *И тайё ловья ловыс, пес чурка кодь ловья мортыс, горёдис боевой команда кодь лэчыд гёлёсён: – Граждана, отсышитёй Отечество дорйысьлы! Фашистскёй тигралысь сюрса лысё чегигён кокьяс вошитысьлы!* (Торопов 2003: 163) 'И это живое существо, похожий на обрубок живой человек, крикнул голосом, как при боевой команде: – Граждане, помогите защитнику Отечества! Потерявшему ноги, ломая хребет фашистского тигра'; *Лун шёр шондйёй менам, Мамёй да матушкайёй, Морёс вылё шондйё вотёдз Узьтёдысьёй* (ВСМ 1986: 50) 'Полуденное солнце мое, мама да матушка, разрешающая спать (до тех пор пока) лучи солнца до груди не дойдут'; *Проектьясё дасьтёма вёр заптёгён-пилитёгён, кабала вёчигён артём* колясён тырвйёджык вёдитчём <...> нырвизьын (Коми му 2012,

27.12.) 'Проекты подготовлены в рамках направления, предполагающего наиболее полное использование отходов, образующихся при заготовке-переработке леса, изготовлении бумаги (букв. заготавливая-перерабатывая дрова, изготавливая бумагу)'; *Компания кёсйё вузавны ашиёр уджалысьяс-лы вёр да чинталём кер новлан машинаяс, а сідзжё важё ног вёр заптігён колана тракторьяс* (Коми му 2011, 1.01.) 'Компания планирует продать предпринимателям машины для перевозки леса и раскряженных бревен, а также трактора, необходимые при заготовке леса прежними методами'; кп. <...> *асьныс пуксисё неылё, весётчикас натодиль кольём лапья кёз увтё* <...> (Фадеев 2006: 3) 'сами сели невдалеке, под оставленную во время расчистки разлапистую ель'; *Потласьтёдз висян юрён думайтны мыйкё йылись бытишма сия эз чайтчы* <...> (Фадеев 2006: 15) 'Он и не рассчитывал хорошо обдумывать до раскалывания (букв.) болеющей головой'; *Видзчисьтёг зорамём думасянь зонка нельки гажмышитіс* (Фадеев 2006: 16) 'От неожиданно появившейся мысли мальчик даже немного повеселел'. Встречаются случаи эллипирования причастия, напр.: кз. *Пызя шыд пусасны да йёлён-нёкён да выйён сорлалёны. Выйсё чёжигён быркмынас (шыд йёв) йёлалёны чёскыд вылё* (Старцев 1929: 24) 'Мучной суп сварят и перемешивают с молоком-сметаной и маслом. При собирании масла (полученное, оставшееся) пахтанье добавляют для вкуса'.

3) деепричастием (обычно другого разряда), напр.: кз. *Отчыд, кёч кыйигад вёррёд ветлігён, Ёньёлы паныд сюри Ёльбш Илля* <...> (Сажин 1987: 95) 'Однажды, когда ходил по лесу (букв. ходя по лесу), охотясь на зайца, Эне попался навстречу Ольош Илья'; *Ёльёксан гётыр ёбёдняё котёртігмоз нарошнё кёжалёмён висьталіс Юдин Митрей гётырлы* <...> (Доронин 1995: 37) 'Жена Олександы, нарошно забежав, торопясь на обедню, рассказала жене Митрея Юдина: <...>'; уд. *первейё винасё ваяс зонмыс корасигён локтігёныс* (СТ. III. 1989: 328) 'Сначала вино приносит парень, когда приходит на сватанье (букв. сватаясь приходя)'.

4) инфинитивом: кз. *Но век жё Ильёлён сёлём вылас эз вёв лёсьыд, век жё мыйкё мешайтіс овны аския лунлы тырвейё эскёмён* (Юхнин 1981: 223) 'Но все же на сердце у Ильи было тревожно, все время что-то мешало жить с полной уверенностью в завтрашнем дне (букв. полностью доверяя завтрашнему дню)'; *Бригаднёй метода удже вылё вуджны: уджалан нормаяс лёсьёдігён равняйтчыны водзмёстчыс ударникьяс серти* <...> (Вёрлэдзыс 1932, 1.01.) 'Перейти на бригадные методы труда; при планировании трудовых норм равняться на передовиков производства'; кз. *Тиёктісны мунны гортас карта мышьясёд, овны тайё лун-войсё йёз син водзё петкёдчытёг* (Юхнин 1981: 109) 'Велели пробираться домой по задворкам, переждать (букв. жить) день-ночь не показываясь людям на глаза'; кп. *Пондылас бы коробьяксё писис кыскыны (чериалысь), а оз*

лысьт – вдруг мыйкō умōль лоас, эд мыйиськō орёл сой эз жō тшōкты **осьтны гортō локтытōдз** (Оласō 1990: 102) 'Начинает коробок из-за пазухи вытаскивать (рыбак), а не смеет – вдруг что-то плохое случится, ведь почему-то же сестра орла не разрешила открывать до прихода домой'; кп. <...> **А кольны кō веськавтōдз** (кытчōдз орёл оз веськав) он тōд, коркō и бурōн вештисяс (Оласō 1990: 99) 'А если оставить, пока не выздоровеет (букв. до выздоровления) орёл, когда-нибудь и ответит добром'; с инфинитивом при безлично-предикативном слове в роли главного члена: кз. – *О, циркыд!.. – горōдис Мирон, но сēйигōн сērнитны эз вōв лōсьыд, да сийō кōсьысис висьтавны та йылысь водōм бōрын* (Юхнин 1981: 303) 'О, этот цирк!.. – воскликнул Мирон, но, принимая пищу, разговаривать было неудобно, поэтому он обещал рассказать об этом, когда лягут спать'.

5) прилагательным: а) в роли предикатива – именной части именного сказуемого: кз. *Ок, и скōр вōлі понйыс **рысьсō джагōдигōн*** (В. Юхнин) (СКЯ 1967: 107) 'Ох и злая была собака, когда душила рысь'; *Зверлысь кок туй синмōн **аддзытōг мортыд вынтōм*** (Юхнин 1981: 150) 'Не видя следа зверя своими глазами, человек бессилён'; *Кор Сюрукнымōс нудōдисны, ми тшōтши мамō **вылō видзōдōмōн жугыльōсь вōлім*** (ЗТ 1996: 106) 'Когда корову вводили, мы тоже, глядя на мать, были грустные'; кп. *Муыс бур – сьōдмусин сора, гōрикō **небыт***, <...> (Канюков 1949: 11–34) 'Земля хорошая – с примесью чернозема, при вспашке мягкая'; б) деепричастия на -тōдз, -мōн со значением степени связываются с прилагательным для выражения значения степени усиления признака: кз. *Ар пом лои кузь, гажтōм. Гажтōм **умтōдз ѓткодъ** руд серпаснас синмыды и сьōлōмыды* (Изьюров 1984: 25) 'Конец осени выдался длинным, тоскливым. Тоскливо глазу и сердцу при до пресыщения (букв.) однообразной серой картине'; кп. <...> *шоньт гор бердас вель дыр сьōрна куйлōм бōрсянь сiя лōм **бытшикасьтōдз чорыт да кōс*** (Фадеев 2006: 8) 'из-за того, что долго лежал у теплой печки, он стал до колючести твердым и сухим'. Согласно Е.А. Цыпанову, подчинение адъективу или наречию говорит об адвербиализации деепричастий [Цыпанов 1997в: 184].

б) безлично-предикативным словом, наречием: кз. *Велавтōгыд шуш-тōм лолō* (Дѣмин 1987: 49) 'С непривычки (букв. не привыкнув) мрачно становится временами'; *Кыйигас лōсьыд лōй, а сēйигас и нōшта на лōсьыд...* (Афанасьев 2007: 24) 'На охоте хорошо будет, а во время еды еще лучше'; кз. вс. *Вōрас пыригōн пемыдкōдъ на вōліс, а вōрас ещō на пемыд-джык* (ОКЗР 1971: 146) 'Заходя в лес темновато было, а в лесу еще темнее'; кп. *Синваз петтōдз сьōкыт вōлі Таисьялō янсōтчыны аслас мечтакōт, <...>* (Фадеев 2006: 391–572) 'До слѣз (букв. до выхода слѣз) тяжело было Таисье расставаться со своей мечтой'; *Этō уджсō завид куттōдз кокнитa*

да басо́ка, дзик орсомо́н, керліс Таисьяло́н мамыс (Фадеев 2006: 391–572) 'Эту работу до зависти (так, что зависть берет) легко и красиво, будто играючи, делала мать Таисья'; *Думаэзнас Ильинов вились во́лі сэтчин, сія му вылын, кыто́н чужис, быдмис да сувтіс кок выло́, <...> ко́датог синаваэз петто́дз овло́ гажетом <...>* (Фадеев 2006: 239–305) 'Мыслями Ильинов снова оказался там, на той земле, где родился. Вырос и встал на ноги, без которой до слёз (букв. до выхода слёз) бывает тоскливо <...> '.

7) существительным в падежных формах и послеложно-именных сочетаниях: а) в приименной позиции (атрибутивной). Прежде всего это существительные – имена действия, так называемые «предикатные имена» и имена действующего (-ысь). В данной позиции «смысловые отношения остаются обстоятельственными, лишь осложняются определительными» [Лудыкова 2009: 24]. Предикатные имена, обладая грамматическими признаками существительного, «сохраняют семантику процесса, действия, состояния, содержат также глагольные признаки: залог и способ глагольного действия, способны к управлению зависимыми словами», сохраняют субъектную валентность» [Федюнева 2000а: 69]: кз. *Медым эз ло татио́м шуитомо́н аскиа луныс, ко́ло национальность да культура юко́нын со́дз вежо́ра политика, и тайо́ уджас медым гижысы́яс эз лоны ки нюжо́ддо́мн корысы́ясон, а уджесо́ оло́мо пыртысы́яс лыдын* (Суворов 2005: 15) 'Чтобы завтрашний день не стал таким мрачным, в отделе национальностей и культуры необходима трезвая политика, и чтобы работники этой сферы не являли собой нищих с протянутой рукой (букв. протянув руки просителями), а были в числе активных участников процесса труда'; *Чераньыс – сійо́ ыджыд пабрикант, ко́ди лунты́рья личмунто́г, лолышитто́г уджало́мысь мияны мынто́, корысылы моз мыччо́ восьомо́ гривен* (Тима Вень 1921:13) 'Паук – это крупный фабрикант, который нам платит за полудневный напряженный труд без передышки (букв. за работу целый день не расслабляясь, без передышки), как нищему, подает восемь гривен'; *Ме сылысь эг аддзыв весь о́лом, кыккирудз лэдзо́мн пукало́м, – унаысь шулывліс Илля Вась* (Торлопов 1985: 44) 'Я никогда не видел его в праздности, чтобы он сидел сложа руки (букв. сложенные руки опустив сидения), – много раз говорил Илля Вась'; кп. *Деревня весьтын, <...>, одз асывысьн и сёр рыто́дз эз лоньсы́ыв сёдракаэзло́н дугдывтог карзо́м* (Фадеев 2006: 86–93) 'Над деревней, с раннего утра и до позднего вечера не прекращалось бесконечное карканье грачей'; *Сійон даскыным осыко́в ылына пидзо́содз бродитомо́н муно́м бо́рсянь* зоночкало́н етиш ошліс [Фадеев 1995: 75–88] 'Поэтому примерно за десять шагов, после ходьбы бродя по колени (букв.), у парня иссякли силы'. *То́дім о́тико́ – удж да бо́ра удж садь бырто́дз, <...>* (Федосеев 1991: 120) 'Знали одно – работа и еще раз работа до потери сознания'. А. Хамари также приводит случаи атрибутивного употребления каритивных деепри-

частий при лексемах, не являющихся именем действия, напр., деепричастия на *-төг* со словом *удж* 'работа' в коми-зырянском языке: *тиыг вояс, омӧлик паськӧм, сӛсся дзик нин шойччитӧг удж* – ставыс тайӧ вайӧдӧма туберкулезӧдзыс, тыдалӧ 'голодные годы, плохая одежда, непрерывный (букв. не прерываясь) труд – всё это, видимо, привело к туберкулезу', объясняя связью слова *удж* с глаголом *уджавны* 'работать' [Namagi 2011: 73]. Приименные деепричастные конструкции в качестве членов предложения совмещают атрибутивное и обстоятельственное значения: *Сыктывдин районӧ ветлігас журналистъяскӧд сёрнитӧгӧн республикаса Юралыс Вячеслав Гайзер вылӧ донъяліс Изьваса аэродром вылӧ Ту-154 самолётлӧн пуксигӧн районса службаяслыс уджсӧ* (Коми му 2010, 11.09.) 'Во время поездки по Сыктывдинскому району, разговаривая с журналистами, Глава Республики Вячеслав Гайзер высоко оценил работу районных служб во время посадки на Ижемский аэродром самолета Ту-154'; *Шоныд да ва арталан приборъяс сувтӧдӧгӧн государстволӧн отсӧг йылыс мӧвпыс подулалӧма, но тайӧ зэв донатор* (Коми му 2010, 27.11.) 'Мысль о помощи государства при установке приборов учета воды и тепла обоснована, но это очень дорогое (мероприятие)'; *Татиӧм ногӧн артмӧм сюрӧса членъясыс петкӧдлӧны: <...>, б) действиесӧ вӧчигӧн субъектыслыс эмоциональнӧй состояниесӧ* (Лудыкова 2009: 69) 'Образованные таким способом главные члены показывают: <...>, б) эмоциональное состояние субъекта во время действия (букв. производя действие)'; *Бытьӧ гожся лунӧ кор нотӧгӧн ывла – Зэв кокни, зэв долыд Тэнад сьблӧм вылад* (В.И. Лыткин) (Беляев 2005: 55) 'Как природа во время распускания листьев в летний день (букв. как природа...) – очень легко и радостно на сердце (В.И. Лыткин)'; *Дмитрий Анатольевич Медведев кытӧдіс сідзжӧ кагалы сьбма отсӧг вичмӧдӧгӧн бать-мамсӧ вот мынтӧмысь мездӧм йылысь юалӧм* (Коми му, 2010, 4.11.) 'Д.А. Медведев также поднял вопрос об освобождении родителей от налога при выделении денежной помощи на ребенка'; б) в предложении с составным именным сказуемым, с существительным в роли предикатива: сс. *и сэки Василиса шуис: «если кӧ пӧ миянлы култӧдз лӧб лоны черидн, то мет пӧ тэ пыр кутан сулалны коскӧдзыд гудыр ва пытшкын»* (Ст. III. 1989: 158) 'И тогда Василиса сказала: «Если нам до смерти придется быть рыбами, то и ты навсегда останешься стоять по пояс в мутной воде»'.

4.2. Средства выражения связей и отношений деепричастий и деепричастных конструкций в предложении

Полупредикативная связь деепричастия в предложении рассматривается в качестве обязательной и ведущей, основанной на одновременной двойной связи деепричастия с глаголом-сказуемым (или с компонентом предложения за пределами предикативного центра) и с членом предложе-

ния с субъектным значением [Чупашева 2010: 5–6]. Вместе с ней у деепричастия реализуется связь примыкание. Кроме бессоюзной, возможно включение ДО с помощью союза. Среди подчинительных это чаще всего сравнительные союзы, образующие сравнительный оборот, такие как кз. *быттьō* 'будто', *кызд* 'как', *кызкō быттьō* 'как будто', кп. *кызд* 'как', *кызд бы* 'как будто', *быттьō* 'будто': кз. – *Ме тэныд шулі, – чай юысыясōс быттьō аддытōг* батыс дінō шыасис Ладимер, – лоис кō өти проект, лоасны и мōдъяс, коймōдъяс, нельōдъяс (Юхнин 1981: 67) 'Я тебе говорил, – будто не замечая пьющих чай, обратился к отцу Владимир, – если появился один проект, будут и вторые и третьи, четвертые'; *Тайō кызд поездōн мунігōн, аддысыясны тōдтōм йōз да кузь туяс юксьōны асланыс шог-дойōн, и кокньōдō өд* (Коми му 2010, 6 вольгым) 'Это как путешествуя на поезде, встретятся молодые люди и во время долгого пути делятся своими бедами и переживаниями, и ведь помогает'; *И вōра муыс котōртō, котōртō тэныд воча да кызкō быттьō бергалōмōн, вабергачын моз гōгралōмōн, веийō и веийō бōрвыв* (Торопов 2003: 163) 'И земля, покрытая лесом, несется, несется тебе навстречу и как будто вращаясь, крутятся, как в водовороте, уходит, уходит назад'; кп. *Черыс, кызд орсōмōн, тьяк толькō мōртчис стенаас* (Лихачев 1997: 26) 'Топор, словно играючи, врезался в стену'; *Кайыс пуксис вышка вылō и кызд бы норасьōмōн, мыйла сійō повзьōтисō, шыасис: - Киаай, киаай...* (Баталов 1997: 145) 'Птица села на вышку, и будто жалуясь, что её испугали, ответила: – Киаай, киаай...'; [Трактористыс] *ветлōтō жажвыв, быттьō нюкайтчōмōн, и сідзжō ваийōтлō машинасō* (Климов, 1997: 172) 'Тракторист ходит медленно, будто приносящаяся, и также подгоняет свою машину'; *Нывкаэс баитчисō пантасьны Ротанка юок дынас, быттьō больницаō мунтōн* (Канюков 1997: 381) 'Девочки договорились встретиться у реки Ротанки, будто по пути (букв. идя) в больницу'.

В предложении для членов предложения, выраженных деепричастием, возможна сочинительная связь. Примеры с сочинительными союзами: кп., с разделительным союзом *нетто... нетто...* 'не то... не то': – *Дыр, дыр, зонка, медбōръя лунас тэнō видзисō школаас! – нетто видчōмōн, нетто кōритōмōн шуис Демалō хозяиныс* (Шадрин 1997: 85) 'Долго, долго, сынок, тебя в последний день в школе держали! – не то ругаясь, не то укоряя сказал хозяин Дёме'; с противительным союзом *но*: *Жажвыв сибōтчис добычасыс дынō, но полōмōн, сыбōрын өдззōтчыиштис <...>* (Федосеев 1997: 265) 'Медленно подошел к добыче, но побаиваясь, потом немного осмелел'; *<...> зэркытōла горōтчōмсō сайōвтōм могись одзлань шутитōмōнмоз, но чуклъастōг ни эшō содтис <...>* (Фадеев 1997: 236) 'еще добавил шутя, но не жеманясь, из-за стремления сгладить грубый выкрик'; с союзом *то ли... то ли*: *Эстōн жō вōлись, то ли сорасьōмōн, то ли нарошнō, Аня*

казьмѳтис и сійѳ причинасѳ <...> (Фадеев 1997: 236) 'Там же наконец, то ли ошибившись, то ли нарочно, Анна напомнила и ту причину <...>'; с союзом кѳть... но 'хоть... но': **Кѳть и мыкталѳмѳн, кѳть ѳддѳѳн жажѳна, но лыддѳѳтлѳс** (Федосеев 1997: 296) 'Хоть и заикаясь, хоть и очень медленно, но прочитал'.

Влиянием синтаксиса русского языка можно объяснить появление конструкций, где деепричастный оборот или одиночное деепричастие стоит после противительного союза **а**, при этом деепричастную конструкцию невозможно изъять из предложения или переставить в другое место без разрушения структуры предложения: кз. *Сійѳ вежласѳѳмыс мунѳ сѳмын сѳк, кор кутѳѳмкѳ ѳти шы сулалѳ мѳд шы дорын, а мукѳд шы дорын сулалѳѳн оз вежласѳ* (Разманов 1931: 49) 'Такое изменение происходит только тогда, когда один звук стоит рядом с другим, а стоя рядом с остальными звуками, не изменяется'; *Медся тѳѳкыда лыдакыв теткѳдѳѳ эмакыв туйын, но дзѳкѳдз сѳѳ оз вудж, а сѳмын сѳрни артмѳдѳѳн индѳ сы вылѳ да вежѳ сійѳс сѳрникузын* (ѲКК 2000: 141) 'Чаще всего числительное субстантивируется, но полностью в существительное не переходит, а только в речи (букв. речь образуя) указывает на него и заменяет в предложении'; кп. <...> *эз и дугдыв, мыйкѳ сѳ висѳтасис, вакис, а баиттѳннѳс сійѳ и керис, ѳвтышталѳс ѳтмѳдѳрѳ киззас* <...> (Фадеев 1997: 220) '<...> не останавливался, всё что-то говорил, смеялся, а разговаривая только и делал, что размахивал руками'; *Ѳнѳ вѳлѳсь Ермолѳ старѳк жажыв кытѳѳѳтлѳс ѳмѳн стрѳйплѳщадка гѳгѳр, а бѳр берттѳннѳс кежалѳс главнѳй корпус дынѳдз* <...> (Фадеев 1997: 248) 'Старик Ермолай только сейчас обошел вокруг стройплощадки, а, возвращаясь обратно, завернул до главного корпуса'.

В состав предложения деепричастие или деепричастный оборот может включаться с помощью послелогов. Согласно Н.А. Колеговой, с глаголами и деепричастиями послелоги не употребляются вовсе, кроме перешедших в послеложные суффиксы [СКЯ 1955: 263]. Данные научной грамматики 2000 г. опровергают это положение [Некрасова 2000: 437; Цыпанов 2000: 352]. Д.В. Бубрих, отмечая утрату сопоставительного значения у перешедшего в суффикс послелога *моз* в коми-зырянском деепричастии на *-игмоз*, тем не менее замечает, что «если нужно использовать *моз* как сопоставительный послелог, употребляется *-игѳн моз*» [Бубрих 1949: 141]. П.Н. Перовицков сравнивает сочетания деепричастий на *-иг* с послелогом *моз*, *-игѳн моз* в коми языке с конструкциями деепричастий на *-ку* со сравнительными союзами *кадѳ*, *сямен* и *выллем* удмуртского языка «при выражении оттенка значения обстоятельства образа действия» [Перовицков 1959: 283–284].

В коми языке характер сочетания послелогов с деепричастиями условно можно разделить на два вида: в первом случае это послелоги-суффиксоиды,

формирующие разряды деепричастий (-чѣж, -кості, -кежлѣ, -моз): *муніг-чѣж, пуксигкості, воигкежлѣ, мунігмоз* и т.д.; в другом случае послелого сохраняют живые отношения, т.е. выступают в своем собственном послеложном качестве. Количество послелогов, сочетающихся с деепричастиями, ограничено, в случае с формой на -игѣн это послелого со значением сравнения или исключения: *дорысь* 'по сравнению с ч.-л., чем, нежели', *моз* 'как, подобно', *серти* 'по', *кындзи* 'кроме'. Послелого *кодъ, моз* обозначают то, что «наличный признак проявляется подобным же образом, как и в другом предмете, который берется для сравнения» [СКЯ 1955: 267]: *Ми летйѣдлам-нетикам баябѣжсѣыным гымѣм, пратяссѣм юрсинымѣс, чуньясѣс ножкичѣн шыригѣн моз* легѣдам, *но сійѣ* [литовец] *бара на немтор оз висѣтав* (Торопов 2003: 170) 'Мы треплем-выдѣргиваем свалывшиеся на затылке, взлохмаченные волосы, как при стрижке (букв. как ножницами постригая) трогаем, но он [литовец] все равно ничего не говорит'; *Киевлань мунігѣн моз жѣ ѣні вочасѣн колисны бѣрвыв сикѣтѣяс, вѣлѣстѣяс, карѣяс* (Юхнин 1981: 283) 'Как и тогда, когда шла в Киев (букв. как идя в Киев), сейчас оставались позади сѣла, волости, города'; *Ми пукалам пызан сайын ѣта-мѣдлы воча, сійѣ ѣтар помас, ме – мѣдарас да пѣса кашкам, биа висигѣн моз* (Торопов 2003: 81) 'Мы сидим за столом друг против друга, он на одном конце, я – на другом, и громко пыхтим, как при лихорадке (букв. как болея горячкой)'; *Сѣсся и матыстчи ме сѣвѣтырѣя кымын пожѣм дінѣ, любѣпырысь тапкѣдышті сійѣс йизѣышталѣм кырѣяс, <...>, чер тышкѣн мый вынысь клѣнѣбті ур кыйигѣн моз, ѣн пуыс ыджыд жыннѣн моз сѣмын и ковмуніс, <...>* (Торопов 2003: 409) 'Вот и подошел я к сосне толщиной в обхват, ласково потрепал ее заледенелую кору, изо всех сил ударил обухом топора, как во время охоты на белку (букв. как охотясь на белку), крепкое дерево лишь загудело, подобно огромному колоколу <...>'; *Тѣвзѣѣдѣ-нудѣѣ тѣнѣ кытѣчѣкѣ, и немтор вѣсна оз ков тѣждысѣны. Пур кылѣдигѣн моз оз ков повны, мый кытѣчѣкѣ сибдан, либѣ полойѣ зутшинитас-сояс* (Торопов 2003: 150) 'Несет тебя куда-то, и ни о чем не надо беспокоиться. Не нужно, как при сплаве плотов (букв. как сплавляя плоты), бояться, что где-нибудь застрянешь, либо в омут тебя закрутит'; *И кокѣясѣд, нюрѣд собигѣн моз, дзурсмунѣны муас* (Торопов 2003: 283) 'И ноги, как и во время брожения по болоту (букв. как бредя по болоту), проваливаются с шумом до земли'.

Моз сохраняет сравнительное значение в качестве послелога и при деепричастии на -ѣмѣн, формируя сравнительный оборот, напр., кз. – *Ѡстатки кывѣяссѣ Гаврил дѣдѣ шуаліс-исповѣдайтчис сѣылѣмѣн, молитва лыдѣѣмѣн моз* (Коми 1993: 54–90) 'Последние слова исповеди дядя Гаврил произносил нараспев, будто читая молитву'. Компонент *моз* в конструкциях придает деепричастию также оттенок предположительности, сравнительное значение переплетено с модальным: *Думѣясѣс вежсисны?* –

дойдыштны кёсйёмён моз нин юалис Панев (Горчаков 1999: 3–167) 'Мысли изменились? – *будто* (как бы, будто бы) уже желая задеть, спросил Панев'.

Деепричастие может сочетаться с послелогоми *дорысь, серти* [Некрасова 2000: 437]. Послелог *серти, дорысь* обозначают, что признак одного предмета проявляется сильнее по сравнению с другим предметом. В предложении коми языка сочетание существительного с послелогом *дорысь* требует или прилагательного, или глагола (причастия), или наречия со сравнительным суффиксом *-джык* [СКЯ 1955: 267]. В составе предложения со сравнительной конструкцией деепричастия с послелогом присутствует компаратив как обязательный компонент. В таких предложениях указывается на то, что рассматриваемый признак в момент основного действия, выраженного сказуемым, проявляется в другой степени (сильнее или слабее), чем в момент действия, выраженного деепричастной конструкцией: *А сьёлмёй аслам чеччө морёсын, йёра кыйигён дорысь на ёнджыка пессё* (Торопов 2003: 522) 'А у самого сердце бьется в груди, бьётся сильнее, чем во время охоты (букв. охотясь) на лося'; *Крёвать пасьта кияссё шевгёдёмён узьё Макар, <...>. Ичөтик нырыс чангылтчөма вывлань ёна ёнджыка олігёныс серти* (Изьуров 1984: 17) 'Раскинув руки на кровати, спит Макар. Маленький нос его вздёрнут кверху намного сильнее, чем при бодрствовании (досл. чем бодрствуя)'; *Купеч вөлі пасьтасьёма вод-дза волігясё дорысь скромнёйджыка* (Я. Рочев) (ÖKK 2000: 437) 'Купец был одет намного скромнее, чем в прошлые приезды (досл. чем приезжая в прежние разы)'; *Ёд тывтө кыскалігён, быд ног вөригён, лёсьыдджыка на позьё гожйёдчыны лыа вылын кер моз куйлігён дорсьыд* (И. Торопов) (ÖKK 2000: 437) 'Ведь таская сеть, активно двигаясь, больше возможности загореть, чем лежа, как бревно, на песке'. Сочетание с послелогом *кындзи* 'кроме' встречается при выражении значения исключения, образуя ограничительно-выделительный оборот: *<...> Ёстап, дзузган би дорё тюни дёмны пуксис да, табак тшын пёльыштігясён кындзи, юрсё эз на лёптыв* (И. Изьуров) (ÖKK 2000: 352) 'Остап сел к огню копилки штопать валенки и, кроме как во время выдувания табачного дыма, головы и не поднимал (досл. кроме момента сдувания табачного дыма)'.

Для выражения быстрой смены действий в коми языке могут быть использованы ДК с деепричастием на *-ёмён* с послелогом *тишөти* 'вместе', выражающим отношения со значением 'как только...': – *Агния баб, – пырёмён тишөти горёдіс Анна, – Мороз Пёльыд меным козин война-нас вайёма, портфель* (Козлова 1988: 3–4) '– Бабушка Агния, – входя сразу (букв. как только вошла) крикнула Анна, – Дед Мороз мне ночью подарок принес, портфель'. Деепричастия на *-төдз* могут сочетаться с послелогом времени *войдөр* 'до, прежде', выражающим отношения со значением

‘прежде чем...’: *водтöдз войдöр* ‘прежде чем лечь’, *кувтöдз войдöр* ‘до смерти, прежде чем умереть’ [ССКЗД 1961: 56; КРС 2000: 110]. В диалектах это формы на уд. *-тис’ вöйтэти*, *-тис’ вöт’ти* [УД 1990: 84], вв. *войдöр* [ВВД 1996: 116]. Послелог занимает постпозицию по отношению к деепричастному обороту и указывает на то, что действие основного глагола совершается до совершения действия, выраженного деепричастным оборотом [Кренделева 2010б: 166], напр., *Сöмын колö бура мöвпыштны гижтöдз войдöр: кутшöм пьесаяс колö лöсьöдны?* (Савин 1985: 312–313) ‘Необходимо хорошо подумать, прежде чем писать: какие пьесы нужно сочинять?’; *Сйö дыр куйлис госпитальын кокъяс йылас сувттöдз войдöр* (Новиков-Прибой 1940) ‘Он долго пролежал в госпитале, прежде чем стал на ноги’.

4.3. Вопрос о соотносительности деепричастных оборотов с другими конструкциями (на примере деепричастия на *-öмön*)

Изучение соотносительности деепричастных оборотов с другими синтаксическими структурами в коми-зырянской и коми-пермяцкой учебной и научной литературе в основном связано с понятием «параллельного синтаксического оборота» (напр., КГ 1950: 141), что рассматривается в аспекте синонимии конструкций: придаточных предложений и деепричастных оборотов [Лудыкова 1991, 1993; Цыпанов 2003], в качестве семантических эквивалентов придаточного предложения со значением времени [Кренделева 2010а, 2010б]. В учебниках, как правило, отмечается близость оборотов по значению с придаточным предложением, возможность замены обстоятельственного придаточного предложения деепричастным оборотом или оборотом с отглагольным существительным и приводятся схемы замены деепричастного оборота придаточным обстоятельственным предложением и наоборот.

Соотносительность деепричастия с однородным сказуемым в предложении в научной литературе обычно не рассматривается. В связи с этим следует отметить, что не все ДО в коми языке могут быть преобразованы в придаточное обстоятельственное предложение, демонстрируя возможность трансформации только в однородное сказуемое. Напр., с каритивным деепричастием на *-тöг* при условии единосубъектности возможна трансформация деепричастия в отрицательный глагол–сказуемое: – *Позьö мунны? И вочакыв виччысьтöг Петров мöдöдчис öдзöслань* (Юхнин 1949: 41) ‘– Можно идти? И не ожидая ответа, Петров направился к двери’ = *эз виччысь вочакыв, мöдöдчис öдзöслань* ‘не стал ожидать, направился к двери’; в однородное сказуемое-глагол может быть трансформировано деепричастие на *-тöг*, указывающее на действие, предшествующее основному: *Сиктас сйö локтис рытъя бион нин, пырис гортас, ас вывсьыс лымсö*

пыркөдтөг, капкангъассö посводзö кольтөг (Юхнин 1981: 227) 'В село он пришел уже с вечерними огнями, вошел в дом, не отряхнув с себя снег, не оставив капканы в сенях'. В некоторых случаях в предложении трансформировать ДО невозможно ни в придаточное предложение, ни в однородное сказуемое, но есть возможность замены другим (отглагольным) сочетанием (примеры приводятся далее в тексте). Данный вопрос требует дальнейшего изучения. На примере деепричастий с формой на *-ömön* в коми текстах можно продемонстрировать широкий спектр трансформационных возможностей деепричастий и ДО.

Деепричастие на *-ömön* является коми инновацией (отглагольное имя на *-öm* в форме инструменталю), значение сопутствующего действия которого возникло на основе комитативного значения [Серебренников 1963: 304; ОФУЯ 1976: 191; Некрасова 1997: 21]. Ю. Юликоски, пользуясь типологической классификацией конвербов В. Недялкова, относит коми деепричастия на *-ömön* к контекстным конвербам, которые не имеют заранее фиксированной интерпретации, выражая только подчиненность возглавляемой ими предикации. Тип семантического отношения между ситуацией, обозначенной в главной предикации, и ситуацией, обозначенной контекстным конвербом, может быть установлен только из контекста [Ylikoski 2001: 205]. В грамматике «Современный коми язык» А.И. Кипрушевой дается одно грамматическое значение деепричастий на *-ömön* – одновременности с основным действием: «обозначает дополнительное действие, протекающее одновременно с главным» [Кипрушева 1955: 245], а Д.В. Бубрих замечает, что значение «с таким-то действием» не связывает деепричастия на *-ömön* в отношении грамматического времени [Бубрих 1949: 136]. В научной грамматике 2000 г. Е.А. Цыпановым определено два грамматических значения времени: одновременности и предшествования по отношению к основному действию с указанием, что грамматическое время у деепричастия на *-ömön* понимается широко [ÖKK 2000: 386]. П.Н. Перовицков выявляет до шести значений у деепричастий (и конструкций) на *-ömön* в коми языке, сравнивая их с функциональными возможностями деепричастий на *-sa* удмуртского языка: 1) действие, протекающее одновременно с другим; 2) действие, предшествующее другому; 3) действие, осмысливаемое в качестве причины другого действия; 4) определение к имени; 5) способа и образа действия; 6) в сочетании с послелогом *тиöтш* 'вместе', 'одновременно' со значением действия, за которым сразу следует другое (главное) действие. Причем частота употребления деепричастных конструкций в том или другом значении разная: преобладает значение действия, одновременного с основным (в связи с которым реализуется значение образа и способа действия) [Перовицков 1959: 250]. Замечание А.Ф. Шутова относительно выражения значения причины у деепричастий на *-ömön* в коми языке вступает в противоречие с

данными П.Н. Перевощикова. На основе утверждения Э. Беке [Beke 1914–1915: 58], что причинное значение формы на *-(э)мен*, как и вообще творительного падежа, возникло под влиянием тюркских языков, А.Ф. Шутов констатирует отсутствие у коми деепричастий на *-ӧмӧн* значения причины, приводя только значение образа, способа протекания основного действия: *водӧмӧн шоччӧ* 'отдыхает лёжа' в качестве действующего [Шутов 1987: 122], с чем трудно согласиться. В.А. Сорвачева у деепричастий на *-ӧмӧн* в предложении определяет только функцию обстоятельства образа и способа совершения действия, которую следует считать самой распространенной: *Понмыс бӧжсӧ люньгӧдӧмӧн муніс* 'Собака ушла, опустив хвост'; *Ӧдзӧсыс кӧть кажитчис ичӧтикӧн, а пырны-петны кусыньтчӧмӧн позис* 'Хотя дверь казалась маленькой, но ходить, пригнув голову, можно было' [СКЯ 1967: 68]. Трактовка формы на *-ӧмӧн* отличается у Г. Штипы [Stipa 1960: 209]: как инструментальная форма *verbalnomen* на *-ӧм* наряду с некоторыми другими падежными формами имени действия, а не как *verbaladverb* *-ӧмӧн*, на что сам автор дает указание в сноске: «в различных описательных грамматиках форму *-ӧмӧн* относят к деепричастию» [Stipa 1960: 237]. Вопрос дискуссионности деепричастного статуса форм на *-ӧмӧн* рассматривает Ю. Юликоски [Ylikosky 2003: 207–208]. Согласно Г. Штипе, данная форма – имя на *-ӧм* в инструментале – функционирует в предложении в качестве обстоятельства а) времени: одновременности и предшествования; б) образа действия; в) причины [Stipa 1960: 209, 237, 245]. Т.В. Кренделева относительно деепричастий на *-ӧмӧн* отмечает, что в коми языке значение следования, т.е. действия, которое предшествует основному, кроме придаточных предложений с союзами *кор*, *муртса*, *мыйӧн сӧмын*, *да*, *кызд сӧмын* и т.д., выражается семантическими эквивалентами: деепричастными оборотами, с использованием деепричастных форм на *-мысьт* и *-ӧмӧн* [Кренделева 2010а: 6; 2010б: 136, 141]. В коми языке:

1. Деепричастие на *-ӧмӧн* возможно трансформировать в однородное сказуемое-глагол, со значением одновременного действия с основным, так как действие, выраженное деепричастием на *-ӧмӧн* и основное действие в предложении происходят одновременно, параллельно друг другу, при общем субъекте. Дополнительное действие сопутствует основному действию, названному глаголом-сказуемым: кз. *Чукчи пукаліс кыз ув вылын да, увлань видзӧдӧмӧн, котӧдчис понлы воча* (В. Юхнин) [СКЯ 1967: 104] 'Глухарь сидел на толстой ветке и, глядя вниз, кудахтал собаке в ответ' = глядел вниз и кудахтал. Действие, выраженное деепричастием на *-ӧмӧн* и основное действие могут быть представлены как последующие друг за другом действия (одного субъекта), в таких случаях при трансформации деепричастия в финитный глагол два глагола можно рассматривать как однородные сказуемые с временной последовательностью действий, учитывая принятый в грамма-

тике [СКЯ 1967: 79] традиционный взгляд на понимание однородных членов предложения, в том числе сказуемых: кз. вв. *Джыдж Иве дӱзмас да иссӱ юрсис вылӱ лӱптыштлемен ляскас муас* [ST IV.1995: 68] 'А Джыдж Иве рассердится и, приподняв камень высоко над головой, припечатает к земле' = *изсӱ лӱптыштлас да ляскас муас* 'поднимет камень и припечатает к земле'; кп. – *Усямӱ лым столаас, – эшӱ ӱдӱдӱнжык серӱмтчис Дӱма да роженъ вылас пыкӱтасӱмӱн ылӱ чеччӱвтис идзас стопа дынсис* (Шадрин 1997: 68) 'Упадем в снежный сугроб, – еще сильнее засмеялся Дӱма и, подпершись рожнем, отскочил далеко от соломенной кучи' = *роженъ вылас пыкӱтасис да чеччӱвтис* 'подперся рожнем и отскочил'; *Но койкаӱс коласын мама-зоналисъ туйнысӱ поперегалӱмӱн, Лӱха кыкнаннысӱ панӱвтис* (Фадеев 1997: 231) 'Но преградив путь матери с сыном у кровати, Лӱха отправил их обратно'; *Сойыштас зонка зусӱ пӱд, нянь трепич тишукыльтишакыль катъыштӱмӱн босьтас конувтӱ и пӱлялӱ-котӱртӱ Кам ордӱ била* (Оласӱ 1990: 114) 'Паренёк спрятал чесалку за пазуху, скомкав скатерть для валяния хлеба, засунул под мышку и понёсся к Каму за огнем'.

В некоторых случаях действия, выраженные деепричастием и глаголом, могут интерпретироваться и как следующие друг за другом, и как одновременные: кз. *Сувтлам минута дас кежлӱ, мед вӱвным ыркнитас, – пыжсӱс сувтӱгӱн вочавидзис Анатолий Степанович да, скала кодъ обнажение вылӱ индӱмӱн, содтис мӱд пыжас пукалысӱ зонлы: <...>* (Юхнин 1949: 17) '– Остановимся минут на десять, пусть лошадь остынет, – вставая из лодки, ответил Анатолий Степанович и, указав / указывая на скалообразное обнажение, обратился к парню, сидящему в другой лодке: <...>'; кп. *Менам эм корабль, – мӱдз поклон сетӱмӱн висъталис Ӗмека* (Оласӱ 1990: 155) 'Есть у меня корабль, – отвесив (/ отведишав) земной поклон, сказал Ӗмека'; *Сӱя пӱ кылӱс, тыдалӱ, уськӱтчис ваас. Чеччӱвтӱмӱн пӱ, сӱкыда уськӱтчис – нельки ваыс берегас петис* (Оласӱ 1990: 310) 'Он, говорят, услышал, кинулся в воду. Прыгнув (/прыгая), тяжело бросился – даже вода выплеснулась на берег'.

2. Деепричастие с формой на -ӱмӱн может выражать действие, которое представляет собой способ осуществления основного действия, в таком случае действия глагола и деепричастия неравнозначны, не могут быть представлены как однородные, так как второстепенное действие вместе с главным составляет одно сложное целое, конкретизируя названное в главном: кз. нв. *Пожӱг юӱ карӱма пода сойт пу пӱрдӱмӱн турун карыссяс-лы вуджӱм вылӱ* (ОКЗР 1971: 29) 'На реке Пожег сделан пешеходный мосток из поваленного дерева (букв. повалив дерево) для перехода покосников'; *Командуйтныс велӱдчисны фронтӱвӱй тылын, боевӱй устав кыин кутӱмӱн да велӱдыссяс индалӱмӱн* (Пыстин 1987а: 16) 'Командовать учились в тылу фронта, держа в руках боевой устав, обучаясь преподавате-

лями'; кп. *Керка трубаэзись тишыныс невылына кайлас небоас и лэдзчисьё бёр, паськалёмён ольсассьё му вылёт* (Шадрин 1997: 77) 'Дым из печных труб невысоко поднимается к небу и опускается обратно, распространяясь по сторонам, стелется по земле'; <...> *Виктор сапырнитис кепись-шапкасё да корзьём вешьяннас оча кок шаркётёмён петис коридорё* (Климов 1997: 168) 'Виктор схватил шапку и рукавицы и вышел в коридор, шурша заскорузлыми штанами нога о ногу'; *Усис, кык кусиень костисьёмён, офицерыс, а сы вылёт пёрис менам фронтовой ёртё* (Климов 1997: 211) 'Офицер упал, согнувшись в две погибели, а на него рухнул мой фронтовой товарищ'.

3. К плану одновременности относятся также временные отношения в предложениях с ДО, в которых ощущается принадлежность основного или второстепенного действия к оценочному плану [см. ТФГ 1987: 265], напр., оценка содержится в главной части предложения, а оцениваемое действие – в деепричастной конструкции: *Колоннатё котыртёмён ми тэкёд ёти ыджыд удж вёчим. И эг омлёёс* (Изьюров 1984: 62) 'Организовав колонну, мы с тобой большой труд проделали. И даже неплохой'.

4. Деепричастие и ДО с формой на -ёмён в коми языке может обозначать состояние, признак лица или предмета, сопутствующие действию, названному глаголом-сказуемым (в функции обстоятельства образа действия). В таком случае основное и дополнительное действия неравнозначны, замена деепричастия придаточным предложением затруднена, однако при условии выражения сказуемого формой глагола в настоящем времени, деепричастие может быть трансформировано в однородное сказуемое, выраженное глаголом прошедшего времени на -ём(а) (модальный перфект). В произведениях фольклора встречаются случаи употребления однородной конструкции с финитным глаголом на -ём вместо деепричастной конструкции: *Вокъяс сёмын вомсё паськёдёмны да кылзёны* [ВКМ 1950: 24] 'Братья только рты разинули и слушают' (= рты разинув слушают), ср.: *вомсё паськёдёмён кылзёны* 'разинув рты слушают'.

По значению конструкции можно сопоставить с аналогичными в русском языке, когда «деепричастие обозначает не само предшествующее действие, а его результат в настоящем, который представляется нам уже не как действие, а как состояние, сопровождающее главное действие в качестве его признака» [Васева-Кадынкова 1961: 20]. Дополнительное действие закончено и сохраняет свой результат (перфектное значение) на всем протяжении основного действия: кз. *Прошка, потиёс вылёт лэдзчисьёмён... виччысис* (Рочев 1984: 205) 'Прошка, прислонясь к забору... ждал'; *Сыкёд орччён, водзас шнурёвой книга паськёдёмён, пукалис Геня Дуркин* <...> (Рочев 1984: 420) 'Рядом с ним, раскрыв перед собой прошнурованную книгу, сидел Геня Дуркин'; кп. *Вөрмёсыс* <...> *чуть не быдсён ваас*

вөймөн *пондiс уйны* (Баталов 1997: 131) 'Лось, чуть ли не полностью погружившись в воду, начал плыть'; *Пызан дорö гырðззæзöн нырыштсьмөн* *Дима думайтiс ты йылiс* (Баталов 1997: 134) 'Опершись о стол локтями, Дима думал об этом'; *Таня пукалiс скамейка вылын, киззнас пидзöссэсö кутмөн* (Баталов 1997: 134) 'Таня сидела на скамейке, обхватив руками колени'; *Дима юр увтас кизсö тэчмөн дыр куйлiс спина вылас и видзöтiс вывланьö* (Баталов 1997: 137) 'Дима, сложив руки за голову, долго лежал на спине и смотрел вверх'; *Пуэз, уввезнаныс каттисьмөн, вевсьöн-вевсьöн куйлiсö öтамöд выланыс* (Баталов 1997: 142) 'Деревья, запутавшись корнями, лежали друг на друге'; *И лэбтiсяс небоö орёл, кымөррез сайö саясяс да сэтчинсянь, борддэсö жмитмөн, ош вылö кызд татикисяс, – ошлөн сымда и овсяс* (Оласö 1990: 97) 'И взлетит в небо орел, скроется за тучами и оттуда, поджав крылья, как налетит на медведя'; *Кык друг, öтамöд бердö жмитчмөн, лэдзчисö йир дорö* <...> (Минин 1997: 96) 'Два друга, прижавшись друг к другу, спустились к омуту'.

Среди ДО с перфектным значением следует выделить конструкции, построенные по модели «Naccus. + Ger». Конструкции тесно связаны по содержанию со сказуемым и обычно употребляются при определенной лексической группе глаголов-сказуемых, главным образом при словах со значением движения и состояния (*ходить, сидеть, лежать, стоять* и др.), реже – говорения и чувства (*говорить, думать, смотреть* и т.д.) (как и в русском языке [см. Васева-Кадынкова 1961: 21; Дерibas 1962: 20]). Винительный падеж при этих дееспричастиях обозначает объект (обычно это соматизмы), который относится к подлежащему как часть к целому: *опустив голову, руки, глаза; поджав, вытянув ноги; подняв плечи, руки, брови* и т.д.: кз. *Мунöны юр öшдöдмөн кум морт, кияс и кокъяс дорöма* <...> (Доронин 1987: 125) 'Идут, опустив голову, три человека, руки и ноги закованы'; [*Пируйтисьяс*] *куснясьмөн сералöны, видзöдöны да. А зятъяс юр öшдöдмөн сулалöны, яндзим* (ВСМ 1986: 102) '[Пирующие за столом] корчась, смеются, когда смотрят. А зятья, опустив голову, стоят, стыдно им'; *И ме чöла пукалi юрöс улöдз копыртмөн* (Торопов 2003: 60) 'И я тихо сидел, низко опустив голову'; *Увлань юрöн уськöдчи лым пиö, синъясöс куньмөн* (Пыстин 1987а: 13) 'Вниз головой нырнул в сугроб, закрыв глаза'. *Найö варовитiсны, а Квитко куйлiс синсö куньмөн* (Юхнин 1949: 105) 'Они беседовали, а Квитко лежал, закрыв глаза'; *Перйы нö пиö, перйы, – век синъясöс куньмөн* *Пашко пöль виччысис печиктöм* (Юхнин 1981: 240) 'Вытаскивай, сынок, вытаскивай, всё еще закрыв глаза, дед Пашко ждал щелчка'; *Ме, синъясöс улö лэдзёмөн, пукала кер вылын* <...> (Торопов 2003: 75) 'Я, низко опустив глаза, сижу на бревне <...>; *пукавны синъяс увлань лэдзёмөн* – сидеть, опустив глаза (КРС 2000: 373); вв. *Войтöлтэм водзад скöтiд голясэ кусыньтэмэн куйлэ* (ОКЗР 1971: 109) 'Скотина лежит,

выгнув шею – к северному ветру’; *Өньö кисö лэптöмөн ывла ывлö петіс* (Сажин 1987: 98) ’Эне с поднятыми руками (букв. подняв руки) вышел на улицу’; кп. *Дыр сія сулаліс юрсö дшöтöмөн, нельки кокнас эз легöт* (Минин 1997: 120) ’Долго он стоял, свесив голову, даже ногами не шевелил’.

В русском языке аналогичные конструкции «могут быть параллельны конструкциям из соответствующего страдательного причастия прошедшего времени и существительного в творительном падеже с предлогом с: “...сидела у рояля, *опустив руки*” / “Они стояли друг против друга: Лена с *опущенными руками*, слегка склонив голову набок”» [Дерибас 1962: 20]. В коми языке конструкции данной модели и значения синонимичны обстоятельствам образа действия, выраженным сочетанием «прилагательное, образованное от глагола с помощью суффикса -са + существительное со значением неотъемлемого атрибута в форме инструментalia» в прилагательной позиции, т.е. с таким содержательно недостаточным существительным, которое для построения семантически законченного высказывания требует обязательной конкретизации, к ним относятся и лексемы, обозначающие части тела (соматизмы): *чужöм* ’лицо’, *син* ’глаза’, *юрси* ’волосы’, *сьöлöм* ’сердце’, *ки* ’руки’, *кок* ’ноги’, *чунь* ’палец’, *ныр* ’нос’ и т.п.: *син куньöмөн* ’закрыв глаза’ = *куньса синмөн* ’с закрытыми глазами’, *вом восьтöмөн* ’открыв рот’ = *восьса вомөн* ’с открытым ртом’, напр., кз. *Дуня дыр куйліс восьса синмөн, видзöдіс сарайевтса паськыд тьöсьяс ывлö* [Рочев 1984: 101] ’Дуня долго лежала с открытыми глазами, смотрела на широкие доски крыши сарая’; *Надо ветошку льняную... Сейчас припомню... – пöльö куньса синмөн сулалö вель дыр, дзор тошсö малыштö, <...>* [Куратова 2009: 190] ’Надо ветошку льняную... Сейчас припомню... – дедушка очень долго стоит с закрытыми глазами, приглаживет седую бороду...’; *Но гудронсö сывдигөн лазгöдöм синмөн би дінас сулалігөн, аслыс паныдөн нин воис мөвпыс, мый лöсьыд сылы зятсьö тöдны, а мöдыслы öд колö, мед гур-гар ветліс техникаыс* [Юшков 1987: 19] ’Но когда стоял, потупив глаза, на плавке гудрона возле огня, самому вдруг пришла мысль: «Хорошо ему критиковать зятя, а тому ведь нужно, чтобы техника работала».

Конструкции синонимичны также обстоятельственным сочетаниям «причастие на -öм в пассивном значении + существительное со значением неотъемлемого атрибута в форме инструментalia» в прилагательной позиции: *Но гудронсö сывдигөн лазгöдöм синмөн би дінас сулалігөн, аслыс паныдөн нин воис мөвпыс <...>* [Юшков 1987: 19] ’Но когда стоял с потупленными глазами во время плавки гудрона возле огня, вдруг пришла в голову мысль’ (ср.: *синьяс лазгöдöмөн видзöдны бипур ывлö* ’потупив глаза, смотреть на костер’ [КРС 2000: 343]; *Кузьма эз вөрзьöдчы, пыр пукаліс куньöм синьясөн, муртса вөрöдіс лöзöдöм вомдорьяссö* [Федоров 1987: 210] ’Кузьма не двигался, всё сидел с закрытыми глазами, чуть-чуть

шевелил посиневшие губы'. Исследователи русского языка отмечают, что деепричастные конструкции подобного типа в русском языке находятся на пути превращения во фразеологические сочетания, но еще далеки от идиоматических наречных выражений типа *очертя голову, спустя рукава*, выпавших из структуры деепричастий и деепричастных оборотов [Валимова 1940: 88; Васева-Кадынкова 1961: 22].

К конструкциям рассматриваемой структуры в коми языке примыкают также некоторые фразеологические сочетания: кз. *лов шысö кутöмөн куйлис паччöрын, пельсö чошкöдöмөн* кывзис чöв-лöняс (А. Ульянов) 'лежал на печке, затаив дыхание, наострив уши, вслушивался в тишину'; <...> *Аркаша вöтлысис сы бöрся кывсö нюжöдöмөн* (Н. Куратова) 'Аркаша гонялся за ним, высунув язык' (ÖKK 2000: 386); кп. – *Колö öнджа керны, оз ков кизз öштöмөн, öнджа, пукавны, – горöтчис Торшенёв* (Лихачев 1997: 29) '– Нужно что-то делать, нельзя сидеть опустив руки, – воскликнул Торшенёв'. Сюда же можно отнести конструкции *вом паськöдöмөн* 'разинув рот' от *вом паськöдны* 'изумляться' (в одном из значений) (букв. открыть рот), *син паськöдöмөн, син чашкöдöмөн* 'широко открыв глаза' = 'удивленно', соотносимыми им лексемами являются *шензьöмөн, чуймöмөн* 'тж': *Ме сайкалышиті да, шемöс сулала, синъясöс чашкöдöмөн видзöда вöрзьевтöг пластнитчöм кышöда морт вылö* (Торопов 2003: 525) 'Я немного успокоился, и стою ошеломленный, распахнув глаза (с распахнутыми глазами), смотрю на неподвижно распластавшегося одетого человека'; *Мукöдсö, кодъяс паськöдöм вомöн дасьбсь жö эськö вöлі видзöдны бурдöдчöмыс вылö, Наста вöтлаліс* (Торопов 2003: 455) 'Остальных, которые тоже были готовы с разинутыми ртами смотреть на процедуру лечения, Настя повыгоняла'; *Ми вомнымöс паськöдöмөн сулалам да видзöдам, видзöдам...* (Торопов 2003: 157) 'Мы, разинув рот, стоим и смотрим, смотрим'; *Лёня вомсö паськöдöмөн видзöдіс ме вылö* (Торопов 2003: 161) 'Лёня удивленно (букв. разинув рот) смотрел на меня'. Устойчивые сочетания образно выражают эмоциональное, физическое состояние человека: *синъясöс чашкöдöмөн, вом паськöдöмөн* 'раскрыв глаза, разинув рот', т.е. удивленно. Имея структуру ДК, они сопоставимы с наречием и в предложении выполняют функцию обстоятельства образа действия.

Аналогичные конструкции имеются во многих языках, напр., в венгерском языке они отнесены к наречиям, «образованным от мнимых сложных деепричастий. Они представляют собой, вероятно, сложные слова, в которых первый компонент является неоформленным прямым дополнением ко второму компоненту. Прообразом таких наречий могли бы являться деепричастные конструкции, выражающие образ действия»: *lélekzetet visszafojtva* 'затаив дыхание', *szemlesütve* 'потупив глаза' и т.д. [Майтинская 1959: 217]. В русском языке также можно отметить цельные сочетания наречного ха-

рактера, составленные деепричастием вместе с пояснительными словами: *сломя голову, повеся нос, спустя рукава, разиня рот, не переводя духа, засучив рукава* и т.д. [Руднев 1968: 157].

5. Деепричастные конструкции на *-õмõн* могут выступать обозначениями действий, процессов, состояний, сопровождающих основное действие, без значения перфектности (результативности), в коми языке данное значение – самое распространенное: *<...> и нывлõн мукõдлõн моз жõ вõлi ыджыд надея мыйкõ выль вылõ, кодõс корсьны, думсьыс, и мунiс, бур йõз вылõ надейтчõмõн* (Изьюров 1984: 61) 'и в девушке, как и в других, жила надежда на что-то новое, в поиски за которым, наверно, и уехала, надеясь на добрых людей'; – *Но вот, – чужõм вылас долыдлун петкõдлыны зильмõн, <...>, Надя дiнõ шыасис Василий Васильевич* (Изьюров 1984: 121) – Ну вот, – стараясь выразить на лице радость, обратился к Наде Василий Васильевич'; *Шондi вывсыньыс подувъясõдз Нюмъялõмõн дзорвидзõ* (Савин 1962: 189) 'Солнце сверху вниз, улыбаясь, смотрит'.

Мало распространены в коми-зырянском литературном языке конструкции *Nnom. + CONV-õмõн*, сопоставимые с оборотами *nominativus absolutus* финского языка, где «субъектная часть в форме номинатива выступает при инструментальной форме II инфинитива. Такой оборот служит для выражения дополнительного действия, принадлежащего другому субъекту и сопутствующего действию основного субъекта. Чаще всего этим оборотом передается одновременное действие или состояние какой-либо части или принадлежности того целого, о действии или состоянии которого сообщается в основном предложении. Между субъектами этих двух действий или состояний наблюдаются отношения целого и его части или принадлежности (ср. человек – тело, руки, глаза, зубы и т.п., дерево – корни, крона, ветви и т.д.), напр.: *Hän seisoi siinä keppiinsä nojaten ja leuka hiljaa tutisten* 'Он стоял там, опираясь на палку, и его подбородок беззвучно дрожал' (Дубровина 1977: 54), ср.: коми *Сьõлõм тiпкõмõн Сандра сулалiс, видзõдiс да виччысис* (Г. Федоров) (КЯЭ 1996: 387) 'С бьющимся сердцем (букв. сердце стуча) Сандра стояла и ждала ...'; *Сьõлõм тiпкõмõн виччысям, кутишõм футболитьяс вылõ медводз мыджсяс Дик Адвокат* (Коми му 2010, 12.08.) 'Со стучащим сердцем (букв. сердце стучась), ждем, на кого из футболистов в первую очередь поставит Дик Адвокат'; *Сьõлõм тiпкõмõн видзõдлiм и Евгений Шерстобитовльыс «Сказка о Мальчише-Кибальчише» картинасõ* (Коми му 2011, 26.03) 'С бьющимся сердцем посмотрели также картину Евгения Шерстобитова «Сказка о Мальчише-Кибальчише»'. Деепричастные конструкции аналогичного значения и структуры имеются у антонимичных (каритивных) деепричастий на *-тõг*: *Начальникльыс висьталõмсõ Мишарин кывзiс чужõм вывсьыс ни õти мускул вõрзьытõг* (Пыстин 2007: 104) 'Рассказ начальника Мишарин слушал без единого дрожания мускула

(*букв. слушал и ни один мускул не дрожал*)'. Подобные конструкции встречаются в удмуртском языке – абсолютные обороты с деепричастием на *-са*, которые «обозначают способ протекания основного действия»: *Сюлмыз бырк-бырк карыса, редакторлы лыддзыны кутскыз* 'С волнением в сердце он начал читать редактору' (Шутов 1979б: 8), в венгерском: *szívszakadva* 'с замирающим сердцем' (Майтинская 1959: 217). Такие конструкции обычно выражают проявление сопутствующего эмоционального состояния человека. Некоторые конструкции калькированы из русского языка (*ни öти мускул вörзыйтöг* *букв. ни один мускул не дрожа, т.е. без единого дрожания мускулов*). Я.И. Рецкер соотносимые по значению абсолютные обороты английского языка относит к логически односубъектным абсолютным конструкциям на том основании, что субъект их не является логически независимым, а составляет лишь часть субъекта предложения: "*It's nasty story,*" *said Granger, his face grim* '«Это скверная история», – сказал Грейнджер, помрачнев (лицо его было мрачным)' [Рецкер 1981: 71–72].

Следует отметить, что употреблению подобных абсолютных ДК в современном коми языке предпочтительнее использование причастноименной конструкции в прилагольной позиции «активное причастие на *-ысь, -ан* + имя сущ. в форме инструменталю» с тем же значением (сопутствующее состояние), отличие их состоит в том, что в данных конструкциях действуют причастия в активном (а не в пассивном) значении, напр., *<...> сулалыштис сэні ланъялан синмөн да вörзис чугралань* (Юшков 2001: 291) 'с...>постоял там с моргающими глазами (*букв. моргая глазами*) и направился к скалистой горе'; *Табельöс кыян кутіг, тінкысь сьöлöмөн воськовті ме начальник кабинетö* (Торопов 2003: 48) 'Держа табель в руках, с бьющимся сердцем шагнул я в кабинет начальника'; *Тінкысь сьöлöмөн ме кватиті кузь зіб да котöрті пур помö* (Торопов 2003: 22) 'С бьющимся сердцем я схватил длинный шест и побежал в конечную часть плота'; *Повзём чужöмъясöн, тиралан сьöлöмөн вирскöб чеччисны ратникъяс* (Чисталев 1987: 54) 'С испуганными лицами, дрожащими сердцами вскочили резко ратники'.

6. В отличие от придаточных предложений сложноподчиненного предложения, деепричастные обороты отношения выражают нечетко, встречается сочетание значений времени и образа действия, условия и образа действия и т.д.: *Öні, передöвöй техника киö босьтöмөн, передöвöй агротехнической наука вылö мыджсьöмөн, асланым водзмöстчöмөн ми вермам шедöдны вöвлытöм урожайяс* (Югид туй 1960, 12.01) 'Сейчас, пользуясь передовой техникой, опираясь на передовую агротехническую науку, проявляя инициативу, мы сможем достичь небывалых урожаев'; *Порсьяс тишöгöдöм йылысь сёрнитöны уна. И колö сёрнитны: порсьтö видзöмөн медся öдйö содöны яй запасьясыд* (Югид туй 1960, 9.01.) 'Об откорме свиней говорят много. Говорить надо: откормом скота (*букв. от-*

кармливая скот) быстрее всего увеличиваются запасы мяса' (= если откармливать скот, то...); *Поселок кажитчис бурети татийм войся море вылын дзольник корабльон, код вывти позис прөйдитны сөмын мыйкө топыда кутчысьмөн* (Юхнин 1949: 161) 'Посёлок казался крошечным корабликом как раз в таком северном море, по которому можно пройти, только крепко держась за что-нибудь / если только за что-то держишься'.

7. Иногда деепричастие на -*мөн* (или ДО) может называть дополнительное действие, являющееся следствием основного действия: <...> *шуйгавылын тыдалысь вөрсянь мутишкөмптигмоз кыліс лыйм шы, а сэсся туй вомёныс уліникті эралісны снарядьяс да керка саяс ретшимуны, мусö и лымсö вылö качöддөмөн* (Пыстин 1987а: 16) '<...> от виднеющегося слева леса раздался звук выстрела, сопровождаемый треском, а потом внизу вдоль дороги ревели снаряды и за домами с треском взрывались, высоко подымая землю и снег'.

8. ДО с деепричастием на -*мөн* в предложении могут выражать условное значение, которое развивается, если: а) глагол основного действия имеет общевременное значение; б) при отрицательной форме глагола-сказуемого: *Өтчыд сөтмөн кыз пу оз нөр* (Ванеев 1969б: 59) 'С одного удара (букв. ударив один раз), толстое дерево не упадет'; вв. *Омелик мужик саяд му-нэмен сөмин дуб шыд да көмтэм кок нажевитан* (ОКЗР 1971: 67) 'Выйдя замуж за плохонького мужика, только несолёный суп да босые ноги наживешь (получишь)'. В качестве условного обстоятельственного компонента ДО семантически (информационно) облигаторна в структуре предложения: *Поэзия – сьёкыд жанр. Сьёкыд өтчыд лыддөмөн гөгөрвоны быд кывбур* (Яковлев 2008) 'Поэзия – трудный жанр. Трудно, прочитав один раз, понять любое стихотворение'.

9. В предложении у деепричастной конструкции на -*мөн* возможно проявление обстоятельственного значения причины (иногда с оттенком условности): – *Частö видласьмөн му изгармө* (Доронин 1987: 124) 'От частых проверок (букв. часто проверяя) земля истощается'; *Көнкө, йдз вылад надейтчөмөн и босьтис: отсаласны, мыйкө кө лөб...* (Торопов 2003: 31) 'Наверно, надеясь на людей и взял [много плотов сплавать]: помогут, если что-то случится...'; скр. *А горт олысь сэки Саш тьөт. Мёснад ноксьмөн сийö менö садьмөднытö и вундөма* (ЗТ 1996: 106) 'А дома хозяйствует тетка Саш. Возясь с коровой, она меня и забыла разбудить'.

10. Значение цели проявляется редко: *Нефть отбросьяс используйтөм йылысь партиялысь шуймсö олөмө нуөддөмөн, нефтеперегонной заво-дын стрөйтөма медводдаз установка, коді кутас вöчны гудронысь кокс* (Вөрлэдзысь 1932, 1.01.) 'Проводя в жизнь указание партии об использовании нефтяных отходов, на нефтеперегонном заводе построена первая установка, которая будет производить из гудрона кокс'.

11. ДО может обозначать действие, совершаемое после завершения основного действия: *Иван Максимович Мишарин – парторганизацияся секретарь – тэрмасътөг пуксис пызан дорё, пидзёсьяс вылас газет чукёрсё пуктёмён* (Пыстин 2007: 104) 'Иван Максимович Мишарин – секретарь парторганизации – неторопливо сел за стол, положив на колени стопку газет' (сначала сел, потом положил); – *Эм! – нурбыльтис Карпенко, места вывсыньыс котёртны уськёдчёмён* (Пыстин 1987а: 75) '– Есть! – буркнул Карпенко, бросившись бежать со своего места' (буркнул и бросился бежать со своего места). Значение следования у конструкций с деепричастием на -*ёмён* в исследованиях ранее не отмечалось, так как оно не характерно для коми языка, в русском языке аналогичные по значению типы конструкций со значением последующего действия, связанного с основным действием временными либо следственными отношениями, передаются деепричастиями совершенного вида, напр.: *Мать уложила ребенка, накрыв его одеялом; Чиркнула спичка, на секунду осветив развешенные сети*» [СРЯ 2003: 570], поэтому появление конструкций с деепричастием на -*ёмён* со значением действия, последующего за главным действием, можно считать более поздним явлением, попыткой расширить значения, выражаемые деепричастием на -*ёмён*.

12. Чтобы обозначить действие, за которым сразу же следует основное действие, в коми языке используется сочетание деепричастия с послелогом *тиётти* 'вместе': уд. *Локтёмён тиётти* пуксис сёйны 'Сразу как пришел, сел есть' (УД 1990: 81); – *Ми абу самоедьяс, а ..., – пондылас кодкё артельсьыс веськёдны, но вомсё восьтёмён тиётти* тупкыны лоё (Чисталёв 1987: 55) 'Мы не самоеды, а..., – начнет поправлять кто-нибудь из артели, но, открыв рот, сразу приходится умолкнуть'. В сочетании с деепричастием на -*ёмён* послелог *тиётти* 'вместе (с)' указывает предшествование, уточняя отношения между двумя действиями: за одним сразу следует другое, и быстро сменяющиеся действия воспринимаются как одновременные, когда при одном действии, еще не успевшем закончиться, начинается другое. Конструкции могут быть субъектные и бессубъектные: *Мам Сеньлён комиссия пырёмён тиётти* мёдис лөвтны <...> (Доронин 1987: 136) 'Мать Сени, как только комиссия вошла, сразу начала жаловаться'; *Вёлі прощальной рыт казармаын. Аски югдёмён тиётти* вөрзёдчыны походё (Чисталёв 1987: 59) 'В казарме был прощальный вечер. Завтра с рассветом (сразу как рассветет) двинутся в поход'.

Аналогичное значение передается синонимичным сочетанием имени действия на -*ём* в форме комитатива с послелогом *тиётти*: *Сійё ёдзёс вощёмкёд тиётти* уськёдчис Григорий Прокопьевич дінё да ёшийс сылы сьыллас: – Дедуш, воин нин? (Рочев 1954: 34) 'Он, как только дверь открылась (букв. с открытием двери), кинулся к Григорию Прокопьевичу и по-

вис на его шее: – Дедушка, пришел уже?’. Быстрая смена действий в коми языке может передаваться другими деепричастными формами, напр., используется форма *-ижкості* в сочетании с частицей *и*: *Ольӧксанлы ёна и кажитчис. Пуксижкостіыс и мӧдісны юктавы* (Сажин 1987: 87) ‘Олексану очень понравилось. Как только сел (пока садился, не успел сесть), сразу и начали поить’; *Краснӧйяс пырисны да пырижкостіыс и юасьны пондісны* (Сажин 1987: 107) ‘Красные вошли в дом и, зайдя, сразу начали расспрашивать’. Встречается конструкция деепричастия с наречием, заимствованным из русского языка *сразу*: *Сэсся мян видзӧдӧны: кодӧс сразу кыйӧмӧн вайӧмаӧсь, а кодӧс дом йылын видзӧмаӧсь* (Коми йӧзкостса 2006: 49) ‘Потом наши смотрят: кого поймав, сразу привезли, а кого и на привязи поддерживали’. Значение быстрой смены действий может передаваться и в условиях сложноподчиненного предложения с придаточными времени со словом *пыр* ‘сразу’: *Мыйӧн матыстчим, пыр и тӧдіс* ‘Как только подошли, сразу и узнал [он]’. «Союзы *мыйӧн сӧмын, кызд сӧмын* ‘как только, лишь только’, *муртса, сӧмын* ‘едва, только, как только’, *сӧмын на, муртса на* ‘едва, только, как только’ обозначают то, что действие, о котором говорится в главной части, совершилось или начало совершаться особенно быстро, сразу после действия, названного в придаточной части, т.е. промежуток времени между двумя действиями минимальный» [Кренделева 2010а: 12].

Глава V

ФУНКЦИИ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

Для деепричастий коми языка характерен достаточно разнообразный синтаксический репертуар, однако функциональная нагрузка деепричастий различных лексико-грамматических разрядов неодинакова, она различается. Так, если обстоятельственную функцию могут выполнять все деепричастия, то в функции сказуемого (в сочетании с другими компонентами предиката) зафиксировано ограниченное количество форм: каритивы на *-тӧг*, терминативные деепричастия на *-тӧдз* и герундиум (*-мӧн*). Синтаксический анализ деепричастия дает возможность выделить следующие его функции в коми языке в составе ряда конструкций: 1) обстоятельство (в том числе деепричастия, образующие абсолютный оборот), которая связана у деепричастий с полупредикативностью, определяемой как выражаемое обособленными членами предложения дополнительное сообщение (вторичная, зависимая предикативность), сопутствующее основному сообщению, содержащемуся в распространяемой части предложения; 2) второстепенное сказуемое; 3) функция интенсификатора у деепричастий на *-ӧмӧн* в составе осложненного сказуемого; 4) сказуемое (предикат); 5) вторичный предикат объекта в обороте «*accusatives cum prädicativo*»; 6) определение в некоторых конструкциях; 7) депиктив; 8) конструкция, функционирующая в предложении в качестве средства формирования субъективно-модального значения – вводное сочетание. На основании перехода деепричастий в другие части речи следует ограничивать конструкции, где рассматриваемая глагольная форма выступает в качестве послелога или союза.

5.1. Деепричастия и деепричастные конструкции в функции обстоятельства

Уже в грамматиках XIX в. обозначена основная функция деепричастия в предложении – обстоятельственная, у П.И. Савvaitова – «определение при сказуемом» [Савvaitов 1850: 94–97], Ф.И. Видеман определяет конструкции с соответствующими деепричастными формами как сокращенную форму обстоятельственных предложений, которые более предпочтительны, нежели сложноподчиненные предложения. В дальнейшем функция второстепенного члена предложения – обстоятельства – у деепричастий коми языка в грамматиках, учебниках, пособиях рассматривается как ведущая. Обычно у деепричастий приводились лишь основные обстоятельственные значения: времени (дпр. кз. на *-иг*, *-игӧн*, *-тӧдз*, *-игтырийи*, *-игчӧж*, *-игмоз*, *-игкежлӧ*, *-тӧдз*; дпр. кп. на *-ик*, *-икӧ*, *-ик коста*, *-ик кежӧ*, *-тӧн*, *-тӧдз*), об-

раза, способа действия (дпр. кз. на -*õмõн*, -*игмоз*, -*тõг*, -*игтыр*, -*игтырийи*; кп. -*õмõн*, не -*õмõн*, -*õмõнмоз*), меры и степени (дпр. кз. на -*тõдз*, -*мõн*, иногда -*ана* (-*яна*); кп. -*тõдз*; меры времени: дпр. кз. -*игчõж*, -*игкостй*), условия у деепричастий на -*тõг*. Другие обстоятельственные значения, передаваемые деепричастиями и деепричастными оборотами, – причины, уступки, цели, условия, – упоминаются реже в отдельных работах, напр., у В.С. Сухановой (Суханова 1951), Г. Штипы (Stipa 1960), Н.Д. Мановой (Манова 1984: 120–129), В.М. Лудыковой (1991: 32–33), А.Н. Кармановой (Карманова 1998), Е.А. Цыпанова (ОКК 2000в), учебниках (напр., Караваева 1947: 114–115) и представляются как добавочные оттенки, осложняющие, наслаивающиеся на основное обстоятельственное значение, передаваемое деепричастием. По мнению Н.Д. Мановой, появление вторичных значений, особенно причинного и уступительного, у деепричастий связано с развитием литературного языка и показательно, как правило, для языка художественной литературы [Манова 1984: 124].

Основное обстоятельственное значение, передаваемое ДК в предложении, – значение времени. Формы на кз. -*иг*, -*игõ*, -*игõн*, -*игРх*, -*игчõж*, -*игкостй*, кп. -*икõ*, -*икРх*, -*тõн*, -*тõнРх*, -*ик коста*, -*икмоз*, -*ик дырни* выражают значение «когда...», «в то время как...», «пока...»; кз. -*игкежлõ*, кп. -*ик кежõ*, кз., кп. -*тõдз* – значение «до того как...», «пока не...», «до тех пор, пока...»; кз., кп. -*õмõн*, кз. -*мысьт* – значение «после того как...», «как только...»: кп. *Перемõ мунтõннис Пера панталас мужиккезõс* (Оласõ 1990: 267) 'Идя в Пермь, Пера встретил мужиков'; *Дёма казялис и сийõ, что посада велõtчытõн сы синнэс одзын крестьяналõн оланис тõдчõмõн мõдкодъсялис* (Шадрин 1997: 66) 'Дёма заметил даже то, что во время его обучения в волости на его глазах жизнь крестьян заметно изменилась'; *Õмель босьтис киас лõмпу клячõ и мунõ. А нюрись петикõ керкуокись морт сийõ бõра нин панталõ* (Оласõ 1990: 148) 'Омель взял в руку черемуховый колышек и идет. А выбираясь из болота (= когда выбирался из болота), человек из домишка его снова встречает'; Гришунь воныс <...> *сы локтик кежõ* гортын эшõ эз вõв <...> (Фадеев 1997: 224) 'Брата Гришуни, к его приходу, дома еще не было'; <...> *но и õнй эшõ киноис пондõtчытõдз* кадыс кольччис уна <...> (Фадеев 1997: 244) 'Но и теперь еще до начала фильма (пока фильм не начался) времени оставалось много'; кз. *Бõр локтигас* [Седун] *паныдасис вокъяскõд* (ВСМ 1986: 96) 'Возвращаясь обратно, (Седун) встретился с братьями'; *Посводзõ пырмисъти мужик босьтас чер* (ST. B.IV. 1995: 56) 'Зайдя в сени, мужик взял топор'; *Миянлы колõ вõли удитны воны местайõдыс юяс кынмытõдз, йи сувтõдз* (Дёмин 1987: 47) 'Нам необходимо было добраться до места, пока не замерзли реки, не стал лёд (букв. до замерзания реки, до становления льда)'; *Гõтырнас дасьтõм вõлõга нопъяс тзчигõн* думсьыс век виччысис Антонлысь звõнитõм (Ба-

бин 2014: 33–41) 'Складывая в рюкзак приготовленные женой продукты, мысленно все время ждал звонка от Антона'.

Во всех пермских языках деепричастия на *-тӧдз* (удм. *-тозь*) являются одним из древних средств выражения меры и степени проявления основного действия [Шутов 2002: 11, 17–18]. В коми-зырянском континууме и удмуртском языке для передачи значения меры и степени функционируют также деепричастия (герундиумы) на *-мӧн* (удм. *-мон*), в удмуртском они употребляются чаще, чем в коми-зырянском [Шутов 2002: 18]: кз. *А мыйӧн пӧ вован судзмӧн выя, шу пӧ, сабля пӧ, секи-руби пополам* (ВСМ 1986: 134) 'А как будешь такой, что можешь достать, мол, скажи: «Сабля, секи-рубви пополам»'; *Детинка повзис да котӧртышитис ен ув пельӧслань, а Матрен пӧч вак-вакӧн сералис синва петтӧдз* (Юхнин 1981: 240) 'Мальчик испугался и отбежал в сторону божницы, а бабка Матрен смеялась до слез'; кп. *Мунисӧ кок вылись усьтӧдз, мыдзисӧ сэтчӧдз, что эз пондӧ вермыны баитны* (Федосеев 1997: 269) 'Шли, пока не начали валиться с ног, устали так, что не могли говорить'. В пермских языках распространены конструкции с терминативным деепричастием – устойчивые сочетания, соотносимые с наречием степени *зэв* 'очень', *ёна* 'сильно' и выражающие интенсивность, степень проявления основного действия либо признака, напр.: кз. *Синсьӧд би петтӧдз* (уджавны) – до седьмого пота (до изнеможения) работать (*букв.* пока огонь из глаз не пойдет) (Плесовский 1986: 139); *му локавтӧдз* овны – прожить до глубокой старости (Плесовский 1986: 98) (*букв.* пока землю бодать не начнешь); *гаж быртӧдз* – с нетерпением (Плесовский 1986: 37); *То скӧрмывлас кырйысь петтӧдз, то нинӧм абусьыс нормывлас синваӧдз* (Юхнин 1981: 251) 'То сильно (*букв.* до выхода из берегов) рассердится, то из-за пустяка слезу пустит'; кп. *юр усьтӧдз* 'до устали (*букв.* до падения головы)', *юр кушмытӧдз* 'до седых волос (*букв.* до облысения головы)', *уджавны кок вылись усьтӧдз* 'валиться с ног (*букв.* работать до падения с ног)' (Гагарина 1999: 166–175).

Вместе с развитием второго значения – степени действия – у терминативных деепричастий проявилось следственно-результативное значение, два значения носят синкретичный характер, на что указывает Е.А. Цыпанов [Цыпанов 2000в: 398–399]: «основное действие представлено как причина действия деепричастия, у которого оно начинается после основного действия и достигает определенного результата». Между двумя действиями в предложении – глагола и деепричастия прослеживаются каузативно-следственные (результативные) отношения. Подобное отношение заметно и у герундиума на *-мӧн* в значении степени, напр., кп. *<...> сьӧлис – гӧлӧс быртӧдз <...>* (Климов 1997: 199) 'пел – до потери голоса'; *Васькалы пагавтӧдзис кулакнас тувкис еджыд салдат* (Сажин И.) 'Ваську до (оглушения *букв.*) ударил кулаком белый (солдат)'; *Кулакъяс доймӧмӧн*

шамыртчöмaдсь 'Кулаки до боли сжались'; А Славчик Миш веськыд кисö пывсян öдзöс костö топöдлöма – **кык чунь чегмён** (Игнатов 2016) 'А Славчик Миш правую руку когда-то дверью бани прищемил – до перелома двух пальцев'.

Значение образа или способа действия могут выражать коми-зырянские деепричастия с формами -öмён, -öмёнмоз, -изтыр, -изтырйи, -иг, -тöг, -ига, -игмоз, -игсор, -игсорён, -ана, -анмоз в коми языке; коми-пермяцкие на -öмён, -тöг, не CONV-öмён, -тён, -öмёнмоз. К обстоятельству образа действия относятся также деепричастия и ДО со сравнительным послелогом моз. Деепричастие, выражающее данные значения, односубъектно (имеет с глаголом или другой опорной формой общий субъект): *Котишъялыштас гыжъяснас, кытышыла бöжснас легöдыштас да ружöктанмоз öдзöсдорса вольöс вылö и нюжöдчас* (Иванова 1999: 8–59) 'Постучит когтями, повилает хвостом и, кряхтя, растянется на придверном половике'; *Сэсся, ме чайта, гырысьджык гижысьяс тиöтши отсаласны, асланыс гонорарысь этшаник торйöдöмён, ме тиöтши сетышта и* (Савин 1962: 594) 'И потом, я надеюсь, более известные писатели тоже окажут помощь, выделив немного из своего гонорара, я тоже немного дам'; *Чернов киасис Хатанзейскийкöд, кодi ставлы копыртчылöмён прöщайтчис да нюмъялiзтыр тэрыба петiс кабинетсы* (Федоров 1952: 19) 'Чернов поздоровался с Хатанзейским, который попрощался, поклонившись окружающим, и, улыбаясь, быстро вышел из кабинета'; *А öд найö нöшта и челядьöс на быдтiсны, быдтiсны асьнысö жэлиттöг, асьнысö быдторйöн удзöдöмён...* (Торопов 2003: 96) 'А ведь они еще и детей вырастили, вырастили, не жалея себя, во всем себя обделяя...'; *На öнсянь воськов сё кымын сайын югыд шондiөн серöдöм ягöд, кузь ныр-вома юрсö тшапа лэптöмён да паськыд сюръяссö мыш вылас гатинёвтöмёнмоз, öдöба рöдтiс ыджыд йöра* (Торопов 1983: 3–28) 'Примерно за сто шагов от них по освещенному ярким солнцем лесу, гордо подняв длинномордую голову и закинув назад ветвистые рога, в их сторону быстро приближался лось'; кп. *Кöч кыям казьöн, асьныс мунöны казь дынö горöтвытён* (ST 1: 220) 'Зайца ловим сетью, сами идут к сети, крича (с криками)'; *Ме öтыс дын да мöдыс дын гöститтöнь и ова* 'Я то у одного (сына), то у другого сына в гостях (букв. гостя) живу' (Stipa 1960: 211–213); *Видчйтён, бобгёмён иньöбтчисö бунт кериссез асланыс деревнялань* (Лихачев 1997: 39) 'Ругаясь, ворча, направились подстрекатели бунта в сторону своей деревни'; *Сыбöрын сайласьöмён пыиши* (Оласö 1990: 150) 'Потом, прячась, убежала'; *Но кульыс пöртчис бабапель юрокö да кытчöк лэбзис ойзёмён* (Оласö 1990: 174) 'Но бес превратился в головку одуванчика и куда-то улетел, охая'; *Кинкö мунöма, коккесö лэбтавтöг, кыскöма нийö муыс вылёт* (Минин 1997: 94) 'Кто-то прошел, не поднимая ног, волочил их по земле'; <...> но эз жö бы мун Тиминасис, öлiс жö бы

эшö, сійöн и кей.мисьöмönмоз шуис: <...> (Федосеев 1991: 103) '...но ведь не ушел бы из Тимина, жил бы еще, поэтому, умоляя, сказал: <...>'; Сія <...> сэк коста жö перыта дзар керыштіс мыйкö вылö аслыс кок увтас, мöдöрö бергöтчöмön моз лэбтыштіс вывлань юрсö <...> (Фадеев 1997: 219) 'Он в этот момент быстро взглянул на что-то у себя под ногами, как бы повернувшись в другую сторону, поднял голову'.

Обстоятельное условное значение чаще всего отмечают у каритивных деепричастий на *-тöг*, «деепричастия на *-тöг* при отрицательном предикате указывают на условие, без которого не осуществляется основное действие» [ÖКК 2000: 388 – 391]: кз. *Көр вольсьыд чомйыд öдйö на көдзалас битö куттöгыд* (Юшков 2001: 214) 'Шалаш из оленьих шкур быстро выстынет, без поддержания огня (букв. не поддерживая огня)'. Значение подобных обстоятельственных оборотов может иметь недифференцированный характер, условно-временной. Возникновению условного значения у каритивных деепричастий способствует отрицательный характер предиката предложения, основное действие не осуществится / обычно не осуществляется без действия, выраженного деепричастием на *-тöг*. Деепричастные конструкции с формой на *-тöг* в таких предложениях эквивалентны придаточным предложениям со значением времени с союзом *кытчöдз*, пока при отрицательной форме глагола в главной части предложения, или условным придаточным с союзом *кö* при отрицательной форме глагола-сказуемого в главной части предложения, деепричастие на *-тöг* в случае преобладания значения времени может быть заменено деепричастием *-тöдз*: – *Сідзи и эн тöдмөд Патовыдкөд? – көритöмön моз шуи лесопунктса начальниклы. – Сійöс аддзöдлытöг лесопунктсьыд ме ог мун* (Изьюров 1984: 161) 'Так и не познакомил с Патовым? – как бы укоряя, сказал (я) начальнику лесопункта. – Не увидев его, из лесопункта я не уйду', ср.: *Кытчöдз сійöс ог аддзыв, лесопунктсьыд ме ог мун / Ог кө сійöс аддзыв, ...ог мун; уд. Чой ордö ветлытöгö ог и вод* (УД 1990: 83) 'Не сходяв к сестре, и не ложусь', ср.: *Кытчöдз чой ордö ог ветлы, ог и вод; печ. Лöмön бэрттöг оз вөрзётсьы* (ПД 1976: 147) 'Не тронется с места, пока /если ломом не сдвинешь'; *Зверлысь кок туй синмön аддзытöг мортыд вынтöм* (Юхнин 1981: 150) 'Не видя глазами следов зверя, человек бессилён'; *Митрей. Ме ог кырымась! Кушön овмöсысь пай сеттöг ог пет ни* (Савин 1962: 377) 'Митрей. Я не подпишусь! С пустыми руками из хозяйства не уйду, пока / если не выделят пай'; кп. *Но Дёма вежöртö и сійö, что уджасвтöг велöтчöмыс оз пет* (Шадрин 1997: 66) 'Но Дёма понимает и то, что без работы (букв. не работая/если не будешь работать) учебы не получится'.

В предложении коми языка деепричастия и ДО могут проявлять синтаксическую многозначность, совмещая разные типы обстоятельственных отношений: времени и условия, времени и уступки, цели и времени и т.д.,

поэтому условный характер обстоятельственных отношений может проявляться в предложении и у деепричастий с другими формами, напр., кп. -икö, -öмön, -тöн: *Боксянь видзöтiкö нем эз видз думайтны, что пукалö эстөн зонка сидз, нем керöмсянь <...>* (Фадеев 2006: 13) 'Глядя со стороны, ничего не мешало думать, что паренек сидит просто так, от нечего делать'; <...> *бордöс веськöтан, мöдпырся бурöн тэнö пантала. Мекöт тöдсасьöмön он вош* (Оласö 1990: 98) '<...> крыло (мне) вылечишь, в следующий раз хорошо тебя приму. Вода со мной знакомство (= если будешь водить со мной знакомство), не пропадёшь'; кз. -игöн, -öмön, напр., *Вöлыс эськö ёна нин мудзöма да плетьнад нöйтiгöн быть лöк котöртны* (Сажин 1987: 98) 'Лошадь хоть и сильно уже устала, но когда / если бьют плетью, приходится бежать'; *Поселок кажитчис бурети татиöм войся море вылын дзoляник корабльöн, код вывтi позис прöйдитны сöмын мыйöкö топыда кутчысьöмön* (Юхнин 1949: 161) 'Поселок казался крошечным корабликом как раз в таком северном море, по которому можно пройти, только крепко держась за что-нибудь / если только за что-то держишься'; вв. *Омелик мужик саяд мунзмен сöмин дуб шыд да кöмтэм кок нажевитан* (ОКЗР 1971: 67) 'Выйдя замуж за плохонького мужика, только несоленый суп да босые ноги наживешь (получишь)'.

В предложении возможно выражение уступительных обстоятельственных отношений, иногда в совмещении с другими, напр.: кз. *Ме чайта, бурсö босьтiгöн ми тиöтти и мыйкö воштiм ассыным...* *Тиöтти и лёкыс да ныйтыс сибдiс мян дiнö...* (Торопов 2003: 714) 'Я думаю, воспринимая хорошее, мы также и что-то потеряли свое... Тоже всякая скверна и грязь приставали к нам'; *Öнöдз ог вермы гöгöрвоны, мыйла ме эг тiмбыльтчы вöв вылысь войбыдсö узьтöг ветлiгöн* (Торопов 2003: 250) 'До сих пор не могу понять, почему я не свалился с лошади, всю ночь, не спя, разъезжая'; печ. *Йöйтö гöрны-кöдзны оз ков, йöйыд гöртöг-кöдзтöг артмö* (ПД 1976: 143) 'Дурака пахать-сеять не нужно, дурак без вспашки и посева (букв. не вспахав-сеяв) получается (хоть и не пашешь, не сеешь, а получается); лет. *Пöрысьыд пыр мудзöма уджалтöгыс* (ЛЛД 1985: 92) 'Старый человек всегда чувствует себя усталым, хоть и не работает (букв. не работая); *Фричелы нимкодö лои, морöс тырнас лолалö, вомкöтишьясыс увлань паськальшитiсны, синьясыс вина ютöг кутiсны дзирдавны* (Пыстин 1987а: 68) 'Фриче стало приятно, дышит полной грудью, губы приоткрылись, глаза без всякого вина (букв. не выпив вина/ хоть и не пил вина) засверкали'.

ДО в предложении может представлять обстоятельство причины, цели. Чаще это деепричастия с формами на -тöг в коми языке, -игöн, -öмön в коми-зырянском континууме, -тöн, -икö в коми-пермяцком. Синонимами могут выступать конструкции с именем действия на -öм в форме элатива (-öмысь), конструкции с именем действия на -öм с послелогом *понда*,

вѳсна 'из-за', придаточное предложение в сложноподчиненном предложении с придаточным причины с союзом *сы вѳсна мый* 'из-за того, что': кз. *Ќні визулыс, некодѳн торкавтѳг, бара кутас вѳчны ассьыс уджсѳ* (Торопов 2003: 36) 'Сейчас течение, никем не нарушаемое (букв. никем не нарушая), снова будет делать свою работу'; *Лунтыр сѳйтѳгид да пыр жѳдзигад Ќпрѳсьлѳн став сѳнъясыс нин личалисны* (Сажин 1987: 117) 'Букв. Не перекусив за целый день и бесконечно суетясь, у Опрось все жилы уже ослабили'; *Татиѳм местаыс ѳна корсьтѳг эз сюр* (Изьюров 1984: 53) 'Такого места, без особых поисков (букв. так как особо не искали), не нашлось'; *Сиджѳ казналы абу некутиѳм коланлун стрѳитны вѳр обрабатывайтан предприятияс, вѳрсѳ бурджык вузавны кернас, некутиѳм рѳскодьяс вѳтчѳг* (Юхнин 1981: 232) 'Значит казне нет необходимости строить деревообрабатывающие предприятия, лес лучше продавать бревнами, не делая никаких расходов (чтобы не делать никаких расходов)'; *Сійѳ [ош] неважѳн на петіс гуысь, кузь тѳвбыднад невисѳ нѳнялігѳн ѳна тишыгьяліс, скѳр...* (Торопов 2003: 9) 'Он [медведь] ещё недавно вылез из берлоги, долгую зиму посаывая лапу, сильно проголодался, злой...'; вв. *Менам вед йи гѳрбей ыджид, гѳрбей ыджид, Ыджид нопсѳ ноллѳдліген гѳрбей ыджид* (ОКЗР 1971: 64) 'У меня ведь горб большой, горб большой. Оттого, что таскаю большой рюкзак (букв. таская большой рюкзак), горб большой'; *Менам вѳд гѳрбѳй Гырысь ноп вѳдитігѳн ыджиді* (SV 1916: 211) 'У меня ведь горб при таскании большого рюкзака (букв. таская большой рюкзак) вырос'; *Менам вѳд нырѳй Войтѳв поткѳдігѳн Ыджиді* (SV 1916: 210) 'Мой нос ведь на трескучем морозе (букв. северный ветер треща) увеличился'; *Менам вѳд кокѳй кузь туй помалигѳн, паськыд туй векнѳдігѳн чукультсис* (SV 1916: 212) / *Менам вѳд кокѳй Кузь туй помалигѳн Паськыд туй векнѳдігѳн Табийовтсис да барйовтсис* (SV 1916: 213) 'Мои ноги, длинный путь совершая, искривились'; – *Частѳ видласьѳмѳн му изгармѳ* (Доронин 1987: 124) 'От частых проверок (букв. часто проверяя) земля истощается'; *Кѳнкѳ, йѳз вылад надейтчѳмѳн и босьтіс: отсаласны, мыйкѳ кѳ лѳѳ...* (Торопов 2003: 31) 'Наверно, надеясь на людей и взял [много плотов сплавлиять]: помогут, если что-то случится...'; скр. *А горт олысь сѳни Саш тѳѳт. Мѳснад ноксьѳмѳн сійѳ менѳ садьмѳднытѳ и вунѳдѳма* (ZT 1996: 106) 'А дома хозяйствует тетя Саш. Возясь с коровой, она меня забыла разбудить'. Кп. *Ме, сѳртни корсѳ тѳвбыт сѳйтѳн, аддзан мыйѳ нѳри* (Оласѳ 1990: 23) 'Посмотри во что я превратился, питаюсь всю зиму ботвой репы'; *А Оша-Мишаѳс, вунѳдмѳподсѳ тѳвбыд сѳйтѳн, витиш кыскѳм, <...>* (Оласѳ 1990: 23) 'А Оша-Мишу, питаюсь всю зиму соломой (букв.), голод одолел'; *Мыдзис баб юасьтѳннияс, а Лѳгостай сапырнитіс сылісь медкузь баличасѳ, швач вундыитіс да пиас дзебис* (Оласѳ 1990: 89) 'Устала бабка от расспросов (букв. расспрашивая), а Лѳгостай схватил самую длинную ее косу, от-

резал и за пазуху спрятал’; *Асывса картинаыс ыылд дивуйтчикд зонкалөн небзис сьолёмыс* (Фадеев 2006: 4) ’Любуясь на утренний пейзаж, у парня оттаяло сердце’; *Пемытінас тэрмасикд*, <...> *зонка өштис одзсис векник-тик туёксд* <...> (Фадеев 1997: 249) ’Торопясь в темноте, <...> мальчик потерял из виду узенькую тропинку <...>’; *И вот Пётр Лологов куимөт лун ни, партизаннызсд кошишикд, шатласис вөррезын* <...> (Нилогов 1997: 336) ’И вот Пётр Логинов уже третий день, разыскивая партизан, шатался в лесу <...>’; *Сійд и видзчись, көр-некөр сөйтөд кулас* (Оласө 1990: 97) ’Того и жди, когда-нибудь с голоду (букв. не евши) умрет’; <...>... *бытьтө өтік деревняын быддс өшмөссэс косьмөмась – отирыс кулёны ютөд* (Оласө 1990: 54) ’<...> будто в одной деревне все колодцы высохли – народ умирает от жажды (букв. не пивши)’.

Примеры деепричастий и деепричастных оборотов с обстоятельственными целевыми отношениями в предложении: кз. *Юрьд колд узигдн, а төлкыд уджалігдн* (Ванеев 1969б: 59) ’Голова нужна, когда спишь (/ чтобы спать), а рассудок в работе (букв. работая)’; *Додьас мян некымын пөлдс эмөсь. Төлын кер кыскалігдн кык пөлдс: ыджыд додө да дзоя додө* (Старцев 1929: 19) ’Саней у нас нескольких типов есть. Зимой бревна возить (букв. бревна таская) двух видов: большие сани и малые сани’; кп. *Сія дзир сымда и керис – виньдөм сорөн да горөн ньылыштис өмсис сөдзөм дуль, горөн горөтөмсис видзсьытөн зубыта курччөвтис тырпсө* (Фадеев 2006: 9) ’Он так и сделал – даваясь и с шумом проглотил скопившуюся слюну, избегая громкого стога (= стараясь громко не застонать), крепко прикусил губу’.

5.2. Обособленные деепричастия и деепричастные конструкции с пояснительно-уточняющей функцией

В предложении деепричастие или ДО может обособляться. Обязательно обособление для ДО, выполняющих функцию добавочного сообщения в уточняющих конструкциях, в качестве уточняющего обособленного члена – обстоятельства. В таких случаях говорят о сочетании отношений пояснительных и обстоятельственных, накладывающихся друг на друга [Чупашева 2010: 308]. Уточняемый член – обстоятельство – часто выражен наречием или местоименным наречием: кз. *И ме чайта, сы вөсна, мый тулыснас, дозмөр кыйигдн, буретиш татшөм кодьөн жө – омөльтчөмайн да тошсялөмайн – вөталі батьөс* (Торопов 2003: 54) ’И я считаю, из-за того, что весной, во время охоты на глухаря, таким же – исхудавшим и обросшим – увидел во сне отца’; *Мирон дыр видзөдіс шкоргысь Петра ыылд да кыліс, кызди морөс пытихкас чукөрмө буретиш сэтшөм жө буйнөй чувство, кутишөм коркө вөвліс нин өтчөд – Пөкрөв лунө Матвей Степан ордын пируитігдн* (Юхнин 1981: 305) ’Мирон долго смотрел на храпевшего Петра и чувствовал, как в груди закипает то же буйное чувство, которое уже

возникало однажды – когда пировал (букв. пируя) на Покров день у Матвей Степана'; *Коркё, война заводитчытёдз на, батьёкёд сэтчё ветлім, батьё пыж сизьдіс-вёчис сэнi* (Торопов 2003: 8) 'Когда-то, еще до начала войны, с отцом туда ходили, отец там лодку мастерил'; *Но збоялёмой менам недыр кезлё тырмис, сёмын немдытёдзыс* (Торопов 2003: 22) 'Но моей храбрости ненадолго хватило, только до наступления темноты'; *А ёні, пыді тылё мунігён, ёдвакё нин Фричелы удайтчас бырёдны сійёс, ёдвакё нин сылы паныдасьлас коркё* (Пыстин 1987а: 69) 'А сейчас, направляясь в глубокий тыл, едва ли удастся Фриче истребить его, вряд ли встретится с ним когда-нибудь'; кп. *Ёні, чунь бердас нійё шёртнас домавтён, Митя, кызкё казьявтёг инмис, тыдалё, и дойман местаё* (Фадеев 2006: 10) 'Сейчас, привязывая их к пальцам шерстяными нитками, Митя, видимо, как-то неожиданно попал по больному месту'; <...> *тёдвылас сылё усис, кыздз учётнас, эшё школаын велётчытён, физкультура урок коста, <...>, кинлёнкё лыжа нырыс инмис казьявтёг сылё тиётти эта синкымё* (Фадеев 2006: 15) '<...> ему вспомнилось, как в детстве, еще во время учебы в школе <...>, на уроке физкультуры острый конец чей-то лыжи попал ему в бровь'; *Ётпыр, заданнё вывсаян бертікё, Лологовёс ранитисё* (Нилогов 1997: 359) 'Однажды, возвращаясь с задания, Лологова ранили'. Уточняющее обстоятельство образа действия: кз. *Тадзи Ковалев и вайёдіс ассьыс йёзсё местаёдз, ёти мортёс воиштытёг* (Пыстин 1987а: 15) 'Таким образом Ковалев и довел своих людей до места, не потеряв ни одного человека'; *Мёдыс сідз жё, тушасё вёрзёёдтёг, быттьё дзир йылын, бергёдіс сыланё юрсё* (Пыстин 1987б: 163) 'Другой так же, не сдвинувшись телом, будто на шарнире, повернул к нему голову'; кп. *Вёлісё и мёдік зонкаэз, но сідз, боки мунтён* (Канюков 1997: 385) 'Приходили и другие мальчики, но так, мимоходом (букв. проходя мимо)'; *Сідз, аскёттяс баитікё да быд-кодъ думасё думайтікё, Илья локтіс яг дорёдз* (Минин 1997: 94) 'Так, разговаривая с собой и думая разные думы, Илья дошел до леса'.

5.3. О функции второстепенного сказуемого деепричастий

Традиция определять деепричастие как **второстепенное сказуемое** в коми (и других финно-угорских языках России) восходит к русистике, в которой были заложены теоретические основы выделения второстепенного сказуемого в предложении (А.А. Потебня, А.А. Шахматов и др.), когда у деепричастий «не отрицается двусторонняя синтаксическая связь, признается его глагольная природа, на основании чего оно наделяется потенциальными значениями времени и наклонения; его синтаксическую функцию соотносят с функцией спрягаемого глагола и определяют ее как второе, второстепенное, дополнительное сказуемое» [Чупашева 2010: 29]. Однако в той же русистике существует иной взгляд на определение роли второсте-

пенного сказуемого у деепричастий, выступающий против приписывания деепричастию данной функции (В.Г. Адмони, В.В. Виноградов, А.С. Попов, О.М. Чупашева), так как, по мысли А.С. Попова, «полупредикативные сопроводители лишены предикативной формы – в категориях модальности, времени и лица, носителем которой является только спрягаемая форма глагола», см. [Чупашева 2010: 30–32]. Подобное мнение подкрепляется также тем, что в предложении полупредикативное деепричастие может занимать позицию не только при предикативном центре, но и при компонентах предложения за его пределами, при которых тем не менее не утрачивается обстоятельственная функция.

В финно-угорских языках встречаются разные мнения относительно определения роли второстепенного сказуемого у деепричастий. Функция второстепенного сказуемого у деепричастий коми языка выделяется на основании того, что «деепричастный оборот при глаголе-сказуемом является “добавочным сообщением”» [СКЯ 1967: 103]. В.М. Лудыкова, вместе с функцией обстоятельства, у деепричастий определяет функцию второстепенного сказуемого: «<...> деепричастный оборот в роли обстоятельства указывает на добавочное действие, выполняет функцию второстепенного сказуемого. Он показывает действие, которое происходит одновременно с действием, обозначенным сказуемым, до основного действия, либо после него. Обособленный деепричастный оборот обозначает добавочное действие, и в то же время указывает на образ действия, условие основного действия. Он легко может быть преобразован в придаточную предикативную часть предложения» [перевод с коми наш] [Лудыкова 1993: 83; 1991: 43]. Несколько отличное мнение марийского исследователя Н.И. Исанбаева. Отмечая, что термин «второстепенное сказуемое» заимствован им из русского языкознания, он разграничивает функции деепричастий в предложении марийского языка, считая, что не всегда деепричастие может выполнять роль второстепенного сказуемого. Исходя из того, какой характер имеют логико-грамматические отношения между действиями глагола (сказуемого) и деепричастия, он определяет у деепричастия роль второстепенного сказуемого либо роль обстоятельственного члена предложения: «<...> если отношения имеют не подчинительный характер, т.е. одно действие (названное деепричастием) не характеризует другое (действие, обозначенное глаголом-сказуемым), то деепричастие способно достаточно ярко проявлять свое предикативное значение и выражать относительно самостоятельное, хотя и не основное, действие подлежащего. В таких случаях функция деепричастия сводится к выполнению роли так называемого “второстепенного сказуемого”. Если же отношения между названными действиями имеют характер подчинения одного другому, то деепричастие употребляется для конкретизации, уточнения характера протекания другого действия. В та-

ких случаях функция деепричастий и их конструкций в этом предложении сводится к выполнению роли обстоятельственного члена предложения» [Исанбаев 1961: 80–81]. Следуя мысли исследователя, деепричастия в качестве члена предложения со значением образа действия, причины, времени и т.д. нельзя считать второстепенным сказуемым, а только обстоятельством (причины, времени и т.д.). Чаще всего, согласно Н.И. Исанбаеву, в функции второстепенного сказуемого употребляются конструкции, образованные деепричастиями предшествующего действия, напр., *Сакар, мастер дек толын, совокшым шуен шогале* 'Сакар, подойдя к мастеру, протянул свой совок' (подошел и протянул), хотя данную функцию могут выполнять и деепричастия одновременного действия. Такие предложения «могут быть без ущерба содержанию высказывания заменены простыми предложениями с однородными глаголами-сказуемыми, соединенными между собой соединительным союзом *да* или союзной частицей *-амт*». <...> Деепричастные конструкции, выступающие в роли второстепенного сказуемого, характеризуются относительной самостоятельностью внутри предложения. Они имеют смысловую связь не только с глаголом-сказуемым, но и с подлежащим, что усиливает их предикативное значение [Исанбаев 1961: 83; 85]. Если следовать данным параметрам определения роли деепричастия в коми языке, то роль обстоятельства можно будет констатировать у деепричастий как ведущую, преобладающую, так как роль второстепенного сказуемого деепричастия выполняют намного реже. Данный вопрос требует дальнейшего теоретического исследования.

5.4. Деепричастия в составе сказуемого

В пермских языках деепричастия некоторых лексико-грамматических разрядов могут включаться в состав основного сказуемого предложения, выполнять роль предиката [Перевошиков 1959: 258–259; ГСУЯ 1970: 114–116; 134; Алатырев 1983: 589; Лудыкова 2012: 32]. В связи с функционированием сказуемого с деепричастием в составе в научной литературе чаще всего обращается внимание на предикативные сочетания каритивных деепричастий на кз. *-тӧг*, удм. *-тэк* с глаголами *кольны* 'оставаться', *овны* 'жить; существовать' в коми, *луыны* 'стать' в удмуртском языках [Бубрих 1949: 138; Fokos-Fuchs 1958: 337; Игушев, Ляшев 1976: 315; Лудыкова 1989; 1990; 2012б: 128; Игушев 1990а: 19; Цыпанов 1995б: 138; Bartens 2000: 257–258; Hamari 2011: 52, 73–75]. В конструкциях с данными глаголами каритивные деепричастия представлены как элемент составного сказуемого [Лудыкова 1989; 1990: 68], облигаторный конституент – комплемент / предикатив («the abessive verb forms as complements») [Bartens 2000: 257–258; Hamari 2011: 73–75]. В удмуртском языке обороты приведены П.Н. Перевошиковым, напр., *Вулы мынытэк луоно ѓвӧл* 'За водой нужно идти (букв.

не идя нельзя)» [Перевошиков 1959: 258–259]. Похожие сочетания есть и в других финно-угорских языках, напр., в марийском языке с каритивным деепричастием на *-де*: «деепричастия на *-де* иногда могут утратить свою синтаксическую самостоятельность. Это наблюдается в особых словосочетаниях, состоящих из деепричастия на *-де* и отрицательных форм некоторых спрягаемых глаголов (*лияш* 'быть, становиться', *керташ* 'мочь', *чыташ*, *туркаш* 'терпеть') и выступают с единым значением и употребляются в качестве единого члена предложения. <...> Такие словосочетания в предложении выполняют функцию составного сказуемого», а «деепричастие на *-де* соответствует русскому инфинитиву с частицей *не*», напр., *Чон почын возенат. Сандене мылам вашмутым пудежат ок лий* 'Написал, раскрыв свою душу. Поэтому мне нельзя не ответить-то' [Исанбаев 1961: 110; Андреева 2008б: 116; 2010: 10–13].

В коми языке развиты конструкции двойного отрицания, представляющие сочетания каритивного Д. на *-тӧг* с глаголами *овны* 'жить', *кольны* 'остаться, оставаться' в отрицательной форме (Игушев 1990а: 19; Карманова 1998: 55; Лудыкова 2012: 128; Bartens 2000: 258; Цыпанов 2000в: 388; Namari 2011: 72). Как и любые другие конструкции с двойным отрицанием, они указывают на категорическое утверждение, сообщают об абсолютной уверенности субъекта в выполнении действия [Лудыкова 2012: 128]. Вместе с тем лингвистами выявлена экспансия инновации – отрицательного инфинитива в коми под влиянием русского языка, вследствие чего наблюдается употребление конструкций с отрицательным инфинитивом вместо каритивного Д. (Цыпанов 1995: 122–131; Bartens 2000: 257), напр., *Ӧд сійӧ оз вермы не гӧгӧрвоны, кутшӧм лӧсьыд меным ськӧд* (Торопов 1967: 68) 'Ведь она не может не понимать, как мне хорошо с ней'.

В научной литературе встречается мнение о том, что в коми языке сочетания глагола с деепричастием схожи с аналитическими глагольными образованиями удмуртского, марийского языков – составными (сложными) глаголами: Е.А. Игушев отмечает близость сочетаний глагола *овны* в отрицательной форме с каритивным деепричастием на *-тӧг*, некоторых устойчивых сочетаний, состоящих из глагола и деепричастия, напр., *пышійӧмӧн мунны* 'сбежать', досл. *убегая уйти*, к парным глаголам удмуртского и марийского языков [Игушев, Ляшев 1976: 315]. Е.А. Игушев также отмечает особую стилистическую роль сочетаний «отрицательных форм глаголов с десемантизированным лексическим значением *овны* 'жить', *вӧвны* 'иметься' и причастий и деепричастий с каритивными суффиксами *-тӧм/-тӧг*, что образует своеобразное отрицание отрицания и заостряет внимание собеседников-читателей на факте действия: *Тӧдтӧг оз ов* 'Конечно, знаю, букв. не зная не живу'. <...> они эмоционально подчеркивают утверждение [Игушев 1990а: 18–19]. Предложения с конструкцией каритивного

тивного деепричастия в составе сказуемого экспрессивно окрашены, несут в себе дополнительное значение уверенного утверждения. Использование приема двойного отрицания исследователи тесно связывают с вопросом об общих категориальных признаках речевого и коммуникативного поведения носителей языка: «размышления над психологией и философией отрицания, тем более двойного, приводят исследователей к мысли, что специфика употребляемых отрицательных форм является отражением национального характера, национального менталитета, связана с национальной привычкой стараться никогда не давать отрицательных ответов “в лоб”, но наоборот, выражать отказ завуалированно, косвенным образом. Двойное отрицание – разновидность мейозиса» [Филиппова 2005: 27], приема, нацеленного на смягчение высказывания. Конструкции с использованием приемов двойного отрицания в лингвистике включаются исследователями в функционально-семантическое поле утверждения [Ступак 2005а: 13–14]. В.Н. Бондаренко говорит о взаимоуничтожении двух отрицаний и в том случае, когда одно отрицание находится в главном, а другое – в придаточном предложениях, снятие отрицания происходит при взаимодействии отрицания при сказуемом и отрицания в деепричастном обороте [Бондаренко 1983: 133]. Эти утверждения действительны и в отношении коми языка. В исследовании сложноподчиненных предложений коми языка среди типов сложноподчиненных предложений с придаточными времени Т.В. Кренделевой выявлены предложения устойчивых моделей со значением предшествования, «такие предложения отличаются тесной спаянностью составляющих, отсутствием четкой противопоставленности главной и придаточной частей (взаимное подчинение), фиксированным расположением частей, двухкомпонентностью средств связи», среди которых отмечены предложения со структурой «эз (оз) коль + имя с временным значением + мед / медым ...» («не проходило + слово темпоральной лексики, чтобы не...»), выражающие дистантную последовательность двух событий, действий, явлений выражают: *Эз кольы лун, мед Канев эз гōняйт ассъыс кōрьяссō* 'Не проходило дня, чтобы Канев не гонял своих оленей'» [Кренделева 2010б: 24–27]. Параллели предложений такой модели, относимой к конструкциям фразеологизированной структуры, обнаруживаются в русском языке, где «предложения с отрицанием и союзом *чтобы не* (*не проходит дня, чтобы не...*) означают регулярность воспроизведения одной и той же ситуации. Обе части построены как отрицательные предложения. Однако частица *не* в обоих случаях лишена отрицательного значения: обе части содержат утверждение» [РГ 1980 II: 571]. Следует отметить, что семантическими эквивалентами придаточных предложений рассматриваемой структуры в коми языке являются конструкции с деепричастим на *-тōг* в простом предложении, построенной по модели «*CONV -тōг + имя с временным значением + эз (оз) коль*».

Возникающее при взаимодействии двух отрицательных структур в рамках предложения – отрицательного сказуемого и каритивного деепричастия – значение в целом содержит утверждение: уд. *Бёрдтӧг лун оз коль* (УД 1990: 81) 'Без слез (букв. не плача) дня не проходит', т.е. каждый день плачу; *Ӧтик асыводз мӧда-мӧд орданым вольтӧг эз кольлы* (ИФ 1980: 45) 'Ни одно утро не проходило, чтобы друг к другу не зашли (букв. ни одно утро не заходя друг к другу не проходило)', т.е. каждое утро друг к другу заходили; *Ӧти праздник эз на кольлы менам вичкоӧ ветлытӧг* – юрбита-кевмыся пыр став общество пондаыс (Савин 1962: 199) 'Один (ни один) праздник не проходил, чтобы я не сходил в церковь (букв. я не сходя) – хожу-молюсь всегда за всё общество'; *А ӧні майшасьтӧг лун оз коль, пыр думайта, мый метӧг челядь вӧчӧны, тшыгӧсь али пӧтӧсь* (Чугаева 2007) 'А нынче без волнения (букв. не волнуясь) дня не проходит, все время думаю, что без меня дети делают, голодны или сыты', т.е. каждый день волнуясь.

В предложениях с двумя отрицательными структурами, одна из которых представляет сказуемое в отрицательной форме, а другая выражена каритивным деепричастием (конструкцией), при котором появляется условное или временное значение – распространенное явление в коми языке. Е.А. Цыпанов заметил, что в целях усиления высказывания пользуются отрицательными деепричастиями из-за возможности с их помощью выразить внутреннее условие, особенно в языке народной поэзии, в причитаниях [Цыпанов 2000в: 388].

Сочетание двух негативных структур также выражает утверждение, усиливающее значение характеризующего деепричастия («что-то делается именно таким образом»), работая в качестве выразительного средства, акцентирующего внимание на характере действия: *И йӧдкышитӧгыс, майбыръясӧй, ми тэкод эгӧй тувччыны кужлӧй* (ИФ 1980: 44) 'И не пританцовывая, счастливые, мы с тобой шагнуть не могли', т.е. всё время пританцовывая ходили»; *Ӧти удж оз вӧчлы сьывтӧг, Веритӧй кӧть энӧ* (Вавилин 1969: 4) 'Никакую работу не делаю без песни (деепр. форма), верьте хоть нет', т.е. обязательно пою во время любой работы; скр. *Зев йон вӧли, чечкышитӧг оз тувччы* (Жилина, Бараксанов 1971: 157) 'Он был очень крепкий, бывало, без поскака (букв. не вскочив) шагу не ступит'.

В личных предложениях с глаголом *мынны* в отрицательном спряжении 'не избавиться, не избежать, не освободиться' + CONV -*тӧг* передается значение уверенности в неизбежности наступления действия с оттенками вынужденности, возникающее благодаря семантике глагола в сочетании с условным значением каритивного Д., значение обязательного наступления действия. В предложениях данной модели можно наблюдать облигаторность каритивного деепричастия: – *Но, шуӧ, батюшко, делӧтор вӧчышитӧн? Ӧні тюрмаын пукавтӧг он мын* (ВКМ 1950: 29) 'Ну, говорит,

батюшка, натворил ты дел? Теперь, не сев в тюрьму, не избавишься' = придется в тюрьме сидеть; *И вот надзѣникѡн бабаыс висьны да висьны пондїс, шуѡ мужикыслы: – Ме, колѡкѡ, дерт, кувтѡг ог нин мын* (ИФ 1980: 115) 'И стала его жена болеть и болеть, говорит мужу: – Я, скорее всего, без смерти (букв. не умерев) не избавлюсь' = придется умереть; *Шог вѡснаыс сзэсса Ѡлѡи дзонь вѡжон юис да не дас вит шайт дон нѡйтїс ассыыс гѡтырсѡ. Но взятка сѡттѡг сїдзи эз и мын* (Доронин 1995: 39) 'С горя Олеш потом всю неделю пил и не на пятнадцать рублей (а больше) избивал свою жену. Но без взятки (букв. не дав взятки) так и не избавился' = взятку дать пришлось; – *Кѡтасьтѡг ог мынѡй, – кайтѡ Ваняк. – Талань локтѡ (кымѡр)* (Афанасьев 2007в: 155–198) '– Промокания не избежать (букв. не промокнув не избавимся), – повторяет Ваняк. – В эту сторону надвигается (туча)' = т.е. обязательно промокнем.

Аналогичная картина наблюдается тогда, когда каритивное деэпричастие (оборот) включается в состав вопросительных предложений риторического, вопросительно-отрицательного типа, которые без специальных вопросительных слов выражают невозможность какого-либо действия, состояния, невозможность приписать предмету какой-либо признак. Разнообразные модальные оттенки (невозможность и т.д.) они выражают с помощью так называемых вопросительных слов [СРЯ 2002: 393]. П.А. Лекант (в русском языке) относит их к предложениям специализированной модели невопросительно-отрицательного типа, содержащим экспрессивное категорическое утверждение [Лекант 2004: 16], в коми языке они отнесены к риторическим вопросительным предложениям, которые выражаются как формой утвердительного, так и формой отрицательного предложений, при этом положительные по форме вопросы обозначают отрицательные по значению высказывания, и наоборот, отрицательные по форме риторические вопросы выражают положительные по значению высказывания [Лудыкова 2000: 118; Игушев 2003: 63; Гуляева 2019: 52], напр., *Но и жыннянъяссѡ вѡжѡн, Еджыд вичкояссѡ кисьтїг, Пасьвартїсны тешѡн-гажѡн... Вѡрман ѡмѡй овны висьтѡг?* (Елькин 2000: 34) 'Но и разрушая колокола, белоснежные храмы выкорчевывали встарь, куражась... Сможешь разве жить не болея?'; *Максим. <...> кыдз нѡ, кутиѡм сѡлѡмѡн вѡрман эновтны татиѡм гурансѡ весавтѡг?* (Савин 1962: 256) 'Максим. Как, с каким сердцем можно оставить такую вот яму [имеется в виду деревня, люди которой погрязли в пороках], не вычистив ее' = Следует очистить эту яму, прежде чем ее покинуть; *Питѡ вайлытѡгыд мыйѡн тѡдан? Кутиѡм бара писѡ новлѡдлѡмыс-а* (Савин 1962: 635) 'Не родив ребенка, откуда знать? Каково это дитя выносить' = Если не рожал ребенка, то не знаешь; *О, шуvas [старик], ме кѡ пѡ ог велѡд, он пѡ воы тэ. А дерт пѡ ог, шуѡ Иван, велѡдтѡг кыдз воан* (ВСМ 1986: 115) 'О, говорит [старик],

если, мол, я не научу, ты и не дойдешь. Конечно нет, говорит Иван, если не научат (*букв. не научив*), как дойдешь’.

В грамматиках коми [СКЯ 1967; Лудыкова 1986] и коми-пермяцкого литературных языков [Лобанова 2017: 39] определяется разновидность *простого осложненного сказуемого*, выраженного тавтологическим сочетанием глагола и Д. на *-ӧмӧн*. В коми языке выделяются такие разновидности сказуемого с деепричастием в составе, как: а) простое осложненное глагольное сказуемое, выраженное глаголом и однокоренным Д. на *-ӧмӧн*, которое указывает на интенсивность основного действия, и б) составное глагольное сказуемое, состоящее из вспомогательного глагола в личной отрицательной или положительной форме и примыкающего каритивного Д. на *-тӧг* [Лудыкова 1986: 12; 1989: 70–105; 1990: 68–69; 2012]. На коми-пермяцком материале, насколько известно, подобных исследований не проводилось. В грамматиках коми-пермяцкого литературного языка сказуемое с деепричастием в составе (кроме осложненного простого сказуемого с Д. на *-ӧмӧн*) не выделяется, хотя в «Кратком грамматическом очерке коми-пермяцкого языка» А.С. Кривошековой-Гантман отмечено, что «сказуемое может быть выражено как личным, так и не личным (причастием, деепричастием) формами глаголов» [КПРС 1985: 619], однако примеры не приведены.

В коми языке функцию сказуемого определяют и у глагольных форм на *-мӧн* [Кипрушева 1967: 38; Цыпанов 1997в: 182]. А.И. Кипрушева предикативную функцию отмечает у отглагольных образований на *-мӧн* в статусе деепричастия и в грамматике коми языка 1967 года относит к составному именному сказуемому, состоящему из глагола-связки и именной части, выраженной деепричастием на *-мӧн*: *Кӧрым таво лӧӧ тырмымӧн* ‘Корма в этом году будет в достаточном количестве’ [СКЯ 1967: 38]. Е.А. Цыпанов, во-первых, определяет отглагольные образования на *-мӧн* как причастно-деепричастную форму – герундиум, во-вторых, функцию сказуемого («предикатива») отмечает у причастий на *-мӧн*, а не деепричастий, напр., «... *вежӧрыс – курӧглы кокыштмӧн* ‘ума у него столько – курице клюнуть’» [Цыпанов 1985: 187; 1997в: 182]. В дальнейшем было выявлено еще несколько разновидностей сказуемого с деепричастием в составе в коми языке [Некрасова 2012б; 2017].

В сочетании с глаголом-связкой, десемантизированным, вспомогательным глаголом, модальным глаголом, отрицательной частицей и т.д. деепричастие может играть роль сказуемого / главного члена в двусоставном и односоставном предложении соответственно. Представим разновидности сочетаний деепричастия с другими конституентами в составе сказуемого:

1. Среди осложненных типов простого глагольного сказуемого коми языка выделяется сказуемое, образованное сочетанием личного глагола и однокоренного деепричастия на *-ӧмӧн* со значением одновременности,

которое указывает на интенсивность действия [СКЯ 1967: 34; Лудыкова 1986: 12; Лобанова 2017: 39: 3]. Д. перед глаголом выполняет **функцию интенсификатора**: кз. *Дунялӧн сьӧлӧмыс чеччӧмӧн чеччис* 'Сердце Дуни очень сильно билось (букв. выпрыгивая выпрыгивало)' (Беляев 1963: 26). Конструкции, состоящие из двух или нескольких глагольных компонентов (спрягаемого глагола и отглагольных образований), по наблюдениям Л. Хонти, представлены во всех уральских языках, в указанном значении и функции встречаются в финно-угорских языках, напр., венгерском: *kérve kér* 'умолять' (букв. прося просить); финском: *pyytää pyytämistään* 'тж', придают предложению экспрессивность (Хонти 2013: 109).

2. Деепричастие – компонент сказуемого в предложении

Сказуемое с деепричастием на -tõg

Разновидности сказуемого с каритивным деепричастием на -tõg можно представить в виде схем, где S – подлежащее (Subject), P – сказуемое (Praedicatum), Vmod. – модальный глагол, Vcopula – полуотвлеченный глагол-связка / десемантизированный глагол, neg. – отрицательный, отрицание, Praed. – предикатив, Adv. – наречие, Inf. – инфинитив:

– кз., кп. S+P: CONV-tõg + Vcopula *кольны*

– кз., кп. S+P: CONV-tõg + Vcopula. neg. *овны, кольны*

– кз., кп. S+P: CONV-tõg + V mod.neg. *вермыны*

А) Б) В двусоставном предложении коми языка сказуемое может быть выражено аналитически сочетанием каритивного Д. на -tõg и вспомогательного глагола, где «у деепричастия в роли сказуемого утрачивается значение добавочного, сопутствующего действия» [Лудыкова 2012: 128]. Аналогичные сочетания есть и в удмуртском языке. В коми-зырянском материале можно выделить сказуемое двух видов с каритивным Д. и глаголами *кольны, овны*. Первый, выраженный каритивным Д. и глаголом *кольны* 'оставаться', «выражает действие, процесс в отрицательном плане, указывает на то, что в силу определенных причин, обстоятельств действие остается невыполненным», напр., *На вӧсна коли велӧдчытӧг* (Я. Рочев) 'Из-за них (я) не смог учиться (букв. остался не обучившись)' [Лудыкова 1990: 68–69; 2012: 128]. Относительно данных конструкций В.С. Суханова отмечает, что «при глаголе *кольны* 'оставаться' деепричастие на -tõg может иметь семантику, близкую к именам прилагательным» [Суханова 1951: 16]. Несмотря на то что в грамматиках коми-пермяцкого литературного языка подобное сказуемое не зафиксировано, тем не менее там оно тоже развито: кп. *И кызд овлӧ арнас колхозын, вундытӧг кольччисӧ ыббес* (Федосеев 1991: 208) 'И как бывает осенью в колхозе, поля остались несжатыми'.

Если глагол *кольны* 'оставаться' или *овны* 'жить' стоит в отрицательной форме, то конструкция с двойным отрицанием имеет утвердительное значение, указывает на категорическое утверждение [Лудыкова 1990: 68–69;

2012: 388–389]. Сказуемое может включать модальный компонент – глагол *вермыны* 'мочь': кз. *Муніс кӧ, вайтӧг оз ов* (Рочев 1967: 63) 'Если он пошел, то принесет'; кз. *Ми ог вермӧ колыны тӧдчӧдтӧг* «*Лым еджыд хата*» стихотворение (Юхнин 1958: 54–58) 'Мы не можем не отметить (букв. не можем оставить не отметив) стихотворение «Белоснежная хата»'. В коми-пермяцком литературном языке конструкции двойного отрицания в сказуемом нами зафиксированы только с глаголом *колыны*: кп. *Чӧвпан ыжда муторсӧ гӧртӧг эг кольӧ* (Федосеев 1991: 167) 'Кусок поля размером с каравай вспахали (букв. не оставили не вспахав)'. Функциональная характеристика деепричастия на *-тӧг* (*-тэк* в удмуртском языке) в сочетании с указанными глаголами в коми и удмуртском языках трактуется исследователями как облигаторный конституент-комплемент (Намагі 2011: 79). А. Хамари замечает, что использование именных и глагольных абессивов в качестве комплемента с глаголами со значением 'stay, be left', 'leave' типично также для других уральских языков (финского, марийского) и, по мнению М. Корхонена, может являться исконной чертой абессивных форм в праязыке (Korhonen 1981: 226).

В) Конструкции сказуемого с двойным отрицанием в коми языке, образуемые каритивным Д. и модальным глаголом *вермыны* 'мочь' в отрицательной форме, также имеют значение категорического утверждения: кп. *оз вермы горӧтышттӧг. Кыдз терпитан?* (Федосеев 1978: 86) 'Не может не крикнуть (букв. не крикнув). Как стерпишь? <...>'; кз. *Дзор вӧрыс шыасьтӧг оз вермы, Пыр шувгӧ, шувгӧ, тӧла кор* (Попов 1984: 32) 'Седой лес обязательно откликнется (букв. не может не подав голос) – Беспрестанно шумит и шумит, когда дует ветер'.

Сказуемое с деепричастием на -тӧдз и -мӧн

А) Известно, что деепричастия разных лексико-грамматических рядов подвержены адвербиализации. В коми языке можно отметить сочетания адвербиализованного деепричастия (наречия) с формами на кз. *-мӧн* и кп. *-тӧдз* в качестве сказуемого: в коми с лексемой *тырмымӧн* 'в достаточном количестве; вдоволь, достаточно', в коми-пермяцком с лексемой со схожим значением *пӧттӧдз* 'досыта, вдоволь; вдосталь' и глагола-связки *лоны* (*вӧвны*) 'быть, существовать, иметься в наличии', (*вӧвлыны* 'бывать', *вӧлі* 'был'). Отрицательная форма данного сказуемого образуется с помощью отрицательной частицы *абу* 'не, нет', примыкающей к Д., либо отрицательного глагола (*эз, оз* и т.д.), примыкающего к глаголу-связке, если он есть. Такое адвербиализованное Д. в составе сказуемого имеет значение предикативного признака с точки зрения количественной характеристики. Подлежащее обычно выражено существительным с вещественным значением (напр., хлеб, мясо и т.д.): кп. *Няньыс пӧттӧдз лоис, и оланыс гажажык*

лоис (Баталов 1990: 405) 'Хлеба стало вдоволь, и жизнь стала веселее'; *Нянь эз тырмы, да и картошка-капуста пӧттӧдз эз вӧв* (Нилогов 1993) 'Хлеба не хватало, да и картофеля-капусты много (букв. до насыщения) не было'; *Картошка садитан кад гӧгӧр Иванлӧн удобреннӧ вӧлі пӧттӧдз* (Федосеев 2006: 114) 'Ко времени посадки картошки у Ивана удобрения было много (букв. до насыщения)'; кз. *Но видз-му овмӧс прӧдуктаясыс сора вӧр зонаын некор эз вӧв тырмымӧн* 'Но сельхозпродукции в зоне смешанных лесов никогда не было достаточно' (Терехова, Эрдели 1939); *Но кӧрттуйас абу тырмымӧн* (Терехова, Эрдели 1939) 'Но железных дорог не хватает (букв. не достаточно)'; «*Слабог, чери дозьяс тырмымӧн*» (Безносиов 1964) «Слава богу, тары под рыбу достаточно»'.

Б) Другая разновидность сочетаний Д. на *-тӧдз* с глаголом *лоны* 'стать, получить' в коми языке представлена в предложениях, где подлежащее выражено отглагольным существительным (девербативом) на *-ӧм*, а сказуемое обозначает достижение определенной степени действия (высокой степени проявления признака), выраженного в подлежащем-девербативе, дает характеристику по высокой степени действия. В сказуемом заложено не только значение действия, но еще и интенсивного характера его протекания. Особенность таких предложений состоит в том, что основное действие выражено не глаголом в сказуемом, а в девербативе-подлежащем: *Бара на пӧттӧдз лои сералӧмыс* (Пунегова 2018) 'Еще опять насмеялись вдоволь (букв. Опять же до насыщения получился смех)'; *Купайтӧмыс лӧзӧдтӧдз лои* (Тарабукин 1988) 'Купались до посинения (букв. Купание до посинения получилось)'; *Дрӧгмунтӧдз лои асья чӧв-лӧнь торкӧмыс* (Чугаев 2014) 'Нарушение утренней тишины заставило вздрогнуть (букв. До вздрагивания получилось (стало) нарушение тишины)'.

Сказуемое с деепричастием на *-тӧдз*

Сказуемое можно представить в виде схем:

– кз. (S) +P: CONV-*тӧдз* + V *воны*

– кп. (S)+P: CONV-*тӧдз* + V *воны, лоны, локны, вовлыны*.

В коми-пермяцком материале к сказуемому можно отнести ряд сочетаний, выраженных терминативным Д. на *-тӧдз* и десемантизированными глаголами движения *локны* 'прийти', *вовлыны* 'приходить, ходить' или глаголом *лоны* 'стать, наступить'. Глагольно-деепричастную аналитическую конструкцию данной модели можно рассматривать как своеобразный описательный оборот типа «прийти к какому-либо действию, состоянию». Десемантизированные глаголы, не потерявшие, однако, окончательно лексического значения, семантически указывают на переход в какое-либо состояние, наступление нового состояния. Скорее всего, судя по данно-

му признаку, подобные конструкции можно рассматривать в одном ряду с описательными глагольно-именными оборотами, функционирующими в русском языке. В лингвистике существует практика рассматривать обороты подобного типа (десемантизированный глагол и существительное с предлогом или без предлога) как устойчивые глагольно-именные сочетания, фразеологические обороты, напр. *одержать победу, выводить из терпения, доводить (довести) до слёз / до предела; достичь результата, доходить до отчаяния, приходиться (прийти) в изумление / замешательство / недоумение, состояние чего и т.д.* [Дерибас 1979] и относить к простому сказуемому [Дерибас 1979: 4–10; Лекант 2004: 56–60].

Сказуемое (или главный член) с терминативным деепричастием имеет значение возникновения действия (вследствие интенсивности проявления предшествующего действия), или достижение предела, результата. В коми языке подобная конструкция (с глаголом *воны* 'прийти') редка: кз. уд. Важ. *Кино видзёди да, сивтёдз вои* (УД 1990: 81) 'Фильм смотрел и запел (букв. пришел к пению)'; *Дзик нин торйёдчытёдз воим* (Обрезкова 2018: 9–36) 'Уже окончательно расстались (букв. пришли к разводу)'; *И быгласьёмён вермасьтёдз на воис налён* (Козлова 1996: 15–41) 'Стали они драться, кувыркаясь (букв. И дошло у них до драки катаясь)'. Вместо указанного сочетания в коми языке распространены конструкции глагола с -м-овым отглагольным именем в терминативной падежной форме («*воны + N-ёмёдз*»).

В деепричастно-глагольных сочетаниях коми-пермяцкого сказуемого значение глагола *лоны* 'стать, настать, наступить' близко к значению глагола *локны* 'прийти, дойти': кп. *Горзытёдз лоас чериались* (Оласё 1990: 102) 'И стал плакать (букв. станет (придет к...) к плачу (букв.) рыбак'; *Ме лои горзытёдз* (КПРС 1985: 102) 'Я не мог сдерживать слез (= заплакал)'; – *Бура мырсим, – <...>, – но кёдзан плансё тыртём. Кор и горзытёдз вовлим, но мый коліс – керим...* (Канюков 1966: 59–65) '– Много работали, – <...>, – но план по посеву выполнили. Иногда и плакать начинали (букв. к плачу приходили), но что нужно было – делали'; *Повзьём увья нельки съёлём-ыс ёткётны дугдывліс – вовліс кулавтёдз* (Фадеев 2006: 53) 'От страха сердце переставало биться – даже сознание теряла (букв. приходила к потере сознания)'.

Деепричастие в составе главного члена односоставного предложения

Сочетания деепричастия *-тёг, -тёдз, -мён* с другими конституентами могут участвовать в организации главного члена безличного предложения. Разновидности главного члена (сказуемого) безличного предложения можно представить в виде схем:

- кз. Adv.Praed. *абу лёсьыд* 'нехорошо' + CONV *-тёг*.

В коми языке безлично-предикативное слово (предикативное наречие) в отрицательной форме *абу лӧсьыд* 'нехорошо' с модально-оценочным значением в сочетании с каритивным Д. на *-тӧг* образует конструкцию двойного отрицания. В сочетании следует отметить появление значения необходимости осуществления действия: *А мыйла нӧ нӧ ювал-а-н, <...>. А ювасьтӧг нӧ абу жӧ лӧсьыд* (ВСМ 1986: 142) 'А зачем, мол, спрашиваешь, <...>. А без спросу (букв. не спрашивая), мол, нехорошо'; *Тожӧ быттьӧ <...> мыськытӧг абу лӧсьыд* (Афанасьев 1985: 30) 'Тоже будто <...> нехорошо без мытья (букв. не помыв)'.

- кз. Р: CONV *-тӧг* + V mod.neg. *оз позь* 'нельзя'.

В коми языке главный член безличного предложения (Р) может быть выражен сочетанием модального глагола *позьны* 'можно' в отрицательной форме – *оз позь* 'нельзя' и каритивного Д. При сочетании двух слов-негативов возникает значение необходимости («надо»): кз. *Кыдзи нӧ, Григорей Ёнисимович? Дзик ньӧти ювасьтӧг оз жӧ позь...* (Савин 1962: 213) 'Как же так, Григорей Онисимович? Ведь нельзя совсем не спросить (букв. не спрося)' = нужно спросить; *Вот и пырим... Мися, оз жӧ позь другъяс ордӧ кешавтӧг* (Рочев 1984: 68) 'Вот и зашли... Говорю, нельзя не завернуть (букв. не завернув) к друзьям'; кз. *Сьӧкыд туй бӧрын пывсьытӧг оз позь* (Рочев 1984: 323) 'После утомительного пути не попариться в бане нельзя (букв. не попарившись)'.

- кп. Р: CONV *-тӧг* + Vmod. *ковны* 'надо, нужно, необходимо'.

В коми-пермяцком литературном языке встречается безличная конструкция каритивного Д. с модальным глаголом *ковны* 'надо, нужно, необходимо' со значением нежелательности действия: *Но... Кыдзкӧ колӧ видзсьыны, тышкасьтӧг бы колӧ* 'Нужно как-то держаться, не нужно бы драться (букв. не дерясь, без драки бы нужно)' (Федосеев 1978: 187).

- кз., кп. Р: CONV *-тӧдз* + Vcopula *лоны* 'стать, сделаться'; кз. Р: CONV *-мӧн* + Vcopula *лоны* 'стать, сделаться'.

В коми языке *главный член* безличного предложения может быть выражен деепричастием на *-тӧдз*, *-мӧн* (только в кз.) в сочетании с глаголом *лоны* 'стать, сделаться' в безличном употреблении (*лоис* 'стало, сделалось', *лоас* 'станет, сделается'). С помощью конструкции передается значение наступления действия, возникшего вследствие другого, предшествующего действия. Действие, выраженное в конструкции, обычно связано с психическим, эмоциональным или физическим состоянием человека, живых существ; при этом субъект, действующее лицо (если оно указано) выражено формой датива: кп. *Шарді да шарді да бӧбмытӧдз лои* (Оласб, 1990: 101) 'Боялся, боялся и совсем обезумел (букв. стало до безумия)'; *Одзжык мамӧлӧ паныт эг висьтавлы, а талун видчытӧдз лоис* (Баталов 1990: 6–102) 'Раньше маме слова против не говорила, а сегодня по-

ругались (букв. стало до ругани)'; кз. *Прошка повзис, мый купеч пилы лоӧ кувтӧдзыс* (Рочев 1983: 31) 'Прошка испугался, что купеческий сын умрет (букв. купеческому сыну до смерти станет) <...>'; кз. вв. *Мэн мудзтӧдзим лови* (ВВД 1966:117) 'Я устала (букв. мне стало до устали)'; *Тайӧ майӧгнас [Кузьма] кыкысь ли куимысь кучкис понлы. Вьон турбыльтчис юр вывтӧйс да ланьтис. Кувмӧн али эз ло сылы, Кузьма эз нин видлы, котӧртис <...>* (Федоров 1987: 221) 'Этим колом [Кузьма] два или три раза ударил собаку. Вьон кувыркнулся через голову и затих. Умер он или нет (досл. до смерти получилось или нет ему), Кузьма уже не посмотрел, побежал <...>'; *Он кӧ волы улича вылас во либӧ мӧдӧс, шензьымӧнды лоӧ: сы мында выль керка быдлаын удитӧма кыптыны* (ӖКК 2000: 400) 'Если не бываешь на улице год или два, удивишься (букв. будет в такой мере, что удивишься, будет до удивления): столько новых домов выросло'; *Мӧслӧн пакъясыс пӧльтӧм гадь кодӧдсь. Ӧпрӧсь личкыштис да быдсӧн ружыштмӧн мӧслы лои – нора-нора бакӧстис, быттьӧ ассьыс мамсӧ корис* (Изьюров 1987: 274) 'У коровы оба паха похожи на раздувшиеся пузыри. Эпресь нажала, и корова даже застонала (досл. корове до стона получилось) – жалобно-жалобно замычала, будто свою мать звала'.

Очевидно, в список моделей сказуемого с деепричастием в составе можно включить устойчивые конструкции с десемантизированным глаголом кз. **вайӧдны** 'довести (до какого-либо состояния)', который в коми языке также составляет конструкции с терминативными формами существительного (-ӧдз 'до'), напр., **вайӧдны бӧрдӧмӧдз** 'довести до слез': *Важ власть странанымӧс вайӧдис рӧзӧритчӧмӧдз!* (Федоров 1958: 3–21) 'Прежняя власть страну довела до разорения'; или глаголом кз. **воштыны** (в разл. сочетаниях) 'доводить (до к-л. состояния), изводить, донимать' или 'превратить', напр., *пикӧ воштыны, пӧгибӧ воштыны вым донимать, донять* (ССКЗД 1961: 62), *матӧ воштыны* 'а) поставить в безвыходное положение; б) донять, известить'; *помӧ-дорӧ воштыны* 'завершить дело, довести до конца' (КРК 2000: 117) с иллативными формами существительного (-ӧ 'в').

Сказуемое можно представить в виде схемы:

CONV-тӧдз + V**вайӧдны** / **воштыны** «Довести до какого-либо состояния, вызвать (каузировать) какое-либо действие».

Унаысь ми аньӧс бӧрдтӧдзыс вайӧдлӧм! (Менам муса школа 2012) 'Много раз мы женщину до слез (букв. до плача) доводили'; *Сӧйӧ помавлӧма кӧрт туй техникум, и таысь сӧйӧс Гавриш бӧрдтӧдз воштылис* (Васютов 2011: 49–68) 'Он заканчивал железнодорожный техникум, и из-за этого Гавриш доводил его до слез (букв. до плача)'; *Сӧмын оз быд пӧрйӧ тадзи овлы, корсюрӧ кодлӧнкӧ тӧрмасӧмыс мукӧдсӧ бӧрдтӧдз вайӧдӧ* (Коми му 2005–02–05 / ЭККЯ) 'Только не всегда так бывает, иногда чья-то торопливость других до слез доводит'.

- кз. Р: Praed. Adv.-CONV-мөн + Inf.

Сказуемое в коми языке может быть выражено безлично-предикативным словом и примыкающим к нему инфинитивом [см.: Лудыкова 1983: 72], в качестве предикатива в конструкции может выступать также герундиум на -мён: *Саяна да Панев ётарё пыльсьялісны, веж петмён вёлі на вылёт видзёдны* (Юшков 1975: 12) 'Саяна и Панев беспрерывно прыскали со смеху, завидно было на них смотреть'.

В коми языке встречаются достаточно своеобразные конструкции с депричастиями на -иг, -игён, зафиксированные в работах Д.В. Бубриха [Бубрих 1949: 141], Д.Р. Фокоша-Фукса [Fokos-Fuchs 1958: 307–311], Г. Штипы [Stipa 1960] и др., как: *Тэ висиг шусян* 'Ты называешься (сказываешься) больным (букв. болеющим, в болезни)'; *Ёна гажтёмчиг шусьё* 'Говорит, что очень скучает (букв. сильно скучающим называется)', *Некод эз шусьы аддзыліг* 'Никто не сказал, что видел (букв. никто не сказался видевшим)' (Fokos-Fuchs 1958: 309). Подобные конструкции не получили широкого освещения в исследованиях, кроме некоторых работ [Д.В. Бубрих(1949); В.С. Суханова (1951)], зарубежные исследователи (Ф.Й. Видеман, Д.Р. Фокош-Фукс, Г. Штипа) сопоставляют функцию -иг-овых форм (-иг, -игён, диал. -игын) в предложениях с аналогичным у эссива (Essiv) финского языка или творительного предикативного славянских – функцию предикатива [Fokos-Fuchs 1958: 320; Stipa 1960: 185–186]. В коми-зырянских текстах зафиксированы связочные рефлексивные глаголы составного именного предиката *шусьыны, висьтасьны* 'называться' (от глагола *шусьыны* 'называться, именоваться; представиться'; *шуны* 'говорить, сказать; молвить; проговорить, промолвить; произнести'), сочетающиеся с предикативным прилагательным в номинативной и инструментальной формах: *карса тай шусян* да 'городским (букв. городской) называешься'. Этот связочный глагол (полуотвлеченная связка) указывает, что признак приписывается самим субъектом высказывания [Лудыкова 2012: 154]. Как показывает материал, данный рефлексивный глагол сочетается также с ИФГ, кроме форм на -иг, -игён, также с причастиями на -ысь, -ём в форме инструмента (по модели: S (подлежащее) + глагол *шусьыны* (в рефлексивном залоге) + ИФГ (CONV/PARTICIP-Instr.), где подлежащее может отсутствовать). В предложениях данной конструкции субъект действия (подлежащее) и автор высказывания (источник сообщения) совпадают («Он сказал, что он...»), с помощью -иг-овых форм и активных причастий настоящего времени демонстрируется процесс протекания действия, а с помощью причастий прошедшего времени -ём-ён (иногда -иг-овой формой) показывается завершенность действия. Конструкции «*шусьыны* + CONV-иг/ -игён» функционируют в зоне верхневычегодского, южных коми-зырянских диалектов (Прилузье, Сысола), встречаются в произведениях писателей-выходцев из данных ареалов Коми. Примеры:

Кылö, лэччöма нин паччöрысь Пекла тьöткаыс. Сійö талун шусьö кынмигöн да рывывбыд на шонтысьö (Юхнин 1941: 234) 'Слышно, тетка Пекла уже слезла с печи. Она сегодня сказывается мерзнущей (букв.) и уже весь вечер согревается'; *Мудзиг шусис дай юр садьсö бергöдчиг, град вывтö весаліг бөрöздаас пöрöма* (Горчаков 1996: 18–30) 'Сказал, что устал и голова кружится (букв. сказался уставшим и с кружащейся головой), работая в огороде, упал в борозду'; *Лесозаводса тайö, пилитчанінын шусис уджаліг* (Куратова 1991: 8–23) 'Лесозаводский он, говорил, что работает на пилораме (букв. сказался работающим на пилораме)'; *Кöнкö ылын, войнавыса другыс дорын, шусис олігöн* (Куратова 2020: 23–33) 'Сказал, что живет где-то далеко, у военного друга (букв. сказался живущим)'; *Тяпкин куйліс койка вылас, шусис висигöн* (Куратов 1967: 33–44) 'Тяпкин лежал на кровати, сказывался больным'; *Министерствоас шусис уджалігöн* (Куратова 1989: 3–22) 'Мол, работает в министерстве (букв. В министерстве сказался работающим; сказал работает)'; *Купе кузя Öндрейлöн важся соседьас тивысь вöлі сöмын нин сійö, коді шусис мунысьöн «отсасьны войвывса горнякьяслы»* (Юхнин 1957) 'Из старых соседей Андрея по купе были уже только те, кто, мол, ехал «помогать северным горнякам» (букв. назывались едущими)'; *Ачыс эз сөй, шусис пуигас пöтöмöн* (Игнатов 1988: 263–269) 'Сам не стал есть, сказал, что насытился еще при готовке еды (букв. сказался насытившимся)'; – *Висьмöдчöмöн шусис, – юöртis Кутькин* (Горчаков 2007: 15–30) '– Сказался заболевшим, – сообщил Кутькин'; *Вöсньöдик кок туй сöмын кильчö дорас нүдöд да амбар водзсö тальöма. Верöслöн Васька воыс шусис кайлöмöн. Керкасö видланмоз пö кайлі грездö да пывсян быдöн ломтылі, оийысис тай* (Куратова 2017: 578–590) 'Узенькая дорожка следов только к крыльцу идет, и у амбара натоптано. Брат мужа Васька сказал, что ездил (букв. сказался съездившим). Мол, в деревню ездил дом проведать, даже баню топил, хвастался'; *Мыйкö дыра кежлö та бöрын сійö весиг килькувліс ловнас, некытчö эз пөтавлы, некодкöд прамöя эз сёрнит, шусис висьöмöн, куйліс крöватяс <...>* (Федоров 1982) 'На какое-то время после этого он совсем пал духом, никуда не выходил, ни с кем не общался, сказался больным и большую часть времени лежал в кровати <...>'.

5.5. Деепричастия и деепричастные конструкции в атрибутивной функции

В связи с определением конструкций с деепричастием в **атрибутивной функции** следует привести комментарий Е.А. Цыпанова относительно статуса пермских *-иг*-овых форм, считающего, что «возможно, в современном коми языкознании толкование многочисленных *-иг*-овых отглагольных форм только лишь как деепричастий не является абсолютно верным» [Цыпанов 1991: 87]. Толчком к подобному выводу послужили собственные

наблюдения исследователя, а также анализ материала по *-иґ-*овым формам, вывод об омонимичных *-иґ-*овых отглагольных именах и деепричастиях, сделанный Д.Р. Фокош-Фуксом, определение статуса *Verbalnomina* у *-иґ-*овых форм некоторыми исследователями (Ф. Видеманом, Ю. Вихманом и др.). Исследователями установлена генетическая связь именных глагольных форм и отглагольных имен, поэтому в работах, касающихся изучения причастия, деепричастия, инфинитива, в пермских языках регулярно отмечаются именные черты и признаки этих глагольных форм, трактуемые как архаические, пережиточные, наследие прошлого (напр., П.Н. Перевошиков у деепричастий на *-ку* отмечает такие проявления именного источника происхождения, как употребление с показателями дательного *-лы* и раздельного *-лэсь* падежа, сочетание с послелогом *сярысь*, приименным отрицательным показателем *öwöl* 'не, нет' [Перевошиков 1959: 66]. В коми языке примеры атрибутивного употребления *-иґ-*овых форм обнаруживаются в конструкциях, где *-иґ-*овые формы демонстрируют функциональное сходство с именами действия, причастиями. Соотнести в данном случае языковые единицы *-иґ-*овой формы с конвербом, действительно, проблематично. Следует отметить, что в данных конструкциях используется «чистая» форма кп. *-ик*, кз. *-иґ*, без лично-притяжательных суффиксов.

В первом случае примеры атрибутивного (адноминального) употребления не только современной коми-зырянской деепричастной формы *-иґ*, но и современной коми-пермяцкой формы *-ик* (что говорит об общекомий явлении) следует отметить в сочетаниях с отглагольной лексемой кз. *tõrig*, кп. *tõрик* 'вмещающий' от глагола *tõрны* 'вместиться, уместиться, поместиться', представляющих дименсивную конструкцию (т.е. конструкцию размера, величины). В коми-зырянском диалектном материале конструкции зафиксированы Ю. Вихманом в присыктивкарском диалекте в составе отглагольных имен: *ас tõриг розь* 'отверстие, в которое можно пролезть самому' [Wichmann, 1903], позднее в словарях: как деепричастие лексема *tõриг* отмечена в Коми-русском словаре 1961 г. вместе с формой на *-мõн*: *ведра tõриг* (деепр.) или *ведра tõрмõн* (деепр.) 'ёмкостью в ведро, ведёрный: *дас мõс tõрмõн карта* хлев на десять коров; *морт tõриг* (деепр.) *розь* или *морт tõрмõн* (деепр.) *розь* отверстие, в которое может пролезть человек [КРС 1961: 689], в [КРС 2000: 655] в словарной статье **Тõрны** *неперех.* 1. *вместиться; поместиться, уместиться, уложиться, войти; ведра tõриг деепр.* ведёрный; в [ССКЗД 1961:376] в словарной статье **Тõриг** вв. скр. сс., *tõрõг* нв., *tõрõд* лл. – ёмкостью, вместимостью с; *ведра tõриг* скр., *ведра tõрõг* нв., *ведра tõрõд* лл. – вместимостью в ведро; в коми-пермяцком литературном языке она зафиксирована в 1985 г. в «Коми-пермяцко-русском словаре»: **Тõрик** вместимостью в..., ёмкостью в...; **ведра** ~ ёмкостью в ведро, ведёрный; **мешõкыс кунм пуд** ~ мешок вместимостью

в три пуда [КПРС 1985: 485]. Дименсивные конструкции представляют один из способов выражения «общего» размера и объема предметов в коми и коми-пермяцком языке, в них присутствует элемент сравнения (размер одного предмета определяется через сравнение с другим предметом). Эталоны сравнения в конструкции размера часто являются человек и части его тела (*морт* 'человек', *ас*, *ачыс*, *аслым* 'сам (человек), мне, ему самому (человеку)'; *юр* 'голова', *ки* 'рука', *палец* 'чунь', *кулак* 'кулак', животные и насекомые (*ном* 'комар', *пон* 'собака', *лэбач* 'птица'), неодушевленные объекты (*машина* 'машина', *пыж* 'лодка') и т.д.: *Чуткаласны вöлі коз лапъяс и колясны лэбачыслы тöрмön розьтор, а сэтчö сиаласны лэч* (Конаков 1983: 44–46) 'Втыкали еловые лапки и оставляли небольшое отверстие, вмещающее (размером с) птицу, в которое ставили силок'; *Пыжнас колö коз увтйыс уйны, а пыжыс тöрмön чальяссö увйöма* (Афанасьев 2007в: 155–198) 'Лодкой нужно проплыть под елью, сучья обрублены столько, чтобы лодка могла проплыть'; *Сэсся пызан вылö чукöртis чери лыяс, нянь чир да пырис посводзö, а öдзöссö пищаль ствол тöрмön калк колис, пукис* (Афанасьев 2007г: 200–204) 'Затем собрал на стол рыбы кости, хлебные крошки и зашел в сени, а дверь оставил открытой настолько, чтобы ствол ружья помещался, сел'. В конструкциях с семантикой «антропоцентрического эталона» измерение размера ведется относительно человека и частей его тела, чаще всего такие конструкции применяются при описании размера различных отверстий (*розь* 'отверстие'). В научной литературе отмечалось, что важным свойством любой языковой картины мира является антропоцентричность. Человек и части тела человека задают систему координат для измерения объектов в языке, отличающуюся от принятой в науке. Рост и вес человека признаются нормой. Части тела человека являются мерами и инструментами для измерения окружающей его действительности [Шеманаева 2006: 267–268; 2008а, 2008б]. Конструкции «антропоцентрического эталона» представляют один из способов «языкового» измерения внешнего мира, в которой задействованы следующие участники: измеряемый объект, эталон измерения, параметр измерения. Эталонные объекты (части тела, животные, природные объекты, в частности, плоды, а также артефакты) – инструменты для антропоцентрического измерения величины конкретных предметов в наивной картине мира. Наиболее естественными инструментами измерения для человека являются его руки и части руки (палец, ноготь, ладонь, локоть), а наиболее естественными объектами измерения – объекты, меньшие человека или сравнимые с ним по величине [Шеманаева 2008а: 4–5; 7]. Отсюда в коми конструкциях «существительное-мера + кз. *тöриг* / кп. *тöрик* + измеряемый объект» в качестве меры выступают человек и его части: *Керавны кокни – шöрыс юр тöриг роза* (Торопов 1980: 51–54) 'Рубить легко – в середине отверстие размером с голову (букв. вмещающее

голову)»; *Шөрвяс, тыдалё, поз вёчёма, кулак тёриг розь тыдалё* (Торопов 1993: 49–54.) 'Посередине, видимо, сделано гнездо, видно отверстие с кулак (букв. вмещающее кулак)'; *Зверь – абу сир, понлөн кодь юрыс чунь тёриг розьёсь, бугыльясыс көш пасьта...* (Безносиков 1971: 39–47) 'Зверь – не щука, похожая на собачью голова с маленькими (букв. вмещающими палец) отверстиями'. Для указания объема предметов элементом конструкции «существительное – мера» служат обозначения различных сосудов: ведро, чугунок и т.д., напр.: <...> *сылён пуис нин куим ведра тёриг пёртийын ва* (Шолохов 1958) '<...> у него уже кипела вода в трехведерном (букв. вмещающем три ведра) котле'. Материал коми языка демонстрирует синонимию в атрибутивных сочетаниях со значением величины, размера, объема. Дименсивная конструкция, кроме *-иг*-овой лексемы *тёриг* 'вместимостью с', в современном коми языке может строиться с помощью лексем, образованных суффиксом герундиума *-мён*: *тёрмён*, суффиксом причастия *-ана*: *тёрана*, образуя синонимический ряд, зафиксировано также сочетание лексемы *тёриг* с количественным послелогом *мында* 'с; сколько; количеством, численностью': *тёриг – тёрмён – тёрмёна – тёрана* 'вместимостью в..., размером с...'

Примеры: кз. *Игана өдзёстё оз вермыны восьтыны, кутасны өдзёстё йирны [чёртъяс]. Йирасны юр тёриг мында розь, сэсся петук горёдас «Кикируку!» – и чёртъяс вошённы* (КМК 1913: 39) 'Не смогли открыть запертую дверь, стали ее грызть (черти). Выгрызли отверстие, вмещающее голову (размером с голову), затем петух прокукарекал, и черти исчезли'; *Арся ывлаыс удитёма нин куньны синъяссё, юр тёрмён дшинь быттьё кажитчис юланё немёд розьён* (Васютов 2002: 122–233) 'Осенняя природа уже успела впасть в сон, окно размером с голову казалось темной дырой, обращенной в сторону реки'; *Ротнёйлён чунь тёрмёна землянкаын ёзйис гильзаысь вёчём нейджыд лампа* (Льноров 1991: 3–109) 'У ротного в крошечной (букв. вместимостью в один палец) землянке, горела сделанная из гильзы небольшая лампа'. Устойчивое сочетание *чунь тёрмён(а)* 'с палец' в коми языке имеет значение 'маленький'; кз. *Часовня сруб пытишкас тэчисны кык мортлы водёмён тёрана ванна сяма бассейн* (Липин 2002) 'В срубе часовни соорудили похожий на ванну бассейн, вмещающий двух человек в положении лёжа'. Сочетание «S + *тёриг / тёран / тёрмён*» представляет абсолютный оборот, где позицию субъекта занимает существительное в форме номинатива или датива (см. *кык мортлы тёрана ванна* букв. ванна, вмещающая двух человек).

Если в коми-зырянских текстах деепричастие на *-мён* в качестве обстоятельства меры и степени конкурирует с деепричастием на *-тёдз*: *пётмён – пёттёдз* 'досыта' [Цыпанов 1985: 186], то причастие на *-мён*

в функции определения в дименсивных конструкциях с лексемой *төрмөн* конкурирует с лексемой на *-иг*: *төрмөн – төриг*.

В коми-пермяцком литературном языке можно привести соответствующий синонимичный ряд **төрик – төран**.

Примеры: кп. *Горбыльтчөмөн сiя кыкис спина саяс кык ведра төрик пестер* (Фадеев 1974) 'Сгорбившись, тащила за спиной двухведерный (букв. два ведра вместимостью) пестерь'; *Инда океаныслөн шөрөт пыдынасө лыддьёны 3711 м, медпыдыніыс – 7209 м. Ваыс 282,65 млн км³ төрик* (Инда океан) 'Средняя глубина Индийского океана насчитывает 3711 метров, самая глубокая часть – 7209 м. Вода объемом 282, 65 млн кубометров'; *Семьяным вöлі ыджыт – капустасө солавлім быдса бочка. Идсис тусьсө керам-масьтам ведра төрик кадуляё тыр* (Мальцева Н.) 'Семья у нас была большая – капусту квасили в бочках. Ячменя натолчем полную кадку объёмом с ведро'; *Рытъявылас, <...>, öт киас куим литр төрик тыра бидонён, мөдас – сумкаын тиакөн, Таисья котөрөн чулаліс бөрья ыб, <...>* (Фадеев 1989; 2006) 'Вечером, <...> с полным трехлитровым (букв. вместимостью в три литра) бидоном в одной руке, в другой – с сумкой с грибами, Таисья бегом преодолела последнее поле <...>'; *Жадной инькаыс: тиаксө солаліс ведра төран туиссэö* (Федосеев 1985; 2006) 'Жадная женщина: грибы засолила в тuesa, ёмкостью с ведро'; *Ашы-нас яйсө пöжис горынведра төран чугунён <...>* (Федосеев 1991; 2006) 'Назавтра мясо потушила в печи в ведерном чугуне <...>'.

В другом случае атрибутивные конструкции с *-иг*-овой формой зафиксированы как сочетания *-иг*-овой формы в роли определения и с признаками причастий в летском, вымском диалектах со словом *пöра* 'время, пора' [ССКЗД 1961; Баталова 1982: 152; Жилина 1998], где форма на *-иг* встречается вместо причастной формы на *-ан* других диалектов: *уджаліг пöра* 'рабочее время', *зэриг пöра* 'дождливое время', ср. скр. *уджалан пöра*, *зэран пöра* (ССКЗД 1961: 486); вым. *Пэмдиг пöраас бара бан'ушка воис* К. фольк. (Жилина, 1998: 139) 'В сумерках (букв. в вечернюю пору) (она) опять подошла к лесной избушке'. В коми-пермяцких источниках можно встретить аналогичные сочетания с формой *-ик* и существительными темпоральной семантики *пора*, *кад* 'время, пора, сезон' [Некрасова 2018:157–167], напр., в книгах: *З. Лилина Миян вевотісь Ленин. М.: Центриздат, 1925.* (перевод Д.С. Шипицина), напечатанной молодцовским шрифтом и отражающей южный, взовый диалект – Примеры (1), (2). Здесь форма на *-ик* также составляет конкуренцию форме на *-ан*, для сравнения: *көдзан пора* 'время сева' (КПРС 1985: 358); *Коркин В.А. Синвиcян (Трахома). Комиён лöсьöдіс Ю. Будрин. М., 1929* – пример (3):

(1) <...> *сія кӧр пукавӧ шковаын вевӧтчик пора, сек кывзӧ и оз ыж-мав* (Лилина 1925: 4) '<...> когда он сидит в школе во время учебы (букв. в учебное время; во время учебы), то слушает и не балуется';

(2) *Володя кужвис мянӧс ӧтваавны, кӧр байитӧк ли пораӧ собраннӧын ли, орсік пораӧ и быдваын кытӧн бы ми эг вӧвӧ* (Лилина 1925: 16–17) 'Володя умел нас объединять, хоть за разговорами (букв. во время общения), хоть во время игр, и везде, где бы мы ни были';

(3) *Вир летчӧ синнесис шогалісьсылӧн кыдзи синва горзік-кадӧ* (Коркин 1929: 5) 'Кровь течет из глаз больного, будто слезы во время плача'.

Изредка можно встретить сочетание **-иг дыр**, где *дыр* 'период, время', ср. *вундан дыр* 'жатва, время жатвы', *велӧдчан дыр* 'период учения', *ытишкан дыр* 'сенокос': *Кыдзи унмовсиг дыр, шензян вӧтӧн, – он чайт, – Кодкӧ пель водзын сэк меным ваинитіс «ланьт!»* (Тима Вень 2010) 'Как во время засыпания, в удивительном полусне, – не ожидаешь, – Кто-то в уху тогда мне шепнул «замолчи!»'.

Подобные сочетания в коми-зырянском и коми-пермяцком материалах отличаются редкостью употребления, встречаются в переводной литературе начала прошлого века. С большой долей уверенности можно утверждать, что авторам диалектного словаря и монографии Т.И. Жилиной, М.А. Сахаровой, В.А. Сорвачевой удалось зафиксировать действительно редкие примеры, характерные для речи середины прошлого столетия. Коми-пермяцкие исследователи нигде не упоминают о сочетаниях с **-ик** и существительным темпоральной семантики *пора*, *кад* 'время, пора', которые во время фронтальных исследований коми-пермяцких диалектов (60-е гг. XX в.), видимо, уже не функционировали, исчезли из употребления раньше, чем началось системное исследование, и исследователи их уже не застали. К конструкциям со словами *кад* 'время', *пӧра* 'пора' и *дыр* 'время, пора' внимание лингвистов привлечено в исследованиях по словообразованию в связи с решением вопросов грамматикализации [Beke 1952: 75; Kövesi 1965: 34; Федюнева 1985: 99], Г.В. Федюнева пишет: «М. Кёвеші отмечает, что в современном коми языке, возможно, превращаются в суффиксы слова *кад* 'время', *пӧра* 'пора' и *дыр* 'время, пора' в конструкциях типа *ытишкан дыр* 'сенокос', *узян дыр* 'пора сна'. Однако явных признаков грамматикализации пока нет, поэтому нет оснований для выделения в современном коми языке суффиксов **-кад**, **-пӧра**, **-дыр**. Все рассмотренные слова могут рассматриваться на данном этапе лишь как потенциальные суффиксы» [Федюнева 1985: 99].

5.6. Деепричастие – предикат объекта

Исследователи фиксировали конструкции коми-зырянского типа с деепричастиями **-иг**, **-игӧн**, выступающими в качестве вторичных предикатов

объекта, еще в XIX в.: Ф.Й. Видеман [Wiedemann 1884: 167], П.И. Савваитов [Савваитов 1850: 115], Д.В. Бубрих [Бубрих 1949: 141], В.С. Суханова [Суханова 1951: 8], Д.Р. Фокош-Фукс [Fokos-Fuchs 1958: 308–309]. Г. Штипа определяет их как «Objektsätze mit nominaler Verbalform als Prädikativ» («accusatives cum prädicativo») [Stipa 1960: 185], Ю. Юликоски как «objektin sekundäarisinä predikaatteina» [Ylikoski 2001: 212–216]. В предложениях с данными конструкциями у деепричастия «не наречное, а иное качество, близкое к качеству имен прилагательных» [Бубрих 1949: 141]. При глаголах, обозначающих говорение, чувствование или мнение, вместо дополнительных придаточных предложений могут употребляться обороты с винительным падежом и образованием на *-игӧн*, *-иг*: *Тэӧ тайӧ ю йылас шуӧны олигӧн* (В. Юхнин) (букв. 'Тебя на верховье этой реки называют живущим'), т.е. 'Говорят, что ты живешь в верховьях этой реки'. Чаще всего подобные конструкции образуются с глаголами *чайтны* 'считать, думать', *шуны* 'говорить', *аддзыны* 'видеть, увидеть'. Предложения с вторичным предикатом объекта, выраженным деепричастием на *-иг*, *-игӧн*, среди пермских языков встречаются в коми языке. Данные конструкции могут быть обозначены как «сложноспаянные», сопоставимы с конструкциями в других языках, напр., со сложным дополнением «Accusativus cum infinitivo» в латинском, с инфинитивными конструкциями «complex object» в функции сложного дополнения в английском языке, со структурами, в которых в качестве предикативного члена употребляется инфинитив глагола. I saw him run (objective with the infinitive), или с объектными причастными конструкциями «The Objective Participial Construction, напр., He saw him running (objective with the participle) [Качалова, Израилевич 2005:292–293]. В таких предложениях «словосочетания не являются предложениями, а лишь членами предложений (сложным дополнением). Связь между их компонентами называется вторично-предикативной, так как она является вторичной по отношению к предикативной связи между подлежащим и сказуемым, формирующей предложение. Соответственно составные элементы вторично-предикативных структур не являются подлежащим и сказуемым. Поскольку вторично-предикативная конструкция не является предложением, она не может употребляться изолированно, а всегда является лишь частью предложения» [Вторичная предикативность]. В русском языке такие обороты обычно передаются придаточным дополнительным (изъяснительным) предложением с союзом *что*, в коми языке также существуют эквиваленты с придаточным дополнительным предложением с союзом *мый* 'что'. В коми языке конструкции с объектными деепричастиями по большей части характерны для разговорной речи, зафиксированы в словарях, исследованиях, произведениях художественной литературы. Примеры:

kolig- : oz (o : ož)- šu koligîn Le (III 453) er sagt, dass er es nicht brauche (eig. er sagt nicht, dass er es brauche).

коліг: Оз шу колігын 'Он говорит, что ему не нужно'; *ковны* 'быть нужным, необходимым', *коліг* деепр. форма от *ковны* (Fokos-Fuchs 1959 I: 468)

Сэсса таво коль бура артмѡма, **чайтѡны бур прѡмыс лоиг** – ур кыйны кутасны (Савин 1962: 517) 'В этом году шишки хорошие уродились, считают, что хорошая добыча будет (букв. считают хорошую добычу станущей) – будут белку промыслять'; *Медся интереснѡй пѣсаыд сэки, кор видѡдысь (либѡ лыддысь) бѡрьявылѡдыс оз гѡгѡрво веськыд помсѡ (развязкасѡ), кор найѡ чайтѡны ѡти ног лоиг, а бергѡдчас дзик мѡдарѡ* (Савин 1962: 608) 'Пѣса интереснее всего тогда, когда зрители (или читатели) до конца не знают развязки, когда они считают, что будет так (букв. считают становящимся таким образом), а получится совсем по другому'; *Сэк ме эг чайт тѡнѡ сѡтшиѡмѡн пыр лоиг* (Шаманов 1985: 278–280) 'Тогда я не ожидал, что ты всегда будешь такой (букв. постоянно такой являющейся)'; *ѡш бѡрын сэсса шыѡдчис вѡв: – Ме сѡдз жѡ чайта лоиг. Вины найѡс ѡдѡджык колѡ, вины!* (Тима Вень 2010: 209–213) 'После быка отозвалась лошадь: – Я считаю, что так и будет. Убить их надо быстрее, убить'; <...> *кутшиѡм сѡбкыд овлѡ мамлы, кор сѡйѡ аддѡ ассыс юрсянѡнсѡ сѡтчигѡн, кылѡ рѡзбойник пурт улын челядыслысь горзѡмсѡ, но сѡмын аддѡ и кылѡ, а отсавны оз вермы <...>* (Юхнин 1949б: 4–34) '<...> как тяжело бывает матери, когда она видит свое жилище в огне (букв. горящим, при горении), слышит крик своих детей под ножом разбойника, но только видит и слышит, а помочь не может <...>'; *Повзѡма, рынышѡ чайтѡ сѡтчигѡн* (Юхнин 1981: 160) 'Испугался, думает, овин горит (букв. думает овин горящим)'.

5.7. Переход деепричастий и деепричастных сочетаний в категорию служебных слов

Девербализация деепричастий в коми языке приводит к возникновению так называемых функциональных омонимов. Кроме адвербиализации, у деепричастий можно наблюдать также переход в послелого с расширением функционирования коми языка в различных сферах речи: публицистической, деловой, научной и т.д., а также благодаря влиянию контактирующих языков, прежде всего русского. Так появляются деепричастные обороты, имеющие характер вводных слов и сочетаний, междометий-коммуникем, послелогов и союзов.

Переход деепричастий в послелого имеет место в коми-пермяцком литературном языке, в котором к деепричастию восходит послелог *вотѡдз 'до'* (букв. до прихода). Глагол *воны 'прийти'* (в отличие от коми-зырянских

диалектов) вышел из употребления коми-пермяков, сохранившись в форме терминативного деепричастия в качестве темпорального послелого. В языке наблюдается конкуренция терминативных форм: деепричастий на *-töddz* и послеложно-именных сочетаний имен действия с послелогом *вотöddz*. Как отмечает Г.А. Некрасова, перераспределение функций между падежами и послелогом в пермских языках началось уже в прапермский период. Послелог, предназначенный для уточнения значений падежных форм, становится основными носителями релятивных функций. <...>. Частичное и полное вытеснение падежа послелогом наблюдается в отдельных коми и удмуртских диалектах. <...> Отмечается тенденция вытеснения терминатива <...> и в коми-пермяцких диалектах: кп. *локтöм вотöddz* (Npost) // *локтöddz* (CONV) [Некрасова 2005: 159], напр., *Видзчисьыштö уж, терпITYшTö эшö невночкасö кынтöм вотöddзас* (Фадеев, Биля 2006) 'Подождите уж, потерпите еще немного до морозов'; *Ачыс фермаыс сыын уджалысь отирöн да подаён, кыдз бöртжык юöртис старик, эшö кöddзöттöddзас ештöм вуджны деревняö* (Фадеев, Биля 2006) 'Сама ферма со всеми работниками и скотом, как позднее сообщил старик, еще до похолодания успела перейти в деревню'; *Зонка веритис: мый бы сэтчин эз вöв, гортö петан вотöddз ния Маринакөт не только пантасясö, но и баитчасö öтлаын мунöм йылысь* (Фадеев, Аддзисыльтöдз, Марина 2006) 'Парень верил: что бы там ни было, до выхода из дому они с Мариной не только встретятся. Но и договорятся о совместной поездке'; <...> *Кудым-Ош бöра лöсьöтчö мунны Кама кузя шоньт музöд. Туйö петтöddз чукöртчасö луд вылö* <...> (Оласö 1990: 256) '...> Кудым Ош вновь собирается идти по Каме в теплые края. До того как выйти в дорогу, собрались на лугу <...>'.

В данном аспекте обращает на себя внимание также коми-зырянское деепричастие *вотöddz* 'до прихода, не доходя', которое в определенных условиях (с лексемами локальной семантики, в предложениях бытийного типа, в предложениях, где сказуемое выражено глаголами стативной семантики, глаголами положения, бытия – стоять, лежать, находиться, быть, пролегать и т.д.) – реализует пространственное значение (где?) *вотöddz* 'до, за, близко, вблизи от чего-н.', сопоставимое со значением, передаваемым предлогом *не доходя* (до) русского языка, демонстрируя признаки послелога с пространственным значением (*кöни* 'где'), не передает обстоятельственного значения, свойственного деепричастным оборотам, напр.: *Сэсся Одыбö вотöddз шор выйим да сйö кутас шусьыны Рыся-Нöкъя Шор* (Коми йöзкостса 2006: 37) 'А дальше не доходя до Одыба есть ручей, и будет затем он называться Рыся-Нöкъя Шор (букв. творожно-сметанный ручей)', ср.: *Одыбöдз шор выйим* 'До Одыба ручей есть'; *Шуйгавылын, сиктö вотöddз ыджыд полой* (Лыпоров 1963: 119–131) 'Слева, до села, большая протока'; *Ыбвыс сиктö вотöddз эм неыджыд грезд* (Лыпоров 1974: 74–159) 'Не до-

езжая до села Ыбыв есть маленькая деревня»; *Крокалёв вотёдз ичотик шор дорын, веськыдвылас сулалё отка керка, өшиньёдыс дзугзыштё би югөр* (Нёбдинса Виттор 1985: 102–118) 'До Крохалево у небольшого ручья, справа стоит одинокий дом, в окнах горит свет'; *А нюръяс вотёдз, верст кум ылнаын, эм гогрөс видз, ми сэтысь турун вёли ытшыкылам* (Козлова 2002: 61–123) 'А до болот, примерно за три версты, есть круглый луг, мы там бывало траву косили'; *Сиктё верст вит вотёдз Веня сулаліс, сылысь чөскыд кампетсё нёнялысьыс* (Лодыгин 2007: 107–113) 'За пять верст до села стоял Веня, сосатель (букв.) его вкусных конфет'. В приведенных примерах налицо ослабление значения действия деепричастия, согласно исследователям, «преобладающим для классических бытийных предложений следует считать пространственное представление о мире» [Арутюнова 2009: 212].

Деепричастия коми языка востребованы в сфере образования служебных слов послелогов. В отличие от коми-пермяцкого послелога *вотёдз*, возникшего на собственно коми-пермяцкой почве, эти послелогии вошли в язык через заимствование (калькирование), которое представляет собой «скрытое заимствование, воспроизводящее внутреннюю структуру иноязычного оригинала» (кальки являются не материальными, а структурными заимствованиями) [РЯЭ 1998: 175]. Известно, что в русском языке некоторые деепричастия (*несмотря на, невзирая на, смотря по, исходя из, начиная с, благодаря, спустя, не считая*) перешли в предлоги. К.Е. Майтинская требует строго разграничивать заимствованные предлоги / послелогии, т.е. единицы, вошедшие в язык уже в качестве релятивной единицы, и те, которые к заимствованным не могут быть отнесены, так как в период заимствования в языке-источнике еще не употреблялись в качестве релятивных слов, формирование релятивной единицы произошло уже в языке-реципиенте. В коми языке она приводит примеры заимствованных послелогов *ради, оприч, на, по* [Майтинская 2010: 47–50]. На основе данного положения некоторые конструкции с деепричастием на *-төг* в коми языке возможно квалифицировать не как деепричастный, а как послеложно-именной оборот. Так, в конструкции «существительное + послелог *вылӧ* + деепричастие *видзӧдтӧг*» в современном коми языке деепричастие *видзӧдтӧг* функционирует как: 1) знаменательное слово, образуя оборот «не смотря на что-кого-л., не обращая внимания на кого-что-л.»: *Сылӧн жугыла нюкырмуніс чужӧмыс, шуис ме вылӧ видзӧдтӧг*: <.> (Торопов 2003: 115) 'Его лицо грустно скривилось, сказал, не смотря на меня: <...>'; *Некод вылӧ видзӧдтӧг, чушъялана юаліс* (КРС 2000: 722) 'Не глядя ни на кого, он сердито спросил'; *Дуня да Зоя, лавошник видчӧм вылӧ видзӧдтӧг, век жӧ петкӧдісны тӧйткаӧс улич вылӧ* (Изьуров 1984: 65) 'Дуня и Зоя, не обращая внимания на ругань лавочника, всё же вывели тётку на улицу'; 2) в качестве послелога уступки «при указа-

нии на обстоятельство или ситуацию, которые противоречат осуществляемому действию или его результату, но не могут их отменить» [ОСРЯ 2003: 222]. В двух типах конструкций можно заметить зависимость между семантическим типом имени и синтаксическими отношениями: в конструкции первого типа используются имена конкретной семантики (вещественные, предметные), являющиеся объектом, на которое переходит действие, выраженное каритивным деепричастием *видзöдтöг* (от глагола *видзöдны*), в конструкциях второго типа имя имеет событийную, пропозитивную семантику: *Зэр вылö видзöдтöг, то öтилайн, то мöдлайн пемыдас кылсны йöз шыяс* (Юхнин 1981: 97) 'Невзирая на дождь, то тут, то там в темноте слышались людские голоса'; *Кассяна во вылö видзöдтöг, вöли 47 көлысь* (Парма гор 2012, 30.07.) 'Несмотря на високосный год, сыграли 47 свадеб'; *Сэни кужöны артавны быд шайт, пыр зильöны пыртны уджö став выльсö да весиг кризис вылö видзöдтöг вöчöны водзö тöдчана воськовьяс* (Коми му 2010, 20.04.) 'Там умеют считать каждый рубль, всегда стремятся к инновациям и даже, несмотря на кризис, шагают вперед'. В удмуртском языке аналогичная конструкция отмечена исследователями в качестве устойчивого сочетания: «Очень часто употребляется деепричастие *учкытэк* 'несмотря', сочетаясь посредством послелoga *шоры* с существительными отвлеченного значения и создавая таким образом устойчивые словосочетания, напр.: *Кышкам пинальёс, куазьлэн шулдырез шоры учкытэк, жöгак гурт палазы бызизы* 'Напугавшиеся дети, несмотря на хорошую погоду, быстро побежали в сторону своей деревни' [Перевошиков 1959: 132]. Судя по всему, конструкция с «несмотря на» есть также в современных мордовских языках, квалифицируется как обособленное обстоятельство (с отрицанием *апак*): эрзя. *Якшамонтë лангс апак вано, сынë секе жö танкантë вакссо кармасть ловномо газетатнень* (Сятко 1974, №3, С.54) 'Несмотря на холод, они у того же танка начали читать газеты' [Илькинова 1977: 12].

По нашим наблюдениям, конструкция с *вылö видзöдтöг* реализуется в современном коми языке также в значении предлога русского языка **независимо от**, синонимичного уступительному предлогу *несмотря на*: *Обособиттöм определениес кө век индö предметсылы кутшöмкö пыр лöсялана признак вылö, кад вылö видзöдтöг, то торйöдöмаыс босьтö када признак* (Лудыкова 1993: 82) 'Если обособленное определение всегда указывает на постоянный признак, присущий предмету, независимо от времени, то у обособленного признак связан с временем'; «*Тадзикöн, регионса олысьяслöн, предприятияслöн да организацияяслöн, эмбур сикас вылö видзöдтöг, лоис позянлун электроннöя босьтны государственнöй услугае* (www.rkomi.ru) 'Таким образом у жителей региона, предприятий и организаций, независимо от вида собственности, появилась возможность электронным путем использовать государственные услуги'; 2010

вося төвиөр төлысьлөн 1 лунсянь россияса олысьяс, кодьяслөн 2002 вося төвиөр төлысьлөн 1 лунөдз эм уджалан стаж, өтчыдысь босьтасны ыджыдджык пенсия, мый артыштöма пенсиялөн страхöвöй юкöнысь, да пенсия вылö петан во вылö видзöдтöг (www.rkomi.ru) 'С 1 февраля 2010 года у жители России, у которых до 1 февраля 2002 года имеется стаж работы, разово получают увеличенную пенсию, которая высчитывается из страховой базы пенсии, и независимо от года выхода на пенсию'. В некоторых случаях возможно двоякое толкование конструкций: *Войдöрджык, аслас ар-лыд вылö видзöдтöг, пыр ноксис том йöзкöд клубын* (Изьюров 1984: 188) 'Раньше, несмотря на свой возраст /не обращая внимания на свой возраст, все время занимался с молодежью в клубе'; *Со кутшöмкö ямичайтысь ныв, кöдзыдыс вылö видзöдтöг, горöдiс сьывны* (Торопов 2003: 57) 'Вот какая-то девушка-ямщик, несмотря на мороз / не обращая внимания на мороз, затянула песню'. Конструкции с уступительным послелогом (*вылö*) *видзöдтöг* активно используются в коми языке. Видимо, конструкция вошла в язык ближе к 30–40-м гг. XX в., **восполняя средства выражения уступительности коми языка**. В.М. Лудыковой также зафиксирован семантический союз сложноподчиненного предложения с уступительным значением *сы вылö видзöдтöг мый* 'несмотря на то (,) что' [Лудыкова 1995: 24].

Следует привести еще одну релятивную единицу, вошедшую в современный коми литературный язык из русского языка – отглагольный предлог **не считая**, который при калькировании в послелоги в коми языке реализуется двумя синонимичными по значению деепричастиями: *артавтöг* и *лыддьытöг* 'не считая', иногда *босьттöг* 'не беря в расчет'. Как известно, главным условием заимствования является билингвизм говорящих, их способность переключаться с одного языка на другой в процессе общения. Особая роль в этом отношении принадлежит некоторым социальным и профессиональным группам людей – дипломатам, переводчикам, журналистам, ученым и т.д. Из среды билингвов иноязычное слово распространяется в другие социальные группы говорящих и в разные сферы устной и книжно-письменной речи [РЯЭ 1998: 132]. В русском языке случаи предложного употребления **не считая**, согласно Е.Т. Черкасовой, фиксируются с конца XVIII в., условиями для укрепления значения, включающего в себя элемент релятивности, и для развития нового категориального значения в сочетании данной деепричастной формы с препозитивным не создаются в тех случаях, когда это сочетание соединяет слово, обозначающее нечто целое (совокупность, сумму чего-нибудь), со словом, обозначающим предмет или лицо, включаемые в это целое [Черкасова 1967: 242]. С другими вторичными предлогами обороты с предлогом *не считая* составляют конструкции сопоставительно-выделительного значения, которое можно наблюдать и в коми языке: *Главнöй машинаяссö, котельяссö, башняяссö,*

*артиллериясё, минной аппаратясё, радиорубкасё артавтёг, ме быд-
лаын зурасьлі кутшюмкё вспомогательной механизмъяс вылё, содтёд при-
боръяс вылё* (Новиков-Прибой 1940 // ЭККА) 'Не считая главных машин,
котлов, башен, артиллерии, минных аппаратов, радиорубки, я всюду на-
тыкался на какие-то вспомогательные механизмы, добавочные приборы';
*Тайё машинаыс вермё босьтны тэнё, и тэнсьыд мамтё, и тэнсьыд
батьтё, и тэнсьыд воктё, и чойтё, и бабтё, – квайт мортёс шофёрсё
лыддьытёг* (Маршак, Сегал 1957: 14–19) 'Эта машина может взять с со-
бой тебя, и твою маму, и твоего папу, и твоего брата, и сестру, и бабушку –
шесть человек, **не считая шофера**'; *Злодейыс, тыдалё, ён; а миян ставыс
сё комын морт, казакъясёс лыддьытёг, кодъяс вылё надеяыс омоль, мед
оз ло тэныд лёк вылё шуёма, Максимыч* (Пушкин 1954) 'Злодей-то, видно,
силен; а у нас всего сто тридцать человек, не считая казаков, на которых
плоха надежда, не в укор будет тебе сказано, Максимыч'; *Колесниковёс
артавтёг вёлім сизимён* (Беляев 1968: 56–59) 'Не считая Колесникова, нас
было семеро'; *Кызь керкаыс на эз вёв Овкёджас, да уна мунысьыс вылё
Бияр эз и артав, морт сизим вылё сёмын, асьсё лыддьытёг* (Юшков 2001:
212) 'Меньше двадцати домов было пока в Овкедже, да Бияр на много пере-
селенцев и не рассчитывал, лишь человек на семь, не считая себя самого';
– *Ми, том йёз, арнас на лыддим нывъястё, да ёти зон вылё кык ныв вёд.
Сійё, быттьё, Ёгруньёс ещё кодсюрёс артавтёг на* (Юхнин 1981: 219)
'Мы, молодежь, еще осенью пересчитали невест, и на одного парня при-
ходится две девушки. Это, как бы не считая Огруню и еще кое-кого'; *Ошка-
на уджыс и миян диалектологъяслён. Сёмын Коми республикаыс (Коми
пермяцкий округ босьтмёг) ми лыддям коми кывлысь дас диалект* (Ва-
неев 1969а: 50) 'Достойна похвалы и работа наших диалектологов. Толь-
ко в Республике Коми насчитывается десять диалектов (не считая Коми-
Пермяцкого округа)'. Учитывая, что одним из главных отличий отгла-
гольных предлогов / послелогов от форм глагола (деепричастий) является
невозможность замены отглагольного предлога глаголом, как это бывает
при деепричастиях, а также возможность синонимичной замены другими
предлогами/послелогам, чаще – непроизводными, можно отметить, что в
оборотах с заимствованными предлогами / послелогам слово *артавтёг*
или *лыддьытёг* 'не считая' может быть заменено коми послелогам
кындзи, ётдор, ёприч 'кроме', в отличие от деепричастных оборотов от гла-
гола *артавны* 'считать', для сравнения:

Деепричастный оборот

*Татшюм яндзим да забеднё
сылы некор на эз вёвлы, быттьё
ставсё вёчис вётын моз, тырвыйё*

Послеложный оборот

*Шуны кё, войвыв йёзлён
паськёмын вёлёма пырджык ёти-
кык рём, еджыд рёмсё артавтёг*

водзвые урчиттӧг да **артавтӧг** (Рочев 1976) 'Так обидно и стыдно ему никогда еще не было, будто все делал как во сне, заранее окончательно не определив и не рассчитав'.

(Латышева 1996: 6–18) 'Если заметить, в одежде северян чаще присутствовало один-два цвета, не считая белого'.

В предложении обороты могут быть в начале, в интерпозиции и постпозиции. В качестве релятивных слов **артавтӧг** / **лыддытӧг** управляют аккузативом, существительное или заменяющее его слово стоит в форме аккузатива (к примеру, послелог **кындзи** управляет элативом и аккузативом, послелоги **ӧтар**, **ӧтдор**, **ӧприч** – только элативом [ӖКК 2000: 439]). В грамматиках коми языка [напр., СКЯ 1967; Лудыкова 1993] обороты с синонимичными послелогами **кындзи**, **ӧтар**, **ӧтдор**, **пыдди**, обозначающими лицо или предмет, включаемый или, наоборот, исключаемый из ряда других лиц и предметов, в предложении принято относить к обособленному дополнению.

Релятивные черты можно отметить и у других деепричастий. Так, деепричастия **заводитчӧмӧн**, **заводитӧмӧн**, **помалӧмӧн** используются для выражения релятивных отношений, сходных с теми, которые передают предлоги русского языка *начиная с*, *начиная от*, *кончая*: **Кончая** *предлог с твор. п.* Включая кого-, что-л., вплоть до кого-, чего-л. (обычно в сочетаниях: *начиная с...*, *кончая...*; *начиная от...*, *кончая...*); **Начиная** 1. включая кого-, что-либо; вплоть до кого-, чего-либо (обычно в сочетании *начиная с (от)...* *кончая...*; 2. *предлог с род. п. (в сочетании с предлогами „с“ или „от“: начиная с, начиная от)*. Считая от чего-л. (при обозначении даты), имея в начале кого-, что-л. [СРЯ 1999], напр.: *Романлӧн мӧд книгаыс печатайтчис отрывокъясӧн уна газетъясын да журналъясын 1954 восянь заводитчӧмӧн* (Югид туй 1961. 23.03) 'Вторая книга романа печаталась отрывками во многих газетах и журналах *начиная с 1954 года*'. Рассуждая о стилистике релятивных слов в пермских языках, о пополнении релятивных слов за счет знаменательных частей речи, Е.А. Игушев приводит деепричастия с суффиксом *-ӧмӧн*, перешедшие в релятивные слова, от глаголов *босьтны* 'взять' (скорее, здесь нужно говорить о глаголе *заводитны* 'начать' в данном примере, примеч. наше), *помавны* 'закончить' – *босьтӧмӧн* (*заводитӧмӧн* – *начиная от*), *помалӧмӧн* (*заканчивая*): *Ставӧн – юралысь Матвеевайӧн заводитӧмӧн да СПТУ-ын велӧдчӧм Уляшовайӧн помалӧмӧн – уджалӧны сьӧлӧмсяныыс* («Югид туй») 'Все, *начиная от* председателя Матвеевой и *кончая* выпускницей Уляшовой, работают добросовестно' [Игушев 1990б: 196–199]. В данном примере исследователь связывает применение данных послелогов с приданием большей экспрессивности сочетаниям по сравнению с нейтральными формами *Матвеевасянь* 'от Матвеевой', *Уляшовайӧдз* 'до Уляшовой'.

Междометия по значению могут являться сигналами для людей и животных [КПЯ 1962: 318–319]. К междометию – этикетной коммуникеме (формуле) прощания, которая используется с целью завершения контакта, следует отнести слово *аддзысьлытöдз* 'до свидания' в коми, напр., *Аддзысьлытöдз, ёрттэз!* (Федосеев 1991: 148) 'До свидания, друзья'. Этикетные коммуникемы обслуживают сферу деятельности субъекта речи с точки зрения морально-этических норм поведения и являются разновидностью коммуникем. Коммуникемы – это «коммуникативные непредикативные единицы синтаксиса, представляющие собой слово или сочетание слов, грамматически нечленимые, характеризующиеся наличием модусной пропозиции, нерасчлененно выражающие определенное непонятийное смысловое содержание (т.е. не равное суждению), не воспроизводящие структурных схем предложения и не являющиеся их регулярной реализацией, лексически непроницаемые и нераспространяемые, по особым правилам сочетающиеся с другими высказываниями в тексте и выполняющие в тексте реактивную, волюнтаривную, эмоционально-оценочную, эстетическую и информативную функции» [Меликян 2001: 31].

5.8. Деепричастные конструкции в функции средства формирования субъективно-модального значения – вводного сочетания

Деепричастия и деепричастные обороты могут представлять конструкции, функционирующие в предложении в качестве средства формирования субъективно-модального значения – вводных сочетаний. Вводное слово – это слово (либо словосочетание), которое входит в состав предложения, но не вступает с его членами в синтаксическую связь. Обычно оно дает сведения об источнике сообщения или связи с контекстом, а также выражает отношение к высказыванию (оценку). Деепричастные конструкции в качестве вводного элемента предложения «вносят вклад не в событийное содержание предложения, а в его модус, обеспечивают выполнение кодекса речевого поведения, <...> используются для экспликации речевого компонента. Такие обороты грамматикализованы и включаются в состав особого класса модальных слов – модальных словосочетаний (фразеологических единиц)» [Розенталь 1974: 324; Шмелева 1984: 64–70], напр., кп. – *Ме сета [сүсö], ловьясь лоам дак, – шуис Матвей. – Миян, не вомдзальмён, шогмыштис бёра* (Исаев 1997: 328) '– Я дам (зерна), если живы будем, – сказал Матвей. – У нас, чтоб не сглазить, снова уродилось', в коми языке деепричастная конструкция *кыв шутöг* 'безусловно, конечно, без слов' может выступать в предложении в качестве вводного сочетания со значением уверенности, бесспорности: *Кыв шутöг, быттьö эськö и оз этиша вöчсьы коми культуратö сөвмöдм могысь* (Коми му 2009, 3.02.) 'Безусловно, вроде и немало делается для развития коми культуры', а также в роли обстоятель-

ства: *Сійō водзвыв тōдiс, мый <...> англичанин лорд Клоп, <...> кыв шутōг вынсьōдас тайōс* (Юхнин 1981: 229) 'Он заранее знал, что <...> англичанин лорд Клоп <...>, не говоря ни слова, утвердит это'. В коми языке получило развитие сочетание вводного характера с деепричастием *помнитōгн, помнитмōн* 'помня', образованное, видимо, под влиянием вводного сочетания 'по воспоминаниям кого-либо' русского языка, указывающего на источник сообщения, определенных сведений (как правило, одушевленного лица): *Сиктса йōз помнитōгн Уल्याна пыр нин вōлi ѓткодь: пōрьсы, но збодер, кыв вылō ёсь* (Изьюров 1984: 191) 'По воспоминаниям сельчан, Уल्याна всегда была неизменна: старая, но бодрая, острая на язык'; <...> *сэсья [Руфим Юрьевич] дōзмōма кысьясъсны туйастōгьд, <...> да <...> сетчōма Из сайō либō Кардорлань, и, ѓнiя йōз помнитōгн, сийōс некод нин абу аддзывлōма татчōсiнъясысь* (Рочев 1984: 45) '...> затем [Руфиму Юрьевичу] надоело таскаться по бездорожью, <...> и он подался то ли за Урал, то ли в Архангельск, и, по воспоминаниям нынешних жителей, его тут уже никто не видел'; *Татийōм бурдōдысь аньясыс вōлины, менам помнитōгн, быд коми сиктын. Кодкō веськōдлiс кок да кынōм. Кодкō бурдōдлiс турун ваѓн кынōм пытикōс* (Йōлōга. 2012. 9 кōч) 'Такие женщины-врачеватели, по моим воспоминаниям, были в каждом коми селе. Кто-то правил ноги и желудки. Кто-то лечил внутренности травяными настоями'. К вводным сочетаниям относятся также конструкции с деепричастиями на -ѓмōн. В качестве *вводной конструкции* с собственным субъектом они указывают на источник сообщения: *Миян видзѓдѓмōн абу Ягыс танi ѓна лѓк* (М. Лебедев) 'На наш взгляд, лес тут не так уж и плох'; *Менам чайтѓмōн аски поводдяыс оз на ѓна кōдзѓдѓд* 'Я считаю, завтра еще не так сильно похолодает' (ОКК 2000: 384).

На рост и распространение калькированных деепричастных оборотов – вводных сочетаний в различных сферах коми литературных языков явное влияние оказал русский язык, в котором следует отметить «широкое употребление “клишированных деепричастных оборотов, служащих самокомментированию”». Они а) определяют место данного высказывания в структуре текста: *подводя итоги, обобщая сказанное* и под.; б) определяют степень детализации описания чего-либо: *не вдаваясь в детали, не останавливаясь на подробностях* и под.; в) «оценивают речевые средства высказывания»: *образно говоря, грубо говоря, мягко выражаясь* и под. Деепричастные сочетания первых двух типов сближаются по функции со словами-конкретизаторами, выражающими различного рода отношения между фрагментами высказывания или текста: присоединение, уточнение, выделение, сопоставление и др. <...>. Служебные языковые единицы, являющиеся «специальным показателем связи» между фрагментами текста, А.Ф. Прияткина называет «скрепами» (типа *к тому же, значит, тем не*

мене) [Панова 2010: 348–349, 391–392]. Подобные структуры успешно заимствуются коми языком (главным образом через калькирование), напр., *А сэтчӧдз... Воськыда кӧ шуны, сэтчӧдз и олӧмыс мян эз тыдавлы. «Кыдзкӧ да мыйкӧ», «ен да бур йӧз» отсавлісны. <...> Восьсӧнджыкӧн шуӧмӧн: сьӧкыд олӧм, поп да кулак* (Савин 1962: 611) 'А до этого... Если говорить прямо, до этого и жизнь наша была беспросветной. «Как-то да что-то (авось)», «бог да хорошие люди» помогали. <...> Откровенно говоря: тяжелая жизнь, поп и кулак'. К конструкциям вводного характера – конкретизатора можно отнести широко функционирующую в коми языке конструкцию – сочетание *та (сы) выль видзӧдтӧг* 'несмотря на это, при всем при том, тем не менее', зафиксированное в Коми-русском словаре (КРС 2000: 99) и представляющее собой кальку из русского языка сочетания «несмотря на это, тем не менее», с указанием на отношения между частями высказывания [Правила 2007: 263], напр., – *Каръясын да районъясын воссисны спорт объектъяс, выль ФАП-ъяс да больничаяс, культура учрежденияс. Та выль видзӧдтӧг, менӧ майшӧдлӧ сійӧ, мый выль делӧ да проект лыдыс кадъс кадӧ пыр чинӧ, – <...> пасйис Коми Республикаса Юралыс* (Официальный интернет-портал Республики Коми – www.rkomi.ru) '– В городах и районах открыты спортивные объекты, новые ФАП-ы и больницы, культурные учреждения. Тем не менее, меня беспокоит то, что количество новых проектов время от времени постоянно снижается', – отметил Глава Республики Коми'; – *Эска, мый тайӧ кокньӧдас олӧмсӧ районнын олысьяслы. Та выль видзӧдтӧг, ме гӧгӧрвоа, медым помӧдз пӧртны олӧмӧ тайӧ могсӧ, мянлы колӧ пуктыны ыджыд вын, – висьталіс Коми Республикаса Юралыс* (Официальный интернет-портал Республики Коми – www.rkomi.ru) '– Верю, что это облегчит жизнь жителям районов. Тем не менее, я понимаю, чтобы претворить в жизнь эту задачу, нам необходимо приложить большие усилия, <...> – отметил Глава Республики Коми'. В русском языке сочетание *тем не менее* имеет статус 1) частицы, синонимичной частицам *всё-таки*, *всё же*, обычно употребляется с противительными союзами *но*, а для смягчения выраженного союзами указания на несоответствие содержания частей сложносочиненного предложения; 2) противительно-уступительного союза (часто в сочетании с союзами *и*, *но*, *а*) и употребляется для присоединения второй части сложносочиненного предложения и указывает на то, что названное в ней событие, факт совершается вопреки тому, о чем говорится в первой части, синонимично союзам *а, однако, но, же, все же, всё таки*, и [ОСРЯ 2003: 344–345]. Кроме того, в современном русском языке сочетание уже используется в качестве вводного сочетания, «указывающего на отношения между частями высказывания» [Правила 2007: 263].

5.9. Контекстуальные особенности деепричастий и деепричастных конструкций в коми языке

Одним из важных свойств деепричастий и других глагольных форм, отмеченных исследователями, является участие в текстопостроении: «основное назначение <...> вторично-предикативных структур (инфинитивных, причастных и деепричастных оборотов) заключается в тексторазвертывании и текстопостроении» [Богданов 1981: 10]. Деепричастия и деепричастные конструкции способны функционировать самостоятельно, независимо, находясь в позиции заголовка – одного из компонентов текста, напр.: «*Питирим Сорокинӧс казътывлӧгӧн*» (Лужиков 1991: 76) название стихотворения 'Вспоминая Питирима Сорокина'; скр. *челядьлы онмӧсьтігад* (ЗТ 1996: 20) – *челядьлы онмӧсьтігад* – название песни 'Детям во время укладывания их ко сну'; *Важ германскӧй война вылӧ мужикӧс кольӧдӧгӧн* (ИФ 1980: 57) 'Провожая мужа на прошлую германскую войну' (название плача); *Фронт вылӧ мунӧгӧн* (ИФ 1980: 58) 'Уходя на фронт' (название плача); «*Бӧрынтьчигӧн*» (название произведения В.А. Савина) 'Во время отступления'; «*Кыа петӧгӧн*» (название романа Г.А. Федорова) 'Когда наступает рассвет', «*Воркута чужигӧн*» (Дёмин 1987: 47) 'Когда рождалась Воркута' (название очерка); в сочетаниях: вв. *Гӧстинец босьтіген иуалӧні* (ОКЗР 1971: 66) 'Приговаривают во время получения подарков' – название приговора с указанием времени его исполнения; *Пӧлӧченчи сетӧгӧн бӧрдӧм* (ВСМ 1986: 54) 'Во время передачи рушника (букв. рушник отдавая)' – название причитания с уточнением времени его исполнения. В коми-пермяцком литературном языке: *Ырӧш керикӧ* 'Во время изготовления кваса' (название анекдота) (Оласӧ 1990: 229); «*Гӧсьтітікӧ*» (название рассказа) 'В гостях (букв. гостя)' (Баталова 1975: 243); «*Туримолялікӧ*» (название рассказа) 'Во время сбора клюквы' (КПГ 1980: 50); «*Ягӧдалікӧ*» (название рассказа) 'При сборе ягод' (КПГ 1980: 54); «*Морошкаалікӧ*» (название рассказа) 'При сборе морошки' (КПГ 1980: 55). Относясь к конструкциям обстоятельственного порядка, деепричастные обороты «обладают важной чертой, присущей этой группе членов предложения – определенной смысловой самостоятельностью, "автономностью" большинства обстоятельств. Обстоятельственные значения, как правило, оказываются ясными и вне связи с определенным словом, вне предложения. Это обусловливает, в частности, возможность их изолированного употребления в заголовках» [Скобликова 2009: 223].

В текстопостроении активна роль деепричастий и ДК с *-иг*-овыми формами. В этом случае «если предложение начинается с деепричастия, то это деепричастие очень часто повторяет последний глагол предыдущего предложения» [Недялков, Отаина 2012: 190]. Повторение деепричастиями в начале предложения информации, заключенной в конце предыдущего

предложения, используется для связности текста многими языками: индоевропейскими, папуасскими, чукотским и др. [ТФГ 1987: 316]. В коми языке деепричастия «повторяют» глагол предыдущего предложения, напр., *Тадзнад пö ми тиыг кулам, сёрнитöны [вокъяс]. Оккурат сійö сёрнитігöн ош кыпöдчис колода бокысь* (ВСМ 1986: 139) 'Так мы с голоду умрем, разговаривают [братья]. Аккурат в момент этого разговора (букв. тогда разговаривая) медведь поднялся возле колоды'; лл. *Первой корасясны, сзсься ки кутöнö. Ки кутігын морт дас сэнi вöвлö* (ОКЗР 1971: 157) 'Сначала сватаются, потом совершают обручение (рукобיתье). Во время обручения (деепр.) человек десять там присутствует'; *Сія кыскис деньга, Ванькалы сетіс. Ванька дөрöм мыччис. А мыччигас сьлөн кыыс кытчöкö крука-сис, кутишöмкö ёкмыль кодö* (ВСМ 1986: 139) 'Он вытащил деньги, отдал Ваньке. Ванька рубаху подал. А подавая, его рука на что-то наткнулась, на какой-то сверток'; печ. *Мэдыджыд йöнсö пэткöдöны му вылысь улича вылö. Петкöдигас сьылöны <...>* (ПД 1976: 135) 'Самый большой осот с поля выносят (выбрасывают) на улицу. Выбрасывая, поют <...>'; вв. *i murtsa vermas ivan daskik – jura gundir'lies faskini. f'askigmoz ivan kerishtas gkmis jur <...>* (ST IV. 1995: 16) 'И еле смог Иван двенадцатоголового дракона к земле прижать. А пока прижимал, отрубил девять голов <...>'. Предложения могут разделяться различными вставками-отступлениями, напр.: *А рытнас вайи Наташалы стахановскöй паёк – проса рок да немыын кампет.* + [абзац с размышлениями о каше, с каким трудом она досталась и ее описанием – несколько предложений].+ *Вайигöн ме некыдз ог вöлі вермы вештыны тасьті вывсьыс синьясöс* (Торопов 2003: 58) 'А вечером принес Наташе стахановский паек – пшеничную кашу и несколько конфет. <...> Пока нес (букв. неся), никак не мог отвести глаз от миски'.

Деепричастные конструкции «повторяют» не только действие, выраженное глаголом, но и члены предложения, выраженные именем действия, инфинитивом в предшествующем предложении: *Торъя нин ёна налы кажитчис учителькöд вөрö да ю дорö ветлöмъяс. Сыкöд ветлігöн, сылысь кывзігöн, вöля вылыс быттьö ловзылыс, быдторлөн, вöлöмкö, аслас олöм, аслас история да аслас места чудеснöя стрöбитöм мирын* (Юхнин 1981: 84) 'Особенно им нравились прогулки с учителем в лес и на реку. Во время прогулок с ним, от его рассказов (букв. прогуливаясь с ним, слушая его), окружающее как будто оживало, у всего, оказывается, своя жизнь, своя история и своё место в чудесно устроенном мире'; *Гортас корасны сёйны [кык вок]. Сёйигас ичöтик пыид кутас бöрдны* (Цембер 1913: 38) 'Позовут домой обедать [два брата]. Во время обеда (букв. обедая) младший сын начал плакать'; вв. *Коркэ кум ая-пия мунасні вöрасьні арся вөрэ Чимья вөрөкэ. И вöрасик кості Тимались пон тишыкедас изьвайывса вöрасись* (ST IV. 1995: 70) 'Однажды пойдут отец с сыновьями втроем охотиться в

осенний лес в Чиньяворык. И во время охоты (буков. охотясь) собаку Тимы сглазит (испортит) охотник с верховьев Ижмы’.

Деепричастия и ДК могут парцелироваться. Согласно Н.С. Валгиной, «расчленение и сегментирование синтаксических построений в языке рассматривается как отход от «классических», синтагматически выверенных синтаксических конструкций с открыто выраженными подчинительными связями и относительной законченностью грамматической структуры, что является результатом усиления влияния разговорного синтаксиса на письменную речь. Отрыв от основного предложения, прерывистый характер связи в парцелированных конструкциях, функция дополнительного высказывания, дающая возможность уточнить, пояснить, распространить, семантически развить основное сообщение, – вот проявления, усиливающие логические и смысловые акценты, динамизм, стилистическую напряженность» [Валгина 2003: 192]. Авторы художественных произведений в коми языке также прибегают к приему парцелляции, в котором одним из наиболее распространенных парцеллятов является атрибутивное прилагательное [Цыпанов 1998: 344; Лудыкова 2008: 183–190]. Парцелироваться могут также деепричастия и деепричастные конструкции, если необходимо коммуникативно усилить роль обстоятельственного аспекта обозначенной ситуации: *Мыйта дднзис-вичмис татишм бабаясылы кузь война чджнад! Вердсьястдг олигад. Мужичдй уджтд вдчигдн* (Торопов 2003: 96) ‘Сколько выпало на долю этих женщин за всю войну. Живя без мужей. Выполняя мужской труд’; *А кор костыс паськалс, ми кватитм кузь зибьяс да найдн кутм пыкны-йоткыны ота-мднмдс. Син немдытддз йоткыны* (Торопов 2003: 29) ‘А когда проем стал шире, мы схватили длинные шесты и начали ими опираться-отталкивать друг-друга. До потемнения в глазах (деепр.) отталкивать’; – *Март помддз! Тдвся туй усьтддз! Некутишм шойчдм оз ло! – выльысь шуис Шура Рубакин* (Торопов 2003: 116) ‘До конца марта! Пока не испортится дорога (деепр.)! Никакого отдыха не будет! – вновь отрезал Шура Рубакин’; *Од сидсд ме бытьд и абу чорыд морт, мед эськд тадзи вузьысьны кодкд вылд да топдны сййс. Торйдн нин помддз докажиттдг... Но сидз тай со артмис* (Торопов 2003: 87) ‘Сам-то я вроде и не грубый человек, чтобы вот так накинуться на человека и прижать его. Тем более окончательно не доказав... Но вот так получилось’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Деепричастия в коми диалектах и литературных языках входят в систему именных глагольных форм, обладают сложным набором глагольных, именных и наречных признаков, генетически связаны с отглагольными именами. Среди пермских языков коми отличается наиболее развитой системой деепричастий, которые функционируют в литературном языке, диалектном континууме. Исторически деепричастия и деепричастные обороты связаны с развитием структуры сложного предложения, которое имело характер синтетической полипредикативной конструкции. Аффикс деепричастия, выступавшего в качестве сказуемого зависимой части, сочетал в себе черты показателя связи (свойственно современным союзам), служил выразителем синтаксической зависимости.

В коми языке деепричастия образуют деепричастный оборот по типу глагольного словосочетания. Зависимым компонентом оборота могут быть существительное, местоимение в формах различных падежей или с послелогом, наречие или адвербиальное местоимение, инфинитив, деепричастие. Деепричастный оборот может быть соотносителен с глагольным или именным сказуемым, в зависимости от этого выделяются именные и глагольные конструкции. Показателем развития предложения в современном коми языке является то, что в нем деепричастие может распространяться придаточным предложением. Особенностью коми-зырянских деепричастий является возможность атрибутивного распространения деепричастия компонентом адъективного характера: прилагательным, адъективным местоимением, что характерно для субстантивных словосочетаний и отражает происхождение деепричастий.

Яркой особенностью коми языка является наличие конструкций с независимым субъектом – «субъектные деепричастные конструкции», относящиеся к абсолютным конструкциям. Кроме определенно-притяжательных суффиксов (Рх), присоединяемых к деепричастию, субъект может быть выражен существительным или местоимением. Наиболее древней формой субъекта является номинативная, которая сохраняет лидирующую позицию в абсолютных оборотах коми и удмуртского языков, в коми языке возможен субъект в форме генитива (адессива), инструментalia, датива (у герундиума на *-мён*). Разносубъектными могут быть коми-зырянские деепричастия с формами *-иг* (в значении времени), *-ига*, *-игё*, *-игён*, *-игчёж*, *-игкості*, *-тёг*, *-игкежлё*, *-тёдз*, *-мён*. Единосубъектны (т.е. не имеют собственно-го субъекта, субъект всегда общий, совпадает с субъектом основного действия) деепричастия с формами на *-мысьт*, *-игмоз*, *-игсор*, *-игтырйи*, *-игтырья*, *-игмоз*, *-ана*, *-анмоз*; едино- / разносубъектность деепричастий на *-ёмён*, *-иг* зависит от значения. В коми-пермяцком континууме разносубъ-

ектны деепричастия с формой *-тӧн, -икӧ, -ик(Рх), -тӧг, -тӧдз*. В предложении коми языка субъект деепричастия может быть соотнесен с объектом основного действия переходного глагола (дополнением), выраженным именем существительным / местоимением в косвенном падеже. В окружении глагола и деепричастия он получает двойную нагрузку: как объект глагола и субъект деепричастия. Это не самостоятельные субъекты абсолютного деепричастного оборота, но они также не совпадают с субъектом-подлежащим основного действия в предложении (не кореферентны), хотя и связаны с основным действием, поэтому условно названы связанным субъектом, чтобы дифференцировать от самостоятельного субъекта абсолютной конструкции. Таким образом, в предложении субъект деепричастия может быть отличным от субъекта-подлежащего (самостоятельный, независимый субъект в абсолютном обороте), может совпадать с субъектом основного действия, может быть связанным, соотнесенным с объектным распространителем. Активность употребления абсолютных деепричастных оборотов в современном коми языке, дифференциация форм выражения субъекта в процессе эволюции опровергают мнение Б.А. Серебренникова о том, что русские модели придаточных предложений оттеснили на задний план деепричастные конструкции и абсолютные деепричастные обороты, считаемые пережитками древнего синтаксиса коми языка, ставшими редкостью [Серебренников 1967: 105].

В предложении коми литературных языков для деепричастий типична роль обстоятельства. В качестве членов предложения (обычно обстоятельств времени, образа действия, меры и степени) деепричастия и деепричастные обороты вступают в синтаксические отношения с другими его членами, которые в монографии обозначены как «опорные формы». Опорной формой может быть компонент предикативного центра – сказуемое различных типов, опорная форма может не быть компонентом предикативного центра, выражается глаголом, причастием, деепричастием, инфинитивом, прилагательным, безлично-предикативным словом или существительным.

Включение деепричастия, деепричастного оборота в предложении осуществляется на основе полупредикативной связи и примыкания, средствами выражения связей и отношений деепричастий и деепричастных оборотов, обеспечивающими включение ДО в предложение могут служить союзы и некоторые послелоги, главным образом со значением сравнения, исключения, напр., кз. *дорысь* 'вместо', кз. *моз* 'как, подобно', кз. *серти* 'по', кз. *кындзи* 'кроме' и т.д. Сравнительно-модальные элементы *быттьӧ* 'будто', *кызкӧ быттьӧ* 'будто как-то' и т.д. придают оборотам оттенок предположительности, неуверенности, сомнения. Сочетание деепричастий (конструкций) с элементами сравнительного, модально-сравнительного характера *быттьӧ* 'будто', *кызкӧ быттьӧ* 'будто как-то', *кызд* 'как',

моз 'как' манифестирует о формировании значения псевдоодновременности, «кажмости», которая представляет собой одну из разновидностей ирреальной модальности. В деепричастных конструкциях можно наблюдать явление усиления отрицания, в котором принимают участие отрицательные местоименные слова (*нем, нинѳм* 'ничего', *некутиѳм* 'никакой', *некыдз* 'никак' и т.д.) в препозиции и постпозиции по отношению к деепричастию, напр., для подчеркивания, смыслового выделения в качестве усилительно-выделительного элемента к оборотам с каритивным деепричастием с помощью *ни* постпозитивно может присоединяться местоимение *нинѳм* «ничего» (CONV + *ни нинѳм* «ни ничего»). Аналогичный эффект присущ частицам коми языка *быдѳн, весиг* «даже» в сочетании с союзной частицей *и*, наречию *дзик* «совсем».

Деепричастия отличаются разнообразием синтаксических отношений. «Семантика отношений есть синтаксическая семантика конструкции. Их изучают в связи с анализом структурно-семантических свойств деепричастия как члена синонимических, параллельных, соотносительных конструкций» [Чупашева 2010: 238–239]. Деепричастие и ДО в предложении коми языка соотносительно не только с придаточным сложноподчиненного предложения, возможно преобразование деепричастия в однородное сказуемое. Способность трансформироваться в придаточную предикативную единицу (предложение) сложноподчиненного предложения высока у деепричастных оборотов с обстоятельственными значениями причины, условия, уступки, цели, степени, но затруднительна для оборотов со значениями образа, способа действия.

Функциональный диапазон деепричастий в коми языке достаточно разнообразен. Основная нагрузка деепричастной конструкции – деепричастного оборота (деепричастие с зависимыми от него словами и абсолютный оборот) в предложении – выполнение роли обстоятельств с различными значениями. Традиционно она совмещается с ролью второстепенного (неконечного, зависимого) сказуемого на основании того, что деепричастие обозначает добавочное действие по отношению к главному, однако в лингвистике проблема определения синтаксической функции второстепенного сказуемого у деепричастий носит дискуссионный характер. Деепричастия некоторых лексико-грамматических разрядов могут быть компонентом основного предиката двусоставного предложения – сказуемого или главного члена односоставного предложения. Это каритивные деепричастия с формами на *-тѳг*, терминативные на *-тѳдз*, герундиум (на *-мѳн*). В коми-зырянских диалектах и литературном языке развиты предложения с деепричастиями на *-иг, -игѳн* в функции предиката объекта, представляющими аналог изъяснительного придаточного предложения в предложениях с глаголом-сказуемым со значением мысли, восприятия человека, его речь, напр., *шуны* 'говорить, сказать', *чайтны* 'думать', *надейтчыны* 'надеяться'.

В коми языке существуют некоторые конструкции с адноминальной позицией лексем *-иг* / *-ик*-овой формы в функции атрибута, которые соответствуют именам и причастиям в позиции определения, а не деепричастиям. Это дименсивные конструкции с лексемой кз. *тöриг*, кп. *тöрик* 'вмещающий; размером с; вместимостью с'. Развита синонимичные конструкции с аналогичным значением, позицией и функцией, образованные с помощью причастных и герундиумных лексем на *-ан*, *-ана*, *-мön*: *тöран*, *тöрана*, *тöрмön* в коми и коми-пермяцком языках. Кроме того, следует отметить атрибутивные конструкции темпоральной семантики с лексемами кз. *-иг* / кп. *-ик*-овой формы при существительных со значением «время» – кз. *пöра*, *дыр*, кп. *пора*, *кад*, являющихся наиболее обобщенным обозначением временных понятий, отметив при этом редкость употребления, практически утрату в коми и коми-пермяцком языках, напр., *велöдчиг пöра* 'время учебы; во время учебы', ср. *велöдчан пöра*, *велöдчан кад* 'тж'. Обобщенное значение «время» в ряде аналогичных конструкций с атрибутом-именем в форме на *-ан* дало повод ряду ученых рассмотреть процессы грамматикализации (см. Beke Ö., M. Kövesi 1965).

В ходе развития литературных языков можно наблюдать расширение сферы функционирования деепричастных конструкций в предложении. Если в более ранние периоды существования языка они, согласно исследованиям, представляли продукт эволюции гипотактических отношений, аналог придаточных предложений, в дальнейшем они дополнили также арсенал модальных единиц, стали использоваться в качестве средства формирования субъективно-модального значения – вводных сочетаний, напр., *кыв шутöг* 'безусловно', *N / PRN одуш.* + *помнитöгн* 'по воспоминаниям кого-либо', *та выlö видзöдтöг* 'тем не менее', *N / PRN одуш.* + *чайтöмön*, *N / PRN одуш.* + *видзöдмön* 'по мнению кого-либо, на взгляд кого-либо', *восьсöнджыкön шуöмön* 'откровенно (откровеннее) говоря' и т.д. С процессами девербализации деепричастий и заимствования связано появление и пополнение арсенала релятивных единиц со структурой деепричастной конструкции, это послелоги *вотöдз*, *выlö видзöдтöг*, *артавтöг* / *лыддьытöг* и т.д. Калькированный послелог *выlö видзöдтöг* < из русского 'несмотря на' и 'независимо от' пополнил средства выражения уступки в коми языке. На основании наличия этой конструкции в современном коми языке появляется возможность выделять обстоятельства уступки. Вместе с релятивными единицами – послелогами *кындзи*, *öтар*, *öприч*, *öтдор* 'кроме', организующими обороты ограничительно-выделительного характера со значением исключения, называющие предметы, исключенные из ряда однородных членов, в коми язык входят также обороты, образованные от деепричастий *артавтöг*, *лыддьытöг*, *босьттöг* 'не считая, не учитывая, не беря в расчет' на основе калькирования предлогов русского языка *не счи-*

тая, не беря в расчет. Русский язык является также источником пополнения синтаксических единиц – так называемых конкретизаторов, участвующих в тексторазвертывании, напр., *та вылӧ видзӧдтӧг* 'несмотря на это', 'тем не менее'. В тексте деепричастия и деепричастные обороты могут стоять в позиции заголовка, участвуют в текстопостроении, могут парцелироваться.

Несмотря на новации, деепричастие сохраняет свои исконные черты, из которых можно отметить: 1) сохранение древнего порядка слов в конструкции; 2) активное использование субъектных деепричастных конструкций (абсолютных оборотов); 3) большую оригинальность, по нашему мнению, сохраняют конструкции с каритивными деепричастиями, обнаруживая черты сходства с аналогичными в удмуртском, марийском языках как в выражении некоторых обстоятельственных значений, так и в организации конструкций с двойным отрицанием; 4) для выражения быстрой смены действий наряду со сложноподчиненными предложениями, продолжают использоваться простые предложения с деепричастными конструкциями с деепричастием на *-ӧмӧн* в обязательном сочетании с послелогом *тиӧйти*; 5) сохраняется практика распространения деепричастия компонентами адъективного характера; 6) деепричастия на *-тӧг*, *-тӧдз* могут быть компонентом предиката (сказуемого, главного члена) предложения.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Адамчик, Н.В. Самый полный курс русского языка. – Минск: Харвест, 2008. – 848 с.

Адмони, В.Г. Сложноподчиненное предложение в тюркских языках // Советская тюркология. – 1982. – № 5. – С. 50–56.

Алатырев, В.И. «Субъектная деепричастная конструкция» и ее происхождение // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4. – С. 53–68.

Алатырев, В.И. Синтетический тип сложноподчиненных предложений в удмуртском языке // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. – Йошкар-Ола, 1969. – С. 151–157.

Алатырев, В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. – Москва: Русский язык, 1983. – С. 561–592.

Андреева, Л.А. Глагольные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Ханты-Мансийск, 2008а. – 22 с.

Андреева, Л.А. Глагольные конструкции с посессивными суффиксами в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ханты-Мансийск, 2008б. – 206 с.

Андреева, Л.А. Двойное отрицание в марийском языке // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – Вып. 2 (17). – С. 10–13.

Арбатский, Д.И. О лексическом значении деепричастий // Вопросы языкознания. – 1980. – № 4. – С. 108–118.

Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы). – 6-е изд., стереот. – Москва, 2009. – 384 с.

Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов. – 4-е изд. – Москва, 2007. – 576 с.

Балашша, Й. Венгерский язык / Пер. О.В. Громова, И.В. Салимона, Ю.И. Шишмоница. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 375 с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Баталова, Р.М. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кудымкар, 1962а. – 19 с.

Баталова, Р.М. Краткий справочник по заимствованным словам и диалектной лексике коми-пермяцкого языка. – Кудымкар, 1962б. – 48 с.

Баталова, Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. – Москва: Наука, 1975.

Баталова, Р.М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. – Москва: Наука, 1982. – 167 с.

Баталова, Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. – Москва–Гамбург, 1990. – 205 с.

Баталова, Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка. – Гамбург, 1995. – 200 с.

Баталова, Р.М. Диалектная система коми-пермяцкого языка и её развитие в сравнительном и ареальном освещении: дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.07. – Москва, 1998. – 69 с.

Баталова, Р.М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. – Москва–Гронинген, 2002. – 168 с.

Белошапкова, В.А. Современный русский язык / В.А. Белошапкова, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; Под ред. В.А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1989. – 800 с.

Белявцева, И.В. Случаи эксплицитного выражения смысловых отношений в предложениях с деепричастным оборотом // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 58–61.

Бертагаев, Т.А. Субъект и подлежащее // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 65–69.

Блох, М.Я. Теоретические основы грамматики. – Москва, 2004. – 239 с.

Богданов, В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Ленинград, 1977. – 204 с.

Богданов, В.В. Роль вторичной предикативности в построении связного текста // Семантика и прагматика синтаксических единств: межвуз. темат. сб. Калинин. гос. ун-та. – Калинин: Изд-во КГУ, 1981. – С. 5–13.

Бондаренко, В.Н. Отрицание как логико-грамматическая категория. – Москва: Наука, 1983. – 215 с.

Бондарко, А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // **Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис** / Отв. ред. А.В. Бондарко. – Ленинград: Наука, 1987. – С. 234–242.

Борисова, О.Г. Полипредикативные конструкции эрзянского языка // CongressusDecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Joshkar-Ola 15.–21.VIII. – Pars II. – Linguistica. – Joshkar-Ola, 2005. – S. 24–25.

Бубрих, Д.В. Грамматика литературного коми языка / Отв. ред. акад. И.И.Мещанинов. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1949. – 205 с.

Бузакова, Р.Н. Синонимия придаточных предложений времени и обстоятельств времени простых предложений // Современные проблемы мордовских языков / Сост. и отв. ред. О.Е. Поляков. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 3–8.

Буланин, Л.Л. Структура русского глагола как части речи и его грамматические категории. Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. – Ленинград, 1983 – С. 94–115.

Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – Москва: Логос, 2003. – 304 с.

Валитов, Г.Н. О субъекте деепричастных конструкций в марийском языке // *Fenno-Ugristica*. Труды по финно-угроведению. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1980. – Вып. 6. – С. 136–145.

Васева-Кадынкова, И. Деепричастия совершенного вида с перфектным значением // *Русский язык в школе*. – 1961. – № 6. – С. 20–24.

Васева-Кадынкова, И.О. Деепричастные конструкции с уступительным обстоятельственным значением // *Русский язык в школе*. – 1967. – № 6. – С. 83–85.

Васикова, Л.П. Предикативные деепричастные конструкции в марийском языке // *Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология*. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 122–142.

Васикова, Л.П. Синтаксическая структура деепричастных конструкций в финно-угорских языках // *Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов*. Т. 2 / Отв. ред. Г.В. Федунева. – Москва: Наука, 1990. – С. 51–53.

ВВД 1966 – Сорвачева, В.А., Сахарова, М.А., Гуляев, Е.С. Верхневычегодский диалект коми языка. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1966. – 254 с.

Виноградов, В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. – 4-е изд. – Москва: Рус. яз., 2001. – 720 с.

Волоцкая, З.М., Молошная, Т.Н., Николаева, Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – Москва, 1964. – С. 126–150.

ВСД 1975 – Жилина, Т.И. Верхнесысольский диалект коми языка / Отв. ред. Е.С. Гуляев. – Москва: Наука, 1975. – 268 с.

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. Учебник. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 501с.

Вторичная предикативность в английском языке: https://studopedia.ru/9_86112_vtorichnaya-predikativnost-v-angliyskom-yazike.html. (Дата обращения 20.05. 2020).

Гагарина, О.А. Фразеология коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 1999. – 175 с.

Гак, В.Г. Валентность // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

ГМЯ 1980 – Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / Под ред. Д.В. Цыганкина. – Саранск, 1980. – 431 с.

Грибанов, С.Ф. Коми кыв грамматика. Первой часть. Фонетика да морфология. Небытса шӧрӧт да шӧрӧт школа понда велӧтчӧн книга. Кудымкар: Комипермгиз, 1940.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / Отв. ред. П.Н. Перевощиков. – Ижевск: Удмуртское кн. изд-во, 1962. – 376 с.

ГСУЯ 1970 – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Под общ. ред. В.И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 245 с.

Гуляева, Н.И. Вопросительные предложения в языке коми художественной литературы: функции, семантика и структура. – Сыктывкар, 2019. – 108 с.

ГФЯ 1958 – Грамматика финского языка. Фонетика и морфология / Ред.: Б.А. Серебренников, Г.М. Керт. – Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1958. – 297 с.

Дерибас, Л.А. О замене деепричастных оборотов синонимичными конструкциями // Русский язык в школе. – 1962. – № 5. – С. 18–23.

Дерибас, В.М. Устойчивые глагольно-именные сочетания русского языка. – Москва: Русский язык, 1979. – 256 с.

Дмитриева, Р.П. Косинско-камский диалект коми-пермяцкого языка (фонетика, морфология): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1998.

Дубровина, З.М. Инфинитивы в финском языке. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1972. – 208 с.

Дубровина, З.М. Инфинитив и причастие как дополнительное ядро предикации в финском предложении (к вопросу об эквивалентах предложений) // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 3. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977. – С. 34–75.

Жилина, Т.И. Вымский диалект коми языка. – Сыктывкар, 1998. – 438 с.

Зайков, П.М. Грамматика карельского языка (Фонетика и морфология). – Петрозаводск, 1999. – 119 с.

Зайцева, М.И. Грамматика вепсского языка (Фонетика и морфология). – Ленинград, 1981. – 360 с.

Золотова, Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – 2-е изд., испр. – Москва: Эдиториал УРСС, 2005. – 350 с.

Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – 6-е изд. – Москва, 2010. – 368 с.

Зубов, А. Основы грамматики пермяцкого наречия языка коми. – Москва: Центриздат, 1931. – 68 с.

Зубов, Ф. Коми кыв (Грамматика). Медоддза школалö 3–4 велöтчан во. – Москва: Учпедгиз, 1933. – 112 с.

Иванова, Г.П. Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка (в сопоставлении с пондальским говором средневепсского

диалекта вепского языка и другими прибалтийско-финскими языками): дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2014.

Иванова, И.П., Бурлакова, В.В., Почепцов, Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – Москва: Высш. школа, 1981. – 285 с.

Игушев, Е. А. Коми диалектология: учеб. пособие для студентов / Отв. ред. А.К. Микушев. – Сыктывкар: Изд-во Перм. ун-та, 1982. – 104 с.

Игушев, Е.А. Стилистика морфологических категорий коми языка: автореф... дис. д-ра филол. наук. – Тарту, 1990а. – 31 с.

Игушев, Е.А. Стилистика релятивных слов в пермских языках // *Sensiones sectionum. Dissertationes. Linguistia (Congressus septimus internationalis Fenno-Ugristarum, Debrecen, 27.VIII.–2.IX.1990 Acta)*. – Debrecen, 1990b. – P. 196–199.

Игушев, Е.А. Коми кывлӧн стилистика: велӧдчан небӧг. – Сыктывкар: [СГУ], 2003. – 77 с.

Игушев, Е.А. Стилистика посессивных форм коми языка // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиум. – Пермь, 2006. – С. 211–216.

Игушев, Е.А., Ляшев, В.А. Рецензия на «Вопросы удмуртского языкознания, вып. III, Ижевск, 1975» // Советское финно-угроведение. – 1976. – XII. – 4. – С. 314–316.

ИД 1976 – Сахарова, М.А., Сельков, Н.Н. Ижемский диалект коми языка / АН СССР, Коми филиал, Ин-т яз., литературы и истории. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 288 с.

Иевлева, Т.М. Синтаксис глагола в коми языке (связь глагола с подлежащим и дополнением) [Электронный ресурс]: дис. ...канд. филол. наук. Москва, 1984. – 218 с. – М.: РГБ, 2006. (Из фондов Российской государственной библиотеки).

Илькинова, М.З. Обособленные второстепенные члены предложения в современных мордовских (мокшанском и эрзянском) языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тарту, 1977. – 18 с.

Имярекова, В.М. Способы выражения причинно-следственных отношений в мокшанском языке // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов / Отв. ред М.В. Мосин. – Саранск, 2000. – С. 132–134.

Исакова, Л.С. Проблемы передачи абсолютных конструкций (на материале переводов романов и рассказов Ф.С. Фицджеральда на русский язык): дис...канд. филол. наук. – Москва, 2003. – 181 с.

Исанбаев, Н.И. Деепричастия в марийском языке. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1961. – 150 с.

Казаков, В.П. Синтаксис имен действия. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 149 с.

Калина, Г.А., Распопова, З.В. Коми-пермяцкӧй кыв грамматика. Первӧй часть. Педагогическӧй училище да коми-пермяцкӧй кыв сьӧртӧ учительлӧз понда пособие. – Кудымкар, 1961.

Калинина, Л.И. Причастия и причастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск, 2001. – 182 с.

Караваева, М.П., Попов, Н.В., Спорова, А.М. Коми кыв грамматика: мӧдӧк часть: синтаксис: семилетнӧй да среднӧй школын 6–7 классӧз понда учебник. – Мӧдӧк изданиӧ. – Кудымкар: Комипермгиз, 1947. – 159 с.

Карманова, А.Н. Современный коми язык. Морфология: Учебное пособие. – Сыктывкар, 1980. – 96 с.

Карманова, А.Н. Ӧнӧя коми кыв. Морфология. Мӧд юкӧн. Кадакыв формаяс, кадакывберд, состояние кывъяс. – Сыктывкар, 1998. – 76 с.

Качалова, К.Н., Израилевич, Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами. – Санкт-Петербург: Базис, Каро, 2005. – 608 с.

КГ 1947 – Попов, П.П., Третьякова, А.О., Терентьев, Г.И. Коми грамматика: семилетнӧй да среднӧй школалы учебник. Ч. 2: Синтаксис. – 2-ӧд изд. – Сыктывкар: Комигиз, 1947. – 191 лб.

КГ 1950 – Коми грамматика. Мӧд часть. Синтаксис. Педагогическӧй училищӧяслы сборник / Сост. Ф.В. Шадрин, М.А. Сахарова. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1950. – 160 с.

Кельмаков, В.К. Происхождение специфических послелогов кукоморского диалекта удмуртского языка // СФУ. – 1970. – VI. – № 2. – С. 94.

Кельмаков, В.К. Об отглагольных послелогах *шуыса* и *луыса* в удмуртском языке // Вопросы удмуртского языкознания: Сб. ст. – Ижевск, 1973. – Вып. 2. – С. 123–151.

Кипрушева, А.И. Глагол // Современный коми язык. Ч. I: Фонетика, лексика, морфология / Под ред. проф. В.И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – С. 207–246.

Ковган, Е.В. Причастные определительные конструкции в западных диалектах хантыйского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1991. – 14 с.

Койвисто, Р. Использование некоторых причастных и инфинитивных конструкций в современном финском языке. Аспект преподавания // Актуальные вопросы финно-угроведения и преподавания финно-угорских языков: Междунар. науч. конф., посв. 30-летию преподавания венгерской и финской филологии на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. – Москва: Изд.-во «Валанг», 2002. – С. 222–228.

Кокла, П. Система инфинитных форм и глагольные имена в марийском языке // Тез. докл. VI Междун. конгресса финно-угроведов. – Сыктывкар, 1985. – Т. 1. – С. 87.

Коми-пермяцкӧй кыв. VII–IX классез понда учебник / Ботева, Е.В., Бражкина, Н.Е., Галкина, М.Е., Кривошекова-Гантман, А.С., Порсева, Э.И. – Кудымкар: Пермская книга, 1992. – С. 87–88.

Конюхов, Д. Колӧ стӧчмӧдавны // Войвыв кодзув. – 1969. – № 7. – С. 63–64.

Коссек, В.М., Костюк, В.Н. Сильное и слабое отрицание в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1980. – Москва, 1982. – С. 50–62.

Кошкарёва, Н.Б. Конструкции с инфинитными формами глагола в хантыйском языке (на материале западных диалектов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 1991. – 13 с.

Кошкарёва, Н.Б. Временные синтетические полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в форме местно-творительного падежа в сургутском диалекте хантыйского языка (в сопоставлении со смежными хантыйскими и ненецкими диалектами) // Сибирский филологический журнал. – 2007а. – № 3. – С. 158–173.

Кошкарева, Н.Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: автореф. дис. ... д-ра наук. – Новосибирск, 2007б. – 46 с.

Кошкарева, Н.Б. Способы выражения сочинительных отношений в казымском диалекте хантыйского языка // Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2007в. – Вып. 19. – С. 118–126.

КПРС 1985 – Баталова, Р.М., Кривошекова-Гантман, А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – Москва: Русский язык, 1985. – 621 с.

КПЯ 1962 – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология / Под ред. В.И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во, 1962. – 340 с.

Красухин, К.Г. Предикаты состояния // Лесной вестник. – 2003. – № 4. – С. 77–86.

Кренделева, Т.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2010а. – 24 с.

Кренделева, Т.В. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени и их эквиваленты в коми языке: дис....канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2010б. – 213 с.

Кривошекова-Гантман, А.С. Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка // Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985. – С. 596–621.

КРС 1961 – Тимушев Д.А., Колегова Н.А. Коми-русский словарь / АН СССР. Коми филиал; Под ред. В.И.Лыткина; с прил. грамматического очерка коми языка. – Москва: ГИС, 1961. – 923 с.

КРС 2000 – Безносикова, Л.М., Айбабина, Е.А., Коснырева, Р.И. Коми-русский словарь = Коми-роч кывчукӧр / отв. ред. Л.М. Безносикова. – Сыктывкар, 2000. – 816 с.

Кузнецов, С.А. О категории репрезентации русского глагола // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 109–126.

Куратов, И.А. Лингвистические работы. Т. 2. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1939. – 136 с.

КЯЭ 1998 – Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Изд-во ДИК, 1998. – 608 с.

Левицкий, Ю.А. Основы теории синтаксиса: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: КомКнига, 2005. – 368 с.

Лекант, П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учебное пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2004. – 247 с.

Лельхова, Ф.М. Структурно-семантические типы словосочетаний в хантыйском языке: автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Ханты-Мансийск, 2007. – 19 с.

ЛЛД 1985 – Жилина, Т.И. Лузско-летский диалект коми языка / Отв. ред. Г.Г. Бараксанов. – Москва: Наука, 1985. – 271 с.

Лобанова, А.С. Коми-пермяцкӧй кыв. Синтаксис. Кывтэчас да прӧстӧй сӧрникузя. Велӧтчан пособие. – Пермь, 2017. – 158 с.

Лудыкова, В.М. Сказуемое безличных предложений в коми языке // Вестник Ленинградского университета. История, язык, литература. – 1983. – 8. – Вып. 2. – С. 69–73.

Лудыкова, В.М. Существительное в коми именном сказуемом // Советское финно-угроведение. – 1985. – XXI. – № 1. – С. 32–37.

Лудыкова, В.М. Сказуемое в коми языке. Учебное пособие по спецкурсу. – Сыктывкар–Пермь, 1986. – 84 с.

Лудыкова, В.М. Сказуемое в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. – Ленинград, 1989а. – 238 с.

Лудыкова, В.М. Безлично-предикативные слова в коми языке // Грамматика и лексикография коми языка. – Сыктывкар, 1989б. – С. 42–49. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 46).

Лудыкова, В.М. Составное глагольное сказуемое в коми языке // Вопросы финно-угорской филологии. – Ленинград, 1990. – Вып. 5. – С. 59–72.

Лудыкова, В.М. Коми кывйын прӧстӧй сӧрникузя (Простое предложение в коми языке): Учебное пособие по спецкурсу. – Сыктывкар, 1991. – 64 с.

Лудыкова, В.М. Ќнія коми кывлўн синтаксис. I юкўн. Кывтўчас да прўстой сўрникузя. – Сыктывкар, 1993. – 95 с.

Лудыкова, В.М. Коми кывйын сложной сўрникузя. Учебное пособие по спецкурсу. – Сыктывкар, 1995. – 104 с.

Лудыкова, В.М. Инфинитивные предложения в коми языке // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 8: История. Филология. Философия. – Сыктывкар, 1999а. – Вып. 3. – С. 85–92.

Лудыкова, В.М. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в коми языке // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей. – Ижевск, 2000. – С. 114–121.

Лудыкова, В.М. Синтаксис имени прилагательного в коми языке [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра филол. наук. – Москва: РГБ, 2007. – 445 с.

Лудыкова, В.М. Коми прилагательное в функции парцеллированного определения // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками / Отв. ред. А.Ф. Шутов; Удм. Гос. Ун-т, Удм. Ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. – С. 183–190.

Лудыкова В.М. Коми кывйын кывтўчас да прўстой сўрникузя: Велўдчан небўг. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2009. – 96 с.

Лудыкова, В.М. Коми синтаксис в грамматиках XIX века // Пермистика XIII: Вопросы пермского языкознания. – Сыктывкар, 2012а. – С. 115–122.

Лудыкова, В.М. Глагол в предложении коми языка: монография. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2012б. – 239 с.

Лудыкова, В.М., Федина, М.С. Сопоставительная грамматика коми и русского языков. Ч. 1. Морфология: Учебное пособие. – Сыктывкар, 2001. – 98 с.

Лудыкова, В.М., Федунева, Г.В. Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2003. – 171 с.

Лыткин, Г.С. Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык. 1383–1501. – СПб., 1889. – 232 с.

Лыткин, В.И. (Илля Вась). Материалы по коми грамматике (обих наречий). Приложение к школьным грамматикам языка коми. Ч. I и II. – Москва: Центральное изд-во народов СССР, 1929. – 48 с.

Лыткин, В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. С обзором диалектов и диалектологическим словарем. Ч. 1. – Москва, 1955.

Лыткин, В.И. Коми кывлўн исторической морфология. – Пермь–Сыктывкар, 1977. – 86 с.

Любимов, Ф. Краткие грамматические правила Принадлежащие к знанию Пермякого языка Составленные города Соликамска Свято-Троицкого Собора Протоиереем Феодором Любимовым 1838 года Февраля 8-го

дня // Труды Института языка, истории и материальной культуры коми-пермяцкого народа. – Пермь, 2007. – Вып. 5. – 240 с.

Ляшев, В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка: дис. ...канд. филол. наук. – Сыктывкар, 1975.

Ляшев, В.А. Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. – Сыктывкар, 2014. – 176 с. (Научное наследие / КНЦ УрО РАН, Ин-т яз, лит. и истории. Вып. 3).

Майтинская, К.Е. Венгерский язык. Ч. II. Грамматическое словообразование / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Изд-во АН СССР, 1959. – 227 с. (Ин-т языкознания АН СССР).

Майтинская, К.Е. Венгерский язык. Т. 3. Синтаксис / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960. – 376 с. (Ин-т языкознания АН СССР).

Майтинская, К.Е. Вопросы сравнительного синтаксиса финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания. – Москва: Наука, 1974. – С. 383–396.

Майтинская, К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках. – 2-е изд., испр. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2010.

Майтинская, К.Е. Служебные слова в финно-угорских языках / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. – 2-е изд., испр. – Москва: Книжный дом «Либроком», 2010. – 186 с.

Майшев, И.И. Грамматика коми-пермяцкого языка. – АН СССР. Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра, 18. Серия Fenno-Ugrica, № 2; под ред. И. И. Мещанинова. – Москва–Ленинград: Наука, 1940. – 83 с.

Майшев, И.И. Грамматика коми языка. – Сыктывкар, 1940. – 92 с.

Мальчуков, А.Л. Синтаксис эвенского языка. Структурные, семантические, коммуникативные аспекты. – Санкт-Петербург: Наука, 2008. – 425 с.

Манова, Н.Д. Сложноподчиненные предложения в коми языке с союзами неместоименного происхождения // Советское финно-угроведение. – 1975а. – № 2. – С. 90–95.

Манова, Н.Д. Грамматические свойства русского и коми деепричастий в сопоставительном освещении // Взаимодействие финно-угорских и русского языков / Отв. ред. И.Д. Добродомов, Г.Г. Бараксанов, Г.И. Тираспольский. – Сыктывкар, 1984. – С. 120–129.

Манова, Н.Д. Условия обособления деепричастных оборотов и одиночных деепричастий в коми языке // XVII Всесоюзная финно-угорская конференция: Тез. докл. / Отв. ред. Б.Ш. Загуляева. – Устинов, 1987. – Т. I: Языкознание. – С. 145–146.

Меликян, В.Ю. Очерки по синтаксису нечленимого предложения. – Ростов-на-Дону, 2001.

Молодцов, В.А. К грамматической классификации слов зырянского языка. – Устьысольск–Москва: Коми изд-во, 1928. – 128 с.

Мразек, Р. Синтаксис русского творительного: (Структурно-сравнительное исследование). – Praha: Státní pedagogické nakl., 1964. – 285 с.

Муравьев, Н.А. Семантика глагольных форм, выражающих таксис одновременности, в финно-угорских языках // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. – Санкт-Петербург, 2014. – Т. 10, ч. 1. – С. 804–809.

Муравьев, Н.А. Семантика и прагматика глагольных форм одновременности в мокшанских, коми-зырянских и хантыйских идиомах // *Финно-угорский мир*. – 2017а. – № 2. – С. 52–62.

Муравьев, Н.А. Таксис и таксисные формы в языках мира: таксономия и типология: дис. ...канд. филол. наук. – Москва, 2017б. – 270 с.

Невская, И.А. Деепричастия как результативные второстепенные предикаты в тюркских языках Южной Сибири // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D.M. Nasilov. Сборник статей к 80-летию Д.М. Насилова* / Отв. ред. А.Х. Гирфанова, И.А. Невская, Е.А. Оганова. – Москва: Изд-во МБА, 2015а. – С. 307–315.

Невская, И.А. Результативные второстепенные предикаты в тюркских языках // *Сибирский филологический журнал*. – 2015б. – № 2. – С. 84–94.

Невская, И.А. Конструкции с депиктивными второстепенными предикатами со своим собственным грамматическим субъектом в сибирских тюркских языках // *Критика и семиотика*. – 2019. – № 2. – С. 327–344.

Недялков В.П. Основные типы деепричастий // *Типология и грамматика* / Ред. В.С. Храковский. – М.: Наука, 1990. – С. 36–59.

Недялков 1995 – Nedjalkov, V.P. Some typological parameters of converbs / V.P. Nedjalkov // M. Haspelmath, E. König (eds.) *Converbs in cross-linguistic perspective: structure and meaning of adverbial verb forms – adverbial participle, gerund*. – Berlin; New York, 1995. – Pp. 97–135.

Недялков, В.П., Отаина, Г.А. Очерки по синтаксису нивхского языка / Отв. ред. Э.В. Генюшене. – Москва: Знак, 2012. – 304 с.

Недялков, И.В. Система конвербов в орокском (уйлытинском) языке // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. – Санкт-Петербург, 2015. – Т. 11. – Ч. 1. – С. 183–199.

Некрасова, Г.А. Инструменталь (творительный падеж) в пермских языках. – Сыктывкар, 1997. – 40 с. (Научные доклады / КНЦ УрО РАН. Вып. 388).

Некрасова, Г.А. Кывбөр // *Öñia коми кыв. Морфология = Современный коми язык. Морфология* / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – С. 435–487.

Некрасова, Г.А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. – Сыктывкар, 2002. – 168 с.

Некрасова, Г.А. Вежлӧг перым кывъясын: пертас, вежӧртас, артманног: Велӧдчан небӧг. – Сыктывкар, 2004. – 118 с.

Некрасова, Г.А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 157–160.

Некрасова, О.И. О некоторых конструкциях с деепричастиями на *-mӧdз*, *-mӧn* в коми и коми-пермяцком языке // Вестник ЧелГУ. Филология. Искусствоведение. – 2012. – Вып. 70. – № 28. – С. 102–109.

Некрасова, О.И. Деепричастия в диалектных текстах Т.Э. Утилы // Вопросы пермской диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы: Сборник научных статей международной научной конференции. – Сыктывкар, 2013. – С. 117–125.

Некрасова, О.И. Деепричастия коми-пермяцкого языка в исследовательских источниках // Филологические исследования–2014. Источники, их анализ и интерпретация в филологических науках. – Сыктывкар, 2014. – С. 168–173.

Некрасова, О.И. Сочетания деепричастий с глаголами движения в коми-зырянском и коми-пермяцком языках // Пермистика–16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. научных трудов. – Сыктывкар, 2017. – С. 189–194.

Нечаев, Г.А. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Москва, 1930. – Вып. 1. – С. 1–27.

Нечаев, Г.А. Грамматика. Медоддза тор. Морфология. Шӧрӧт школа понда витӧт класслӧ велӧттчан книга. Мӧдӧк изданныӧ. – Кудымкар: Окриздат, 1935.

Нечаев, Г.А., Питю Ёньӧ. Грамматика. Медоддза тор. Морфология. Шӧрӧт школа понда велӧттчан книга. Витӧт велӧттчан во. – Москва: Учпедгиз, 1933. – 117 с.

ОСРЯ 2003 – Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. – 2-е изд., испр. – Москва: Изд-во Астрель, 2003. – 421 с.

ОФУЯ 1974 – Лыткин, В.И., Майтинская, К.Е., Реден, К. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – Москва: Наука, 1974. – Ч. I. – 484 с.

ОФУЯ 1976 – Лыткин, В.И., Майтинская, К.Е., Редеи, К. Основы финно-угорского языкознания: Марийские, пермские и угорские языки. – Москва: Наука, 1976. – Ч. III. – 465 с.

ОКК 2000 – Ёня коми кыв. Морфология = Современный коми язык. Морфология / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. – 544 с.

Панова, Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. – Москва: КомКнига, 2010. – 448 с.

ПД 1976 – Сахарова, М.А., Сельков, Н.Н., Колегова, Н.А. Печорский диалект коми языка / Отв. ред. В.И. Лыткин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 152 с.

Перевошиков, П.Н. Деепричастие и деепричастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск, 1959. – 328 с.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Москва, 1956. – 512 с.

Плунгян, В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – 2-е изд., испр. – Москва: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

Поняров, В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2001. – 24 с.

Поняров, В.В. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). – Сыктывкар, 2010. – 120 с.

Пономарева, Л.Г. Фонетика и морфология мысовско-лупьинского диалекта коми-пермяцкого языка: дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2002. – 207 с.

Попова, Э.Н. Об одном синонимическом ряде в системе частиц коми языка // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XII Междунар. симпозиума / Отв. ред А.Ф. Шутов. – Ижевск: Удмурт. гос. ун-т, 2008. – С. 275–280.

Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 536 с.

Правила 2007 – Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В.В. Лопатина. – Москва: Эксмо, 2007. – 480 с.

Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. – Москва, 1990. – 176 с.

Прияткина, А.Ф. Русский язык. Синтаксис осложненного предложения. Раздел первый. Понятие о синтаксическом осложнении предложения // Современный русский язык: хрестоматия. В 3 ч. Ч.3. Синтаксис / Сост.: Е.Е. Долбик, В.Л. Леонович, Л.Л. Супрун-Белевич. – Минск: БГУ, 2010. – С. 142–154.

Пялль, Э. Учебник эстонского языка. – Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1955. – 311 с.

Разманов, И.И. Коми синтаксис. Ыджыд школаясын велӧдан отсӧг. – Москва: Центриздат, 1931. – 147 с.

Рамстедт, Г.И. Грамматика корейского языка. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1951. – 232 с.

РГ 1980 II – Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – Москва: Наука, 1980. – 709 с.

Редеи, К. Влияние церковнославянского языка на семантику и синтаксис древнезырянского / Институт языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН. Пер. с венг. И.А. Николаевой. – Сыктывкар, 1996. – 59 с.

Рецкер, Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. Вып. 1. – Москва, 1981. – 84 с.

Рогов, Н.А. Опыт грамматики пермяцкого языка. – Санкт-Петербург, 1860. – 176 с.

Розенталь, Д.Э. Практическая стилистика русского языка. – Москва, 1974.

Руднев, А.Г. Синтаксис современного русского языка. – 2-е изд. – 1968. – 320 с.

Рясянен, М. Об урало-алтайском языковом родстве // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 43–50.

Рятсеп, Х.К. Инфинитные глагольные формы в финно-угорских языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тарту, 1954. – 17 с.

РЯЭ 1997 – Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. – Москва: «Дрофа», 1997.

Савваитов, П.И. Грамматика зырянского языка. – Санкт-Петербург, 1850. – 168 с.

Сергеева, Е.Н. Деепричастные средства выражения следования в коми-зырянском языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / УИИЯЛ УрО РАН, Удм. гос. Ун-т. – Ижевск, 2015. – С. 286–295.

Серебренников, Б.А. Историческая морфология коми языка. – Москва, 1963.

Серебренников, Б.А. О характере древнего синтаксиса языка коми // Всесоюзная конференция по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. – Сыктывкар, 1965. – С. 104–105.

Серебренников, Б.А. О некоторых характерных особенностях древнего синтаксиса языка коми // Советское финно-угроведение. – 1967. – III. – № 2. – С. 101–105.

Серебренников, Б.А. Синтаксис уральского праязыка – синтаксис тюркского типа // Советское финно-угроведение. – 1987. – 2. – С. 81–88.

Серебренников, Б.А. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. – Москва, 1964. – С. 176–177.

Сидоренко, Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка. В 5 ч. – Симферополь, 2005. – Ч. 3. Глагол. Наречие. Безлично-предикативные слова. – 125 с.

Сидоров, А.С. Морфологическая классификация коми языка // Шахов Н.А. Краткий коми-русский словарь. – Усть-Сысольск, 1924. – С. 73–85.

Сидоров, А.С. Характеристика удорского (вашского) говора // Сборник Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. – Вып. 1. – С. 49–56.

Сидоров, А.С. Некоторые особенности синтаксического строя северного (ижемского) диалекта коми языка // Лингвистический сборник. – Сыктывкар, 1952. – С. 68–81. (Серия лингвистическая; Вып. 2).

Сидоров, А.С. Порядок слов в предложении коми языка. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1953. – 104 с.

Сидоров, А.С. Отрицательные обороты и предложения в коми языке // Избранные статьи по коми языку / Сост. Г.В. Федюнева. – Сыктывкар, 1992. – С. 121–137.

Сиротинина, О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. – Москва: Высшая школа, 1980. – 141 с.

Скобликова, Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. – 4-е изд. – Москва: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.

Скрибник, Е.К. Инфинитивные конструкции в мансийском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филол. – Новосибирск, 1995. – № 4. – С. 76–82.

СКЯ 1955 – Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология / Под ред. В.И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. – 312 с.

СКЯ 1967 – Современный коми язык: Учебное пособие для вузов. Ч. 2: Синтаксис / Ред. Н.Н. Сельков. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – 284 с. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка. – Москва, 1959. – 440 с.

СРЯ 1999 – Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

СРЯ 2002 – Современный русский язык / П.А. Лекант, Е.И. Диброва, Л.Л. Касаткин и др.; Под ред. П.А. Леканта. – 3-е изд., стереотип. – Москва: Дрофа, 2002. – 560 с.

СРЯ 2003 – Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / Под общ. ред. Л.А. Новикова. – 4-е изд. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лань», 2003. – 864 с.

ССКЗД 1961 – Жилина, Т.И., Сахарова, М.А., Сорвачева, В.А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1961. – 490 с.

ССРЯ 2009 – Синтаксис современного русского языка: учебник для студ. высш. учеб. заведений / Г.Н. Акимов, С.В. Вяткина, В.П. Казаков, Д.В. Руднев; под ред. С.В. Вяткиной. – Санкт-Петербург: СПбГУ; Москва: Академия, 2009. – 346 с.

Стрелкова, О.Б. Имена числительные удмуртского языка (в историко-типологическом аспекте): дис. канд. филол. наук. – Ижевск, 2009. – 217 с.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / Черемисина М.И., Бродская Л.М., Скрибник Е.К., и др. – Новосибирск: Наука, 1986. – 319 с.

Ступак, Е.С. Функционально-семантическое поле утверждения в современном русском языке [Электронный ресурс]: автореф. дис....канд. филол. наук. – Таганрог, 2005а. – 19 с.

Ступак, Е.С. Функционально-семантическое поле утверждения в современном русском языке [Электронный ресурс]: дис....канд. филол. наук. – Таганрог: РГБ, 2005б. – 169 с.

Сунник, О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфол. структура и система форм глагольного слова. – Москва–Ленинград, 1962. – 363 с.

Сулейманова, П.А. Парадигматика нечленимых деепричастных конструкций, их структура и семантика // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – 2008. – № 3. – С. 55–57.

Суханова, В.С. Деепричастные наречия в коми языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 1951. – 26 с.

Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр. – Москва: Прогресс, 1988. – 656 с.

Терещенко, Н.М. Выражение сложной мысли средствами простого предложения (на материале ненецкого языка) // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. – Москва–Ленинград: Наука, 1964. – С. 146–155.

Тупицын, Ф.А. Самоучитель коми-пермяцкого языка. – Кудымкар, 1935.

ТФГ 1987 – Бондарко, А.В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Ленинград: Наука, 1987. – 348 с.

ТФГ 2013 – Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. – Москва, 2013. – 352 с.

УД 1990 – Сорвачева, В.А., Безноскова, Л.М. Удорский диалект коми языка. – Москва: Наука, 1990. – 287 с.

Ууспыльд, Э. Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом – глагольной формой на -des, -mata, -nud (-nuna), -tud (-tuna): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1967. – 23 с.

Ууспыльд, Э. Некоторые закономерности порождения обстоятельственных конструкций с центральным словом в неспрягаемой форме глагола эстонского языка // Проблемы моделирования языка: Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – 1969. – Вып. 228. – С. 173–174.

Ушаков, Г.А. Синтаксическая синонимия как основа работы над стилистикой // Вопросы преподавания русского, родных языков и литератур в национальной школе: сб. аспирант. ст. – Москва, 1975а. – Вып. 3. – С. 36–51.

Ушаков, Г.А. Синтаксические синонимы как средство повышения стилистической грамотности учащихся (при изучении сложноподчиненных предложений удмуртского языка в 7 классе): автореф. дис. канд. пед. наук; НИИ нац. школ. – Москва, 1975б. – 21 с.

Ушаков, Г. Сложноподчиненной предложениос но соослэн синонимъёссы : дышетисьёссы пособие. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 80 с.

Ушаков, Г.А. Синонимичность условного придаточного предложения и дееспричастного оборота и некоторые особенности их употребления в книжном и разговорном стилях речи // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка) : межвуз. темат. сб. науч. тр. / Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 1981. – С. 66–77.

Федюнева, Г.В. Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке. – Москва: Наука, 1985. – 136 с.

Федюнева, Г.В. Коми эмакыв артмӧм. – Сыктывкар, 2000а. – 91 с.

Федюнева, Г.В. Нимвежтас // Ёнія коми кыв. Морфология. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000б. – С. 155–206.

Федюнева, Г.В. Урчитан // Ёнія коми кыв. Морфология. – Сыктывкар: Коми небӧг лэдзанін, 2000в. – С. 404–434.

Федюнева, Г.В. Коми отглагольные прилагательные с суффиксом -са в контексте волжско-камских языковых контактов // Известия Коми научного центра УрО РАН. – 2014. – Вып. 2(18). – С. 89–94.

Федюнева, Г.В., Цыпанов, Е.А. Ашӧр кывсикасьяс коми кывйын. – Сыктывкар, 1992. – 96 с.

Филиппов, А.В. Местоимение // Современный русский язык / Под ред. Н.М. Шанского. – Ленинград, 1988. – С. 348–359.

Филиппова, М.М. О роли двойного отрицания в английском языке // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Москва: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 31. – С. 23–64.

Флеров, А. Зырянская грамматика, изданная от Главного правления училищ, сочинил А.Флеров. – [...], 1813. – 42 с.

Хакулинен, Л. Развитие и структура финского языка. Ч. II. Лексикология и синтаксис. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1955. – 292 с.

Хонти, Л. К вопросу о происхождении спаренных глаголов в финно-угорских языках Волжско-Камского региона // Урало-Алтайские исследования. – 2013. – № 2(9). – С. 109–114.

Цыпанов, Е.А. К истории суффикса *-ten* в коми языке // Советское финно-угроведение. – 1985. – № 3. – С. 182–189.

Цыпанов, Е.А. Каритивное причастие на *-tõm* и переход его в другие части речи // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Наука, 1990а. – Т. 2. – С. 218–220.

Цыпанов, Е.А. Система суффиксального отрицания в пермских языках // Diss. Congr. 7. Intern. Fenno-Ugristarum. Ses. Sect. Linguistica. – Debrecen, 1990б. – 3С. – S. 165–169.

Цыпанов, Е.А. Система суффиксального отрицания в пермских языках // Доклад на заседании Президиума Коми НЦ УрО РАН. – Сыктывкар, 1990в. – 17 с. – (Сер. «Науч. докл.»; Вып. 246).

Цыпанов, Е.А. Диалектные особенности коми глагола в трудах Ю. Вихманна // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сборник статей. – Ижевск, 1991. – С. 83–88.

Цыпанов, Е.А. Инфинитивные глагольные формы пермских и марийского языков в сопоставлении // Грамматика и лексикография коми языка: – Сыктывкар, 1995а. – С. 122–131. (Труды ИЯЛИ. Вып. 58).

Цыпанов, Е.А. Отрицательный инфинитив в коми языке // Грамматика и лексикография коми языка. – Сыктывкар, 1995б. – С. 132–140. (Труды ИЯЛИ. Вып. 58).

Цыпанов, Е.А. Деепричастие // Республика Коми. Энциклопедия. – Сыктывкар, 1997а. – Т. 1. – С. 393.

Цыпанов, Е.А. Статус деепричастных формантов типа *-игам*, *-игад* в коми языкознании // Пермистика IV: **Пермские языки и диалекты в синхронии и диахронии**. – Ижевск, 1997б. – С.181–185.

Цыпанов, Е.А. Причастие в коми языке: история, семантика, дистрибуция. – Екатеринбург: УрО РАН, 1997в. – 212 с.

Цыпанов, Е.А. Деепричастие // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Изд-во ДИК, 1998а. – С. 94.

Цыпанов, Е.А. Деепричастный оборот // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Изд-во ДИК, 1998б. – С. 93–95.

Цыпанов, Е.А. Лексико-грамматические разряды деепричастий // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Изд-во ДИК, 1998в. – С. 214–216 .

Цыпанов, Е.А. Парцелляция // Коми язык. Энциклопедия / Отв. ред. Г.В. Федунева. – Москва: Изд-во ДИК, 1998г. – С. 344.

Цыпанов, Е.А. Глагольные новообразования в коми языке // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола. – 1999а. – № 2–3. – С. 236–237.

Цыпанов, Е.А. О порядке слов в коми деепричастных конструкциях // Пермистика VII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. / Отв. ред. А.Н. Ракин. – Сыктывкар, 1999б. – С. 186–189.

Цыпанов, Е.А. Перым-коми гижӧд кыв. – Сыктывкар, 1999в. – 178 лб.

Цыпанов, Е.А. Вторичные значения лично-числовых глагольных суффиксов в коми языке // Финно-угристика на пороге III тысячелетия (филологические науки): Материалы II Всерос. науч. конф. – Саранск, 2000а. – С. 308–310.

Цыпанов, Е.А. Кадакыв // Ёнія коми кыв. Морфология. – Сыктывкар, 2000б. – С. 207–404.

Цыпанов, Е.А. Ногакыв // Ёнія коми кыв. Морфология. – Сыктывкар, 2000в. – С. 344–404.

Цыпанов, Е.А. Функциональные аналоги придаточных предложений времени русского исходного текста в коми переводах Евангелия от Матфея // Перевод Библии в литературах народов России, стран СНГ и Балтии: Материалы конференции, Москва, 2–3 декабря 1999 г. – Москва: Ин-т перевода Библии, 2003. – С. 281–290.

Цыпанов, Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.

Цыпанов, Е.А. Финно-угорские языки: сравнительный обзор. – Сыктывкар, 2009. – 288 с.

Цыпанов, Е.А. История и проблемы исследования деепричастий в коми языке // Динамические процессы в системах пермских языков. – Сыктывкар, 2011а. – С. 130–145. (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 68).

Цыпанов, Е.А. О двух видах реконструкции прапермских деепричастий // Динамика структур финно-угорских языков. – Сыктывкар: Изд.-во «Кола», 2011б. – С. 292–300.

Цыпанов, Е.А., Андреева, Л. О дефинициях деепричастий и их статусе в пермском и марийском языкознании // *Linguistica Uralica*. – 2010. – XLVI. – 2. – С. 102–111.

Черемисина, М.И., Колосова, Т.А. Очерки по теории сложного предложения / Отв. ред. З.Д. Попова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Либроком, 2010. – 226 с.

Черкасова, Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – Москва: Наука, 1967. – 280 с.

Чуглов, В.И. Осложненное предложение: полупредикативные и пояснительные конструкции в современном русском литературном языке (структурно-семантический аспект): автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. – Ярославль, 2012. – 49 с.

Чупашева, О.М. Грамматика русского деепричастия: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. – Москва, 2010. – 44 с.

Шамина, Л.А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: дис. ...д-ра филол. наук. – Новосибирск, 2004.

Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка. – 2-е изд. – Ленинград, 1941. – 620 с.; – Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка; предисл., ред. и коммент. Е.С. Истриной. – 4-е изд. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. – 624 с.

Шелякин, М.А. Функциональная грамматика русского языка. – Москва: Рус. яз., 2001. – 288 с.

Шеманаева, О.Ю. Конструкции размера в типологической перспективе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2008а.

Шеманаева, О.Ю. Конструкции размера в типологической перспективе // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008б. – Т. 150. – Кн. 2. – С. 125–133.

Шеманаева, О.Ю. Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке // «Диалог 2006» / [dialog-21.ru](http://dialog-21.ru/media/2048/shemanaeva.pdf)media/2048/shemanaeva.pdf. (Дата обращения: 09.2010).

Шеманаева, О.Ю. Точные и приблизительные оценки размеров предметов в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / Н.И. Лауфер, А.С. Нариньяни, В.П. Селегея (отв. ред.). – Москва, 2006. – С. 567–572.

Шигуров, В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та, Саранский филиал, 1988. – 88 с.

Шигуров, В.В. Типология употребления атрибутивных форм русского глагола в условиях отрицания действия: автореф. дис....докт. филол. наук. – Санкт-Петербург, 1994.

Шмелева, Т.В. Деепричастия на службе у модуса // Системный анализ значимых единиц русского языка. Синтаксические структуры: Межвуз. сб. – Красноярск, 1984. – С. 64–70.

Шустер, А.Г. Категория следствия и средства ее реализации на разных ярусах синтаксиса в современном русском языке: автореф. ... дис... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2005. – 21 с.

Шутов, А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке // Советское финно-угроведение. – 1979а. – XIV. – № 4. – С. 283–189.

Шутов, А.Ф. Абсолютные обороты в удмуртском языке: автореф. ... канд. филол. наук. – Москва, 1979б. – 21 с.

Шутов, А.Ф. Вопросы удмуртского синтаксиса в трудах Д.Р. Фокош-Фукса // Венгерские ученые и пермская филология: Сб.ст. – Устинов, 1987. – С. 121–126.

Шутов, А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в пермских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов / Отв. ред. Г.В. Федюнева. – Москва: Наука, 1990. – Т. 2. – С. 230–232.

Шутов, А.Ф. Роль порядка слов в развитии гипотактических отношений в удмуртском языке // Материалы II Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» (филологические науки). – Саранск, 2000. – С. 322–324.

Шутов, А.Ф. Выражение агенса разнособъектных конструкций в удмуртском языке // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2001. – С. 171–172.

Шутов, А.Ф. Пути развития гипотактических отношений в удмуртском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 44 с.

Шутов, А.Ф. Синтаксические конструкции, синонимичные придаточным предложениям, в удмуртском языке и природа их происхождения // Пермистика XIII: Вопросы пермского языкознания. – Сыктывкар, 2012. – С. 219–227. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 69).

Alhoniemi, A. Zur Syntax der Infinitivformen in den finnisch-ugrischen Sprachen // Finnisch-Ugrische Forschungen. – Helsinki, 1982. – Bd. XLIV. – S. 177–184.

Bartens, R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. – 376 с.

Beke, Ö. Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // Keleti Szemle. – 1914–1915. – XV.

Beke, Ö. Zur Geschichte einiger permischen Nominalbildungssuffixe // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 2. – Budapest, 1952. – S. 317–353.

Drossard, W. Subordination in Permian and Ugric Languages from converbial constructions to subordinate clauses // ASAS (Arbeiten des Seminars für Allgemeine Sprachwissenschaft) / K.H. Ebert (ed.). – Nr. 12. – Zürich, 1993. – S. 71–81.

Castrén, M.A. Elementa grammaticae syrjäenae / conscripsit M. A. Castrén. – Helsingforsiae: Ex officina typographica heredum Simelii, 1844. – 168 v.

Collinder, B. An Introduction to the Uralic Languages. – Berkeley; Los Angeles, 1965. – 179 p.

Collinder, B. Survey of the uralic languages. – Stockholm, 1957. – 539 p.

Crystal, D. Who Cares about English Usage? An Entertaining Guide to the Common Problems of English Usage. – Penguin Books, London, 1984. – P. 45.

Csúcs, S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. – Budapest: Akademiai Kiadó, 2005. – 405 p.

Fokos-Fuchs, D.R. Die Verbaladverbien der permischen Sprachen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1958. – T. VIII. – S.272 – 342.

Gabelentz, H. Grundzüge der syrjänischen Grammatik. – Altenburg, 1841.

Genez, A. Ostpermische Sprachstudien // JSFOu. Helsinki, 1897. XV. I. Pp. 1–57.

Hamari, A. The abessive in the Permic languages // *SUSA / JSFOu* 93. – Helsinki, 2011. – Pp. 37–84.

Haspelmath, M. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E.König [eds.] *Converbs in Cross-Linguistic Perspective. Structure and Meaning of Adverbial Verb forms – Adverbial Participles, Gerunds. Empirical Approaches to language Typology* 13. – Berlin, 1995. – Pp. 1–55.

Janhunen, J. On the structure of Proto-Uralic // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – 1982. – Bd. 44. – P. 23–42.

Kövesi, A.M. *A permi nyelvek ősi képzői/ Írta Kövesi Magda A.* – Budapest, 1965. – 432 Old.

Korhonen, M. *Johdatus lapin kielen historian.* – Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden Seura. – 1981. – 378 s. (Suomalaisen kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 370).

Leinonen, M., Nekrasova, G. The Komi answer to the essive question // *Uralic Essive and the Expression of Impermanent State. (Typological Studies in Language 119)*. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017. – P. 283–307.

Leinonen, M. On secondary predicates in Finnish and Komi // *Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern – Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache: Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag.* – München–Wien. 2009. – S. 413–430.

Nevskaya, I. Converbs as depictive secondary predicates in South Siberian Turkic // Boeschoten H., Rentzsch J. (eds.). *Turcology in Mainz.* – Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. – P. 91–200. (*Turcologica* 80).

Nevskaya, I. A. Converbs as secondary resultative predicates in Turkic languages // Demir N., Karakoç B., Menz A. (eds.). *Turcology and Linguistics. Éva Ágnes Csató Festschrift.* – Ankara: Hacettepe Üniversitesi Yayınları, 2014. – P. 305–313.

Nedjalkov, V. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective (Structure and Meaning of Adverbial Verb Forms – Adverbial Participles, Gerunds)*. – Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 97–136.

Nichols, J. Secondary Predicates // Berkely Linguistics Society. – 1978. – Pp. 114–127.

Schultze-Berndt, Himmelman, 2005 – Secondary Predication and Adverbial Modification: The Typology of Depictives / Ed. by N. P. Himmelman, E.F. Schultze-Berndt. – Oxford; New York, 2005. – 474 p.

Sjögren, A.M. Ueber den grammatischen Bau der Sürjänischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische // Mémoires de l'Acad. imp. des sc. de St.-Pétersb. – 1832. – 6. Série –T. I. – S. 149–169.

Stipa, G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 s. (Memoires de la Societe Finno-ougrienne, 121).

Sweet, H.A. A New English Grammar. – Oxford, 1903. – P. 124.

Uotila, T.E. Syrjänische Chrestomathie mit grammatikalischem Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis. – Helsinki, 1938. – 191 p. (Apuneuvoja suomalais-ugrilaisien kielten opintoja varten. VI / Hilfsmittel für das Studium der finnisch-ugrischen Sprachen. VI).

Wichmann, Y. Syrjaanin kielta. 1903.

Wichmann, Uotila 1942 – Wichmann, Y., Uotila, T. Syrjanischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. – Helsinki, 1942. – 486 l. (Suomalais-ugrilainen Seura. XVI; Lexica Societatis Fenno-Ugricae, VII).

Wiedemann, F.J. Versuch einer Grammatik der syrjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangelium Matthäi gebrauchten Dialekte. – Reval, 1847. – 144 S.

Wiedemann, F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. – Reval, 1851. – 390 S.

Wiedemann, F.J. Grammatik der ehstnischen Sprache, zunächst wie sie in Mittelehstland gesprochen wird, mit Berücksichtigung der anderen Dialekte. –St.-Pétersbourg: MM. Eggers et Cie, H. Schmitzdorff, 1875. – 664 s.

Wiedemann, F.J. Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. – Revel, 1884.

Ylikoski, J. Havaintoja komin konverbeistä // JSFOu. – Helsinki, 2001. – 89. – Pp. 212–216.

Ylikoski, Y. Defining non-finites: action nominals, converbs and infinitives // SKY Journal of Linguistics 16. – Helsinki: The Linguistic Association of Finland, 2003. – Pp. 185–237.

ИСТОЧНИКИ

Ануфриева, А.З. Марина // Ануфриева А.З. Майбыр: Повестьяс. Вись-тьяс. Салдатлөн письмёяс. – Сыктывкар, 1989. – С. 50–75.

Афанасьев, Е.С. И воис асыв // Войвыв кодзув. – 1985. – 11 №. – 29–31 л.б. // ЭККЯ (Дата обращения: 10.2020).

Афанасьев, Е.С. Тадзи жö вöлі тулыс // Афанасьев Е.С. Вежласяна по-воддя: висьтьяс, повесьтьяс. – Сыктывкар, 2007а. – 272 л.б.

Афанасьев, Е. Шöкнесса войтыр // Войвыв кодзув. – 2007б. – 10 №. – 8–39 л.б.

Афанасьев, Е.С. Кöза сюр вылын бобув: повесът // Афанасьев Е.С. Вежласяна поводдя: висьтьяс, повесьтьяс. – Сыктывкар: «Арт» журнал редакция, 2007в. – 155–198 л.б.

Афанасьев, Е.С. Сизим морта звено: челядьлы висът // Афанасьев Е.С. Вежласяна поводдя: висьтьяс, повесьтьяс. – Сыктывкар: «Арт» журнал редакция, 2007г. – 200–204 л.б.

Бабин, В. Бать сьöлöм // Войвыв кодзув. – 2014. – 8 №. – 33–41 л.б.

Бöрданкывъяс 1850 – Бöрданкывъяс верöс сайе нывсетöм дырийи (Приложение) // Савваитов, П.И. Грамматика зырянского языка. – 1850. – С. 140–168.

Баталов, В.Я. Öктöм проза. 430 стр. [Электронный ресурс]: подгот. по: Баталов В.Я. Шыннялö вöр. – Кудымкар, 1986; Баталов, В.Я. Зэр одзын. – Кудымкар, 1990. – Режим доступа к тексту: [www.Fulib.ru / books/komipermyakkiv/batalov.rar](http://www.Fulib.ru/books/komipermyakkiv/batalov.rar). (Дата обращения: март 2016).

Баталов, В.Я. Дед Ефим да сьлön внучеккез: висът // Баталов В.Я. Öктöм проза. – 35 л.б. [Электронный ресурс] [по: Баталов В.Я. Сьöкыт пондöтчöм: рассказы и очерки. Кудымкар, 1959. 112 лб.]. (Дата обращения: март 2016).

Баталов, В. Панько // Баталов В.Я. Зэр одзын. Кудымкар, 1990 // Öктöм проза. 430 л.б. [Электронный ресурс]: подгот. по: Баталов В.Я. Шыннялö вöр. – Кудымкар, 1986; Баталов, В.Я. Зэр одзын. – Кудымкар, 1990. – 405 л.б. Режим доступа к тексту: [www.Fulib.ru / books/komipermyakkiv/batalov.rar](http://www.Fulib.ru/books/komipermyakkiv/batalov.rar). (Дата обращения: март 2016).

Баталов, В.Я. Дед Ефим да сьлön внучеккез // Öктöм проза. 35 л.б. [Электронный ресурс]: Режим доступа к тексту: [www.Fulib.ru / books/komipermyakkiv/batalov.rar](http://www.Fulib.ru/books/komipermyakkiv/batalov.rar). (Дата обращения: март 2016). [Подгот. из: Баталов В.Я. Сьöкыт пондöтчöм: рассказы и очерки. Кудымкар, 1959].

Баталов, В. Шапка пожум: повесът // Баталов В.Я. Зэр одзын: челядь понда бöрийöм повесттез, рассказзэз да сказказз. Кудымкар, 1990. – 6–102 л.б.

Баталов, В.Я. Пыд вöрын // Пармалöн шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. – Кудымкар, 1997. – 123–161 л.б.

Безносовых, В. Мича олан туй (очерк) // Войвыв кодзув. – 1969. – 8 №. – 40–45 л.б.

Безносовых, В.И. Жар гожöм: повесыт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. – 144 л.б. – URL: <http://komicorpora.ru/> (дата обращения 15. 05.2019).

Безносовых, В.И. Ыж ку пася кöин // Войвыв кодзув. – 1971. – 5 №. – 39–47 л.б.

Белых, И. Эм кö кöнкö Медыджыдыс // Белых И. Кöмтöм кока челядьдырöй: висьтыяс. – Сыктывкар, 2012. – 160–164 л.б.

Беляев, Г.В. Узытöм вой // Войвыв кодзув. – 1963. – 9 №. – 23–29 л.б.

Беляев, Г. Война тема оз важмы: рецензия // Войвыв кодзув. – 1968. – 7 №. – 56–59 л.б.

Беляев, Г. «Аслыс тöдлытöг» лöма историкöн // Коми му. – 2004. – 22 мая.

Беляев, Г. Ылöдз судзсысь-аддзсь вежöра // Войвыв кодзув. – 2005. – 2 №. – 52–58 л.б.

Бичирок (Искорка): детский альманах. – 1993.

Вавилин, И. Лирическöй тетрадысь (кывбурьяс) // Войвыв кодзув. – 1969. – 10 №. – 3–6 л.б.

Ванеев, А. Бурджыка тöдны ас кыв // Войвыв кодзув. – 1969а. – 10 №. – 49 – 52 л.б.

Ванеев, А. Йöзкостса сёрниысь // Войвыв кодзув. – 1969б. – 12 №. – 59 – 62 л.б.

Ванеев, А. Ловья би // Ванеев А. Куим небöгö бöрйöм гижöдыяс. Т. 2: Сонетьяс. Поэмаяс. Кывбура висьтыяс. Кывбура циклыяс. Вуджöдöмьяс. – Сыктывкар, 2007. – 201–218 л.б.

Ванеева, И. Коми висьглöн чужöм да сöвмöм // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30–öд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 5–14 л.б.

Васютов, Ю.К. Шыр кывтö-катö: повесыт // Васютов Ю. Шондiа вой. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанiн, 2002. – 122–233 л.б.

Васютов, Ю. Салдат Васюта: казетылыны повесыт // Войвыв кодзув. – 2011. – 10 №. – 49–68 л.б.

Виктор Савин. Кывбурьяс. Поэмаяс. Пьесаяс. Висьтыяс. Очеркьяс / Сост. С.М. Морозов. – Сыктывкар, 1962. – 655 л.б.

ВКМ 1950 – Важ коми мойдыяс / ред. Ф.В. Плесовский; сост. П.Г. Доронин. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1950. – 146 л.б.

ВСМ 1986 – Висервожса сьыланкывьяс да мойдкывьяс / Чукöртiс да лöсьöдiс И.А. Осипов. – Сыктывкар, 1986. – 256 л.б.

Вурдов, А. Лэч туй // Войвыв кодзув. – 2008. – 9 №. – 21–45 л.б.

Габов, И. Машö // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30–öд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 292–325 л.б.

Горчаков, Г.Д. Луз ю вожын пуграсьö // Горчаков Г.Д. Луз ю вожын пуграсьö: повесть, висьтьяс, пьеса. – Сыктывкар, 1999. – 3–167 л.б.

Горчаков, Г. Со тэныд и гадайтчöм! // Войвыв кодзув. –1996. – 8 №. – 18–30 л.б.

Горчаков, Г. Вöлі дивö кодь долыд тулыс: ичöтик повесът // Войвыв кодзув. – 2007. – 3 №. – 15–30 л.б.

Горький, М. Мам (главы из романа «Мать» в переводе В.Т. Чиста-лёва) // Арт. – 2009. – 3 №. – 15–33 л.б.

Декабрь тöлысь кезлö гороскоп // Йöлöга. – 2011. – 25 ноября. – 11 л.б.

Дёмин, А. Воркута чужигöн // Войвыв кодзув. – 1987. – № 3. – С. 47–51.

Доронин, П.Г. Вотчина юклöм. Рöзөреньö. Кык патрон // Ытва дырйи: Коми висът 20–30-öд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 118–144 л.б.

Доронин, П.Г. Парма сёлöмын: Роман, висьтьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 256 л.б.

Елфимова, А. Аддзысылтöдз: кывбурьяс. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2002. – 192 л.б.

Елькин, М.А. Бурас эскöмөн. – Сыктывкар, 2000. – 34 л.б.

Жаков, К.Ф. Биармия // Войвыв кодзув. – 1991. – 12 №. – 54–58 л.б.

Иван Куратов йылысь 2004 – Иван Куратов йылысь материалъяс // Арт. – 2004. – 2 №. – 144–150 л.б.

Иванова, В.В. Керка пöль // Войвыв кодзув. – 1999. – 8 №. – 8–59 л.б. // Корпус коми языка: <http://komicoproga.ru/> (Дата обращения 13.11.2018).

Игнатов, М.И. Шогтöг да радлунтöг оз овлы: висът // Игнатов М.И. Юсьяс, донаяс, вай жö висъталöй: повестьяс, висьтьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 263–269 л.б.

Игнатов, И. Гортувса доймöм // Чушканзі. – 2016. – № 11.

Изьюров, И.В. Том олöмбй, том гажöй: Висьтьяс. Повестьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. – 228 л.б.

Изьюров, И.В. Миян грездса нывьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 352 л.б.

Изьюров, И. Öстаплөн туй. Шуд // Ытва дырйи: Коми висът 20–30-öд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 255–274 л.б.

Илля Вась. Мый медся дона да муса. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. – 223 л.б.

Инда океан // <https://koi.wikipedia.org/wiki> (Дата обращения: 05. 2017).

Исаев, В.И. Шаньшор // Пармалөн шыэз: Бöрйöм коми-пермяцкöй проза. – Кудымкар, 1997. – 306–330 л.б.

ИФ 1980 – Ипатьдорса фольклор. (Анастасия Шуктомовалөн сылан-кывьяс, мойдяс, шусьöгьяс да с.в.) / Лöсьöдіс А.К. Мikuшев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 184 л.б.

Канюков, В.И. Өктөм проза. Висьтъяс. – URL: [http:// www. studfiles.ru / preview/ 3562386/](http://www.studfiles.ru/preview/3562386/) (Дата обращения: 10.2018).

Канюков, В.И. Терентий Меркурьевич // Миян крайын: очерккес, расказзэз да стиххез. – Кудымкар: Коми-Пермяцкӧй государственнӧй издательство, 1949. – 11–34 л.б.

Канюков, В.И. Олан и ӧтік лун // Иньва: литературно-художественнӧй сборник. – Кудымкар, 1971. – 32–39 л.б.

Канюков, В.И. Бригадалӧн юралысь // Иньва: литературно-художественнӧй сборник. – Кудымкар, 1966. – 59–65 л.б.

Канюков, В.И. Мама-ныла // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 377–387 л.б.

Канюков, В.И. Чарӧтӧм пу // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 361–364 л.б.

Канюков, В.И. Шогалысь // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 370–373 л.б.

Канюков, В.И. Ларец // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 366 л.б.

Климов, В.В. Астыркинлӧн ар // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 167–184 л.б.

Климов, В.В. Би керись // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 184–197 л.б.

Климов, В.В. Милёв да Ярашко // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 197–207 л.б.

Климов, В.В. Тырдоз // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 207–214 л.б.

КМК 1913 – Цембер, А.А. Коми мойдан кывъяс. – Усть-Сысольск, 1913. – 41 л.б.

Козлова, Е. Векныдик ордым // Войвыв кодзув. – 1996. – 7 №. – 15–41 л.б.

Колегов, Е. Ловъя гира // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 63–65 л.б.

Коми, А.П. Зарни вӧр: повесыт. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 166 л.б.

Коми гижысыяс 1926 – Коми гижысыяс / Лӧсьӧдіс Илля Вась. – Москва, 1926.

Коми йӧзкостса 2006 – Коми йӧзкостса важ висьтъяс / Сост. Ю. Рочев. – Сыктывкар, 2006. – 240 л.б.

Коми кыв 2011 – Коми кыв. 1–4 классъяслы уджтас / Сост. Э.И. Полякова. Лӧсьӧдома Коми Респ. йӧзӧс велӧдан министерство индӧд серти. – Сыктывкар, 2011. – 49 л.б.

КЛП 1984 – Коми легенды и предания / Сост. Ю.Г. Рочев. – Сыктывкар, 1984. – 174 л.б.

- Козлова, Е. Мороз Пöльлöн козин // Козлова Е. Лöз клянича: висьтьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 3–4 л.б.
- Козлова, Е.В. Векныдик ордым // Козлова Е. Гöгыля-вугыля: повесьтьяс, висьтьяс. – Сыктывкар: Коми небöг лэдзанін, 2002. – 61–123 л.б.
- Конаков, Н. Кыдзи вöравлісны комияс // Войвыв кодзув. – 1983. – 9 №. – 44–46 л.б.
- Коркин, В.А. Синвисян (Трахома): Комион лöсьöдіс Ю.Будрин. – М., 1929.
- Кос Кабыр (Худяев И.Е.) Олöмлöн потласьöм // Ордым. – 1926. – 2 №. – 51–52 л.б.
- Костромина, И. Писар Пиль // Войвыв кодзув. – 1991. – 8 №. – 55–62 л.б.
- КПГ 1980 – Кривошекова-Гантман, А.С., Ратегова, Л.П. Коми-пермяцкие говоры. – Пермь, 1980. – 69 л.б.
- Куратов, И.А. Менам муза: художественной гижöд чукöр. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. – 605, [3] л.б.
- Куратов, В. Олöмыс чуксалö: повесьт // Войвыв кодзув. – 1967. – 8 №. – 33–44 л.б.
- Куратова, Н. Коми мулöн чужтас: очерк // Войвыв кодзув. – 1981. – 4 №. – 52–54 л.б. // ЭККЯ (Дата обращения: 10.2020).
- Куратова, Н. Урöдик кактус лэдзис дзоридз // Войвыв кодзув. – 1989. – 11 №. – 3–22 л.б.
- Куратова, Н. Съöд синъяса томиник ныв: повесьт // Войвыв кодзув. – 1991. – 4 №. – 8–23 л.б.
- Куратова, Н.Н. Кузьмич // Войвыв кодзув. – 2020. – 2 №. – 23–33 л.б.
- Куратова, Н.Н. Ас йöз // Куратова Н. Куим небöгö öтувтöм гижöд чукöр. 1 том: повесьтьяс, висьтьяс. – Сыктывкар: «Анбур», 2015. – 608 л.б. // ЭККЯ (Дата обращения: 10.2020).
- Куратова, Н.Н. Менам дона сикöтш-ожерельей: повестьяс, висьтьяс, пьесаяс. Олöмыс серпасторъяс. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2009. – 752 с.
- Куратова, Н.Н. Чужан лун // Куратова Н.Н. Кöні узьлö шонді: Висьтьяс. – Сыктывкар, 1998. – 39–45 л.б.
- Куратова, Н. Бара волі Куратчина грездö // Куратова Н.Н. Куим небöгö öтувтöм гижöд чукöр. 3 том. – Сыктывкар, 2017. – 578–590 л.б.
- Латышева, В.А. Культаурын национальной визь // Латышева В.А. Миян кывным мыйöн шыасяс...: литературно-критической статьяяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 6–18 л.б.
- Лилина, З. Миян вевöтись Ленин / Перевод на коми-пермяцкий язык Д.С. Шипицина. Центриздат, 1925.
- Лимерова, В. Я.М. Рочевлöн гижöдъяс йылысь мöвпъяс-пасйöдъяс // Арт. – 2009. – 1 №. – 22–29 л.б.

Липин, П. Бөрө кольёмаыс оз вун: повесть-казытылём. – Сыктывкар: КРИОиПК «Полиграф-сервис», 2002. – 100 л.б.

Лихачев, М. Виль туйот // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкый проза. – Кудымкар, 1997. – 7–46 л.б.

Лодыгин, В.Г. Вир йой: висыт // Лодыгин В.Г. Гыбад: висытъяс, повесыт, човталомьяс, шмонь. – Сыктывкар: «Анбур» небог лэдзанин, 2007. – 107–113 л.б.

Лудыков, М. Пужга вылын тулыс // Войвыв кодзув. – 1969. – 7 №. – 6–16 л.б.

Лужинов, А. Питирим Сорокинос казытывлігон: кывбур // Войвыв кодзув. – 1991. – 12 №. – 76 л.б.

Лыуров, А.А. Пурьяс кывтоны: висыт // Лыуров А. Водзын любов. – Сыктывкар: Коми книжнйй издательство, 1963. – 119–131 л.б.

Лыуров, А.А. Сьолмйй менам тани: повесыт // Лыуров А. Эн вундйй найос: висытъяс, повесть. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1974. – 74–159 л.б.

Лыуров, А.А. Кодлы война, а кодлы и...: повесыт // Лыуров А. Аттьо тиянлы: повесть, висытъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – 3–109 л.б.

Макарова, Е. Мед сомын радейтана мортыдлон ставыс вйлі бур // Коми му. – 2011. – Июль, 9-од лун.

Макарова, Е. Кодлы сетсьо отсог // Парма гор. – 2016. – 25 май.

Мальцева, Н. Коклон тоин // http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/ (Дата обращения: 10.2020).

Марпида баб да мукдьяс // Йолбога. – 2012. – сентябрь 11-од лун.

Маршак, С.Я., Сегал, Е.А. Миян уличавывса машинаяс // Ильин М., Сегал Е. Рассказыс сы йылысь, мый тэнй кытшалй миян карын. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. – 14–19 л.б. (перевод В.А. Лыткина).

Менам муса школа! // Йолбога. – 2012. – март, 23-од лун.

Минин, И.А. Вот тэныт и ошпинь // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкый проза. – Кудымкар, 1997. – 116–123 л.б.

Минин, И.А. Деревенскйй згальник // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкый проза. – Кудымкар, 1997. – 110–116 л.б.

Минин, И.А. Комолйй чёрт // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкый проза. – Кудымкар: Коми-Пермяцкйй кн. изд-во, 1997. – 93–97 л.б.

Минин, И.А. Посок // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкйй проза. – Кудымкар: Коми-Пермяцкйй кн. изд-во, 1997. – С. 106–110.

Минин, И.А. Басок кикимора // Пармалон шыэз: Бөрйом коми-пермяцкйй проза. – Кудымкар: Коми-Пермяцкйй кн. изд-во, 1997. – 88–93 л.б.

Мишарина, А. Кывбурьяс // Войвыв кодзув. – 1991. – 12 №. – 3–5 л.б.

Можаев, С.А. Комион гижом. URL: <http://fulib.ru> (Дата обращения: 2017).

Нёбдинса Виттор. Коммуын. Коми-пермяк округод ветлём-мунём // Нёбдинса Виттор (Савин В.А.) Мусюр сайын: проза гижёдьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 102–118 л.б.

Нилогов, Л. Ёктём проза. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562385/> (Дата обращения: 2017).

Нилогов, Л. Ош вийиссез // Нилогов Л. Быд кадлён аслас чужём. – Кудымкар, 1993 // Нилогов Л. Ёктём проза. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562385/> (Дата обращения: 10.2020).

Нилогов, Л. Войналён чужём // Нилогов Л. Ёктём проза. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562386/> (Дата обращения: 2017).

Нилогов, Л.Е. Война туйез кузя // Пармалён шыез: Бөрйём коми-пермяцкёй проза. Кудымкар, 1997. – 331–361 л.б.

Новиков-Прибой, А.С. Цусима: [Кн.1] / Перевод Д.В. Конюхова. – Сыктывкар: Комигиз, 1940. – 338 л.б.

Обрезкова, Н. Клетка пинжака морт // Войвыв кодзув. – 2008. – 12 №. – 7–26 л.б.

Обрезкова, Н. Вот тай-тай: пьеса // Войвыв кодзув. – 2018. – 8 №. – 9–36 л.б.
ОКЗР 1971 – Жилина, Т.И, Сорвачева, В.А. Образцы коми-зырянской речи / Под ред. Д.А. Тимушева. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1971. – 312 л.б.

Оласё 1990 – Оласё да вёласё: Коми-пермяцкёй сказкаэз, легендаэз, быличкаэз, висъгассэз. – Пермскёй кн. изд-во, Кудымкар, 1990. – Т. 1. – 368 л.б.

Охотник и леший // <http://www.komi.com/folk/myth/56.htm> (Дата обращения: октябрь 2015).

Плесовский, Ф. В. Коми фразеологизмъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 119 л.б.

Плесовский, Ф. В. Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 176 л.б.

Полещиков, В.М. Сереговса гижысь // Войвыв кодзув. – 1991. – 12 №. – 59–66 л.б.

Попов, В.А. Печора весъгті лэбё каля // Гы бёрся гы: кывбуръяс, поэмаяс. – Сыктывкар, 1984. – 31–33 л.б.

Попов, Н. Сім съод кымёр моз // Ытва дырйи: Коми висъг 20–30-ёд воясё. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987а. – 66–73 л.б.

Попов, А. Сила // Ытва дырйи: Коми висъг 20–30-ёд воясё. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987б. – 74–79 л.б.

Пунегова, Н. Кадё Лёнь ордын // Ёблёга. – 2018. – июнь, 4-ёд лун. – URL: <http://komicoproga.ru/> (Дата обращения 17.11.2019).

Пушкин, А.С. Капитанлён ныв. – Сыктывкар, 1954 (перевод И.В. Изъюрова) // ЭККЯ.

Пыстин, И. Бушкала вояс: Висъгъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987а. – 256 л.б.

Пыстин, И. Зурган. Вермам. Зук Ёгор // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987б. – 160–185 л.б.

Пыстин, И. Бӧрйӧм гижӧдъяс: повесьтьяс, висьтъяс, пьесаяс. – Сыктывкар: Кола, 2009. – 541 л.б.

Пыстин, И. Ытва дырйи // Арт. – 2007. – 3 №. – 104 л.б.

Рочев, Е.В. Сӧлӧмын вурис: повесть. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 117 л.б.

Рочев, Я.М. Ыджыд овмӧсын ветеран // Коми писательяслӧн расказыс. – Сыктывкар: Коми кн изд-во, 1954. – 26–36 л.б.

Рочев, Я. Му вежӧм. – Сыктывкар, 1967. – 239 л.б.

Рочев, Я. Паськыд туй вылӧ ме пета // Войвыв кодзув. – 1969. – 12 №. – 13–24 л.б.

Рочев, Я.М. Кык друг: Роман. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 388 л.б.

Рочев, Я.М. Изьва гызьӧ. Му вежӧм: Романъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 480 л.б.

Савин 1962 – Виктор Савин. Кывбурьяс. Поэмаяс. Пьесаяс. Висьтъяс. Очеркъяс; сост. С.М. Морозов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1962. – 655 л.б.

Савин, В. Кутшӧм коми репертуар колӧ // Нӧбдінса Виттор (Савин В.А.). Мусюр сайын: проза гижӧдъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 312–313 л.б.

Савин, В. Луча. Бӧрынтьчигӧн // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 15–37 л.б.

Сажин, И. Ён тыш. Сӧ сикас. «Шева чуман» // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 80–117 л.б.

Сан Антус (А.С. Забоев). Мыйла, кызди чужи коми литература // Ордым. – 1927. – 5 №. – 44–53 л.б.

Сан Антус (А.С. Забоев). Пармазон «Трипан Васьӧс пасьтӧдӧ» // Ордым. – 1929. – 11 №. – 47–51 л.б.

Сахарова, М.А. Коми пунктуация кузя правилӧяс. – Сыктывкар, 1961.

Сборник 1931 – Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / Под ред. В.И. Лыткина. – М.: Центриздат, 1931. – Вып. 2. – 73 с.

Слово святого отца нашего Иоанна Златоустаго на пасху – Кыл миян вежа айлӧн Зарнивома Иоаннлӧн Ыджыдлун вылӧ. На славянском и зырянском языках. На зырянский язык перевел священник Александр Сахаров. – Санкт-Петербург, 1899. – 8 с.

Старцев, Г.А. Важӧн и ӧні коми йӧзлӧн олӧмыс. (Прежде и теперь. Очерки по истории и этнографии коми народа). – Сыктывкар: Коми нига лӧдзанин, 1929. – 71 л.б.

Суворов, А. Енбия мортлөн тёдчанлун // Войвыв кодзув. – 2005. – 2 №. – 15–19 л.б.

Тарабукин, И.И. Краткий коми-русский фразеологический словарь / Под ред. проф. В.И. Лыткина. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1959. – 149 с.

Тарабукин, А.А. Командировкаӧ // Войвыв кодзув. – 1988. – 9 №. – 39–41 л.б. – URL: <http://komicoroga.ru/> (Дата обращения: 15. 11.2019).

Терентьев, С.К. Кӧръясӧй, менам кӧръясӧй // Арт. – 2003. – 3 №. – 24–39 л.б.

Тима Вень 1921 – Тима Вень. Вой тӧв шувгӧм: Сборник. – Сыктывкар, 1921.

Тима Вень 1936 – Тима Вень. Олӧм вояс. Мӧд том. – Сыктывкар, 1936.

Тима Вень 1978 – Тима Вень. Трипан Вась // Rédei K. Chrestomathia Syrjaenica. – Budapest, 1978. – С. 116–121.

Тима Вень. Кыккока: висьт // Тима Вень (В. Чисталев). Ниа : 1908–1929 воясыя гижӧдъяс. – Сыктывкар: Кола, 2010. – 209–213 л.б.

Торлопов, Г. Водзын муньсь, туй индальсь, велӧдысь // Войвыв кодзув. – 12 №. – 1985. – 4–47 л.б.

Торопов, В.П. Тулан бӧрся: висьт // Торопов В.П. Менам вӧр-ва: висьтъяс, натуралистлӧн пасйӧдъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 51–54 л.б.

Торопов, В.П. Гриш-Пашъяс: висьт // Торопов В. Талун и аски: висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 49–54 л.б.

Торопов, И.Г. Проса рок: висьт // Торопов И.Г. Ми войвывсяяс: висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. – 50–70 л.б.

Торопов, И.Г. Муным нималӧ пармаӧн: повесыт // Войвыв кодзув. – 1983. – 7 №. – 3–28 л.б.

Торопов, И. Арся сыланкыв // Торопов И.Г. Съӧкыд лоны мортӧн. – Сыктывкар, 1984. – 203–268 л.б.

Торопов, И. Вошӧм гортӧ мунан туйыс // Войвыв кодзув. – 1998. – 9 №. – 3–45 л.б.

Торопов, И.Г. Ӧтувтӧм гижӧдъяс. Т. 1. Висьтъяс, повесыт, кывбуръяс. – Сыктывкар, 2003. – 736 л.б.

Ульянов, А. Съӧд ар. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1992. – 157 л.б.

Ульянов, А. Олӧмыдлӧн пыдӧсыс оз тыдав // Войвыв кодзув. – 2012. – 12 №. – 7–33 л.б. // ЭККЯ (Дата обращения: 10.2020).

Фадеев, Т. Олӧм лун = Прожитый день: рассказ // Иньва: лит.-худож. сб. – Кудымкар, 1995. – 75–88 л.б. // Фадеев Т.П. Комиӧн гижӧмыс. Парма, 2006. – 61–76 л.б. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page/9/> (Дата обращения: 05. 2016).

Фадеев, Т.П. Туйвежжес // Фадеев Т.П. Комиӧн гижӧмыс. Парма, 2006. – 362–391 л.б. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383> (Дата обращения: 05. 2016).

Фадеев, Т.П. Аддзисыльтөдз, Марина // Фадеев Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – 239–305 л.б. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383> (Дата обращения: 10.2020).

Фадеев, Т.П. Ыбшар: роман (куим частьын). – Кудымкар: Пермское книжное издательство, Коми-Перм. отд-ние, 1989. – 350 л.б. // Фадеев Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – 391–572 л.б. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:54/page:62/> (Дата обращения: 10.2020).

Фадеев, Т.П. Лёха // Пармалён шыэз: Бөрйём коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1997. – 214–238 л.б.

Фадеев, Т.П. Тупёсез // Фадеев Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – 86–93 л.б. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383/page:10/> (Дата обращения: 10.2020).

Фадеев, Т.П. Гажа грива: повесыт. Кудымкар: Пермское кн. изд-во, Коми-Перм. отд-ние, 1974. – 62 л.б. // Фадеев Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383> (Дата обращения: 10.2020).

Фадеев, Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383>.

Фадеев, Т.П. Била: повесыт // Фадеев Т.П. Комиён гижёмыс. – Parma, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562383>.

Фадеев, Т.П. Медодзза пантасьём // Пармалён шыэз: Бөрйём коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1997. – 239–258 л.б.

Федоров, Г. Кыа петигён // Войвыв кодзув. – 1958. – 5 №. – 3–21 л.б.

Федоров, Г. Востым. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 382 л.б.

Фёдоров, Г. Ытва дырйи. Полошуйтчём. Шуштём кад // Ытва дырйи: Коми висыт 20–30-өд воясё. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 195–254 л.б.

Федоров, Г. Война лунъясё: повесыт. – Сыктывкар, 1952. – 156 л.б.

Федоров, Г. Полошуйтчём: висыт // Ытва дырйи: Коми висыт 20–30-өд воясё. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 206–228 л.б.

Федосеев, С.А. Счастье ас кыин. – Кудымкар, 1978. – 104 л.б.

Федосеев, С.А. Ёктём проза. – Parma, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562384/>

Федосеев, С.А. Звезда // Пармалён шыэз: Бөрйём коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1997. – 290–306 л.б.

Федосеев, С.А. Кусём бизз // Кусём бизз: Повесттез. – Кудымкар, 1991. 300 л.б. // Федосеев С.А. Ёктём проза. – Parma, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562384/> (Дата обращения: 10.2020).

Федосеев, С.А. Чарём вылёт // Пармалён шыэз: Бөрйём коми-пермяцкёй проза. – Кудымкар, 1997. – 258–290 л.б.

Федосеев, С.А. Виль гортын // Пармаын югыт: бөрйөм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар: Пермской кн. изд-во, 1985. – 255 л.б. // Федосеев С.А. Ӗктӧм проза. – Парма, 2006. – URL: <http://www.studfiles.ru/preview/3562384/>

ФС 1938 – Фольклорный сборник. Старинные коми сказки и песни / Собрал П. Доронин. – Сыктывкар: Коми ГИЗ, 1938. – 167 с.

Цембер, А. Коми мойдан кывъяс. – Устьысыольск, 1913. – 42 л.б.

Чехов, А.П. Виль дача // А. П. Чехов. Рассказы. – Сыктывкар, 1954. – 54–67 л.б.

Чисталёв, В. Шог асыв. Варгысь Ёгор. Трипан Вась. Ӗти... дас куим миллион лыдысь // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 38–63 л.б.

Чисталёв, В.Т. Ния: 1908–1929 вояся гижӧдъяс. – Сыктывкар: Кола, 2010. – 591 л.б. // ЭККЯ (Дата обращения: 10.2020).

Чугаев, Н. Пас: очерк // Войвыв кодзув. – 2014. – 11 №. – 3–13 л.б. – URL: <http://komicorpora.ru/> (Дата обращения: 10.10.2019).

Чугаева, В. Ужыд, гашкӧ, и сюрас, да оланіныс абу // Коми му. – 2007. – январь, 16-ӧд лун. <http://finugor.ru/node/2241> (Дата обращения: 21.12.2013)

Шадрин, И. Дёма // Пармалӧн шыэз: Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар, 1997. – 46–86 л.б.

Шаманов, А. Добровольцъяс // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 326–342 л.б.

Шаманов, А. Гуся уджъяс // Вояс пыр, би пыр: Война вылын усьӧм коми гижысьяслӧн висьтъяс, пасйӧдъяс, кывбуръяс / лӧсьӧдысьыс С.М. Морозов. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 278–280 л.б.

Шахов, П. Лӧз патефон. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. – 256 л.б.

Шестаков, М. Пӧжар. Разведка бӧрын // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 144–159 л.б.

Шолохов, М. Лэптӧм эжа (комиӧдіс Д. Конюхов). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958. – 336 л.б.

Ытва дырйи 1987 – Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 352 л.б.

Эжва йывлӧн 2010 – Эжва йывлӧн флагман [Электронный ресурс] // Парма гор. 27.02.2010: Режим доступа к тексту: <http://badelskkomi.svoiforum.ru/>

ЭККЯ – Электронный корпус коми языка: <http://komicorpora.ru/> (Дата обращения 10.2020).

Юхнин, В. Тундраса бияс. I юкӧн. – Сыктывкар: Коми гос. изд-во, 1949а. – 224 л.б.

Юхнин, В. Тундраса бияс: роман, II часть // Войвыв кодзув. – 1949б. – 11 №. – 4–34 л.б.

Юхнин, В. Алёй лента: Роман. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. — 368 л.б.

Юхнин, В.В. Тундраса бияс: куим частя роман. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1957. — 576 л.б.

Юшков, Г.А. Ловъя лов // Войвыв кодзув. — 1975. — 9 №. — 3–15 л.б.

Юхнин, В. Алёй лента: Роман. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. — 456 л.б.

Юхнин, В.В. Дінгёльса вөрпункт: Повесть. — Сыктывкар, 1983. — 176 л.б.

Юхнин, В.В. Тундраса бияс: куим юкёна роман. — Сыктывкар, 1984. — 472 л.б.

Юшков, Г. Рөдвуж пас: роман // Войвыв кодзув — 1987. — 5 №. — 3–28 л.б.

Юшков, Г. Нель небөгö отувтöм гижöд чукöр. Бива. Чугра. Т. 1. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. — 687 л.б.

Яковлев, Ю. Мозын ю дорö, Вашка ю дорö Менам нэм кезлö кольöма лов // Коми му. — 2008. — сентябрь, 16-öд лун.

Fokos-Fuchs, D.R. Volksdichtung der Komi (Syrjanen). — Budapest, 1951. — 470 S.

Fokos-Fuchs, D.R. Syrjanisches Wörterbuch. I–II. — Budapest: Akademia Kiado, 1959. — 1654 S.

ST I 1985 — Syrjänische Texte. Band I. Komi-permjakisch. Gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. — Helsinki, 1985. — 297 S.

ST II — Syrjänische Texte. Band II. Komi-syrjänisch: Izma-, Pec'ora- und Vym-Dialekte. Gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von P. Kokkonen. — Helsinki, 1986. — 241 S.

ST III — Syrjänische Texte. Band III. Komi-Syrjänisch: Luza-, Letka-, Ober-Sysola-, Mittel-Sysola-, Prisyktyvkar-, Unter-Vycegda- und Udora-Dialekte, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. — Helsinki, 1989. — 401 S. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 202).

ST IV — Syrjänische Texte. Band IV. Komi-Syrjänisch: Ober-Vycegda-Dialect, gesammelt von T.E. Uotila. Übersetzt und herausgegeben von Paula Kokkonen. — Helsinki, 1995. — 521 S. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia, 221).

SV 1916 — Syrjänische Volksdichtung / Gesammelt und herausgegeben von Y. Wichmann. — Helsinki, 1916. — 338 c. — (SUST MSFOu, 28).

ZT 1996 — Zyrian Texts / K. Rédei. — Wiesbaden: Harrassowitz, 1996. — 144 c.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- букв. – буквально
вв. – верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
венг. – венгерский язык
вм. – вместо
вс. – верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
вым. – вымский диалект коми-зырянского языка
ДК – деепричастная конструкция
ДО – деепричастный оборот
досл. – дословно
дпр – деепричастие
др. – другие
ИФГ – инфинитные формы глагола
иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка
изд. – издание
кз. – коми-зырянский язык
кп. – коми-пермяцкий язык
лет. – летский говор лузско-летского диалекта коми языка
лл. – лузско-летский диалект коми-зырянского языка
мар. – марийский язык
нв. – нижневычегодский диалект коми языка
печ – печорский диалект коми-зырянского языка
пукс. – говор с. Пуксиб коми-пермяцкого языка
Рх – посессивный суффикс
скр. – присыктывкарский диалект коми языка
ср. – сравнить
сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка
уд. – удорский диалект коми-зырянского языка
удм. – удмуртский язык
abl. – аблатив
accus. – аккумулятив
Adj. – прилагательное
PRNadj. – адъективное прилагательное
ADV/ PRNadv. – наречие / местоименное наречие
approx. – аппроксиматив
approx.-illat. – аппроксиматив-иллатив
CONV – конверб, деепричастие
dat. – датив
egr. – эгрессив
elat. – элатив

gen. – генитив (адессив)
illat. – иллатив
iness – инессив
Inf. – инфинитив
instr. – инструменталь
komit. – комитатив
konsek. – консекутив
N – существительное
Ninstr / PRNinstr – существительное / местоимение в форме инструментала
Nnom. / PRNnom – существительное / местоимение в форме номинатива
Npost – послеложно-именная конструкция
PRN – местоимение
PRNadj. – адъективное местоимение
PRNadv. – адвербиальное местоимение
prolat. – пролатив
Px – определенно-притяжательный суффикс
Px1Pl – посессивный суффикс 1 лица множественного числа
Px2Sg – посессивный суффикс 2 лица единственного числа
Px3Sg – посессивный суффикс 3 лица единственного числа
term. – терминатив
abess. – абессив
1sg – 1 лицо единственное число
2sg – 2 лицо единственное число
3 sg – 3 лицо единственное число
1pl. – 1 лицо множественное число
2pl. – 2 лицо множественное число
3pl. – 3 лицо множественное число

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1 СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ДЕЕПРИЧАСТНЫХ ФОРМ КОМИ-ЗЫРЯНСКОГО И КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ДИАЛЕКТНОМ КОНТИНУУМЕ (по данным различных источников)

Язык	Деепричастия с -к-овым компонентом			
	Способы образования (литературный язык и диалекты)			
	Соединение суффикса с (падежным) суффиксом			Соединение суффикса с послелогом
кп. -ик мыс., в-луп., вкам. -иг	-ик + падежный суффикс инструмента (INSTR) неопределенного склонения -өн: -икӧн зюзд. вкам.	а) -иг + падежный суффикс инессива (INESS.) неопределенного склонения -ын: -игын зюзд. вкам. -игын мыс.-луп. б) -ик + падежный суффикс инессива (INESS. PX) определенно-притяжательного склонения: -икам (Px1 Sg.) -икат (Px2 Sg.) -икас (Px3 Sg.) -иканым (Px1 Pl.) -иканыт (Px2 Pl.) -иканыс (Px3 Pl.)	-ик + падежный суффикс илллатива (ILLAT) неопределенного склонения -ӧ: -икӧ -игӧ мыс., в-луп.	-ик моз -ик коста -ик дырйа -ик кэжӧ -ик дырни

кз. -иг вым., иж. -ыг	а) -иг + падежный суффикс инструменталя (INSTR) неопределенного склонения -<i>өн</i> -иг<i>өн</i> -иг<i>ясён</i> (Pl.) -ыг<i>өн</i> вым. -иг<i>эн</i> вв. -ыг<i>эн</i> иж. -иг<i>ёныд</i> (Px2Sg.) -иг<i>ёныс</i> (Px3Sg.) -иг<i>ённым</i> (Px1Pl.) -иг<i>ённыд</i> (Px2Pl.) -иг<i>ённыс</i> (Px3Pl.) б) -иг + падежный суффикс инструменталя (INSTR) определенно-притяжательного склонения 2 и 3 лица (INSTR.Px) -<i>над</i> (Px2sg.) -<i>нас</i> (Px3sg.): -иг<i>над</i> ллд., уд. -иг<i>нас</i> ллд., уд.	а) -иг + падежный суффикс инессива (INESS.) неопределенного склонения -<i>ын</i>: -иг<i>ын</i> -иг<i>ясын</i> (Pl.) б) -иг + падежный суффикс инессива (INESS.PX) определенно-притяжательного склонения: -иг<i>ам</i> (Px1Sg.) -иг<i>ад</i> (Px2Sg.) -иг<i>ас</i> (Px3Sg.) -иг<i>аным</i> (Px1Pl.) -иг<i>аныд</i> (Px2Pl.) -иг<i>аныс</i> (Px3Pl.)	-иг + падежный суффикс иллатива (ILLAT) неопределенного склонения -<i>ө</i> -иг<i>ө</i> -иг<i>ясө</i> (Pl.)	-иг <i>вөдзө</i> уд. -иг <i>вылө</i> уд. -иг <i>вөсна</i> (Wied.) -иг <i>дорыд</i> -иг<i>дыр</i> -иг<i>дыра</i> -иг <i>дырийи</i> -иг <i>дыръя</i> -иг <i>тыръя</i> -иг<i>быд</i> -иг<i>водзад</i> -иг<i>водзвылас</i> -иг<i>вылө</i> -иг<i>кэжсө</i> -иг<i>кежлө</i> -иг<i>кості</i> -иг<i>коста</i> -иг<i>моз</i> -иг<i>сор</i> -иг<i>сорөн</i> -иг<i>тыр</i> вым. иж. уд. -иг<i>тырйа</i> -иг<i>тырийи</i> -иг<i>тырийө</i> л. -иг<i>тыръя</i> нв. сс. -ыг<i>пыр</i> -иг<i>пыр</i> -иг <i>пырись</i> вв. -иг<i>чөж</i> -иг<i>тиөж</i>
--	--	--	---	---

К.ЯЗЬВ. -ки / -ик		а) -к + падежный суффикс инессива (INESS. Px) определенно-притяжательного склонения > -кам (Px1Sg.) -кат (Px2Sg.) -кас (Px3Sg.) -каним (Px1Pl.) -канит (Px2Pl.) -канис (Px3Pl.)		
Деепричастия с -т-овым компонентом				
КП. -тён -төдз -төг	а) остаток суффикса отглагольного имени -т + суффикс инструментального неопределенного склонения (INSTR) -ён > -тён -тёнь куд.-иньв.д. б) -тён (-тёнь) + падежный суффикс инессива (INESS. Px) определенно-притяжательного склонения: -тённям (Px1Sg.) -тённят (Px2Sg.) -тённяс (Px3Sg.) -тённяным (Px1Pl.) -тённяныт (Px2Pl.) -тённяныс (Px3Pl.)	а) остаток суффикса отглагольного имени -т + суффикс терминатива неопределенного склонения (TERM) -өдз > -төдз б) -төдз + падежный суффикс инессива / илллатива (ILLAT -INESS. Px) определенно-притяжательного склонения: -төдззам (Px1Sg.) -төдззат (Px2Sg.) -төдззас (Px3Sg.) -төдззаным (Px1Pl.) -төдззаныт (Px2Pl.) -төдззаныс (Px3Pl.)	а) абессивный суффикс (ABESS) -төг б) -төг в определенно-притяжательном склонении: -төгьям (Px1Sg.) -төгьят (Px2Sg.) -төгьяс (Px3Sg.) -төгьяным (Px1Pl.) -төгьяныт (Px2Pl.) -төгьяныс (Px3Pl.)	

к.язъв. -төдз -төг		а) остаток суффикса отглагольного имени <i>-т</i> + суффикс терминатива неопределенного склонения (TERM) <i>-өдз</i>> <i>-төдз</i> б) <i>-төдз</i> + падежный суффикс инессива / иллатива (ILLAT-INESS. P_x) определенно-притяжательного склонения: <i>-төдзийам</i> (P_x1Sg.) <i>-төдзийат</i> (P_x2Sg.) <i>-төдзийас</i> (P_x3Sg.) <i>-төдзийаним</i> (P_x1Pl.) <i>-төдзийанит</i> (P_x2Pl.) <i>-төдзийанис</i> (P_x3Pl.)	абессивный суффикс (ABESS) <i>-төг</i>	
кз. -төдз -төг		а) остаток суффикса отглагольного имени <i>-т</i> + суффикс терминатива неопределенного склонения (TERM) <i>-өдз</i> > <i>-төдз</i> <i>-тэдз</i> лл., вв., уд., иж. <i>-тээдз</i> вв. <i>-тэдзийа</i> иж.	а) абессивный суффикс (ABESS) неопределенного склонения <i>-төг</i> <i>-тэг</i> иж., печ. <i>-төгъя</i> <i>-тэгийа</i> иж., печ. <i>-төга</i>	<i>-төгмоз</i> <i>-төдз</i> <i>войдөр</i> <i>-тисъ</i> <i>войдөр</i> вв. <i>-тисъ</i> <i>вөт'ми</i> уд. <i>-ыд /-ыт-</i> <i>тыр</i> уд. <i>-ытмоз</i> уд. <i>-ыткости</i> уд. <i>-ыткоста</i> уд. <i>-ыттицёжс</i> уд. <i>-ытдыра</i> уд. <i>-ытвылө</i> уд. <i>-ыткежө</i> уд. <i>-ытвөдз</i> уд.

		б) -<i>төдз</i> в определенно-притяжательном склонении: -<i>төдзыд</i> (Px2Sg.) -<i>төдзыс</i> (Px3Sg.) -<i>төдэным</i> (Px1Pl.) -<i>төдэныд</i> (Px2Pl.) -<i>төдэныс</i> (Px3Pl.) в) -<i>т</i> + суффикс элатива (ELAT) -<i>ись</i> > -<i>тись</i> вв., уд.	б) -<i>төг</i> в определенно-притяжательном склонении: -<i>төгыд</i> (Px2Sg.) -<i>төгыс</i> (Px3Sg.) -<i>төгэным</i> (Px1Pl.) -<i>төгэныд</i> (Px2Pl.) -<i>төгэныс</i> (Px3Pl.)	
Деепричастия с -м-овым компонентом				
кп.	- <i>мөн</i> (отсутствует в кп. языке, указана как устаревшая форма) <i>пөтмөн</i> уст. см. пөттөдз (КПРС 1985: 369)			
к-язьв.	- <i>төп</i> У А. Генеца встречаются формы без перевода: <i>kértmөп</i> , <i>kөskimөп</i> , (Genez 1897: 56)			
кз.	а) герундиум в неопределенном склонении - <i>мөн</i> - <i>мэн</i> вв. - <i>мөнъя</i>	-<i>мысьт</i> /-<i>мысь</i> -<i>мисьт</i> (-<i>миссьти</i>, -<i>мисьтэн</i>, -<i>мысьт</i>) нв. -<i>мысьти</i> (-<i>мысьти</i>, -<i>мысь</i>) вд. -<i>мисьт</i> (-<i>миссьти</i>, -<i>миссьтэн</i>, -<i>мысьт</i>) вв. -<i>мысьтөн</i> лл. (Вихман, 1942: 392)		- <i>мөн мында</i> - <i>мөн вья</i>

	б) в определенно-притяжательном склонении: -мõныд (Px2Sg.) -мõныс (Px3Sg.) -мõнным (Px1Pl.) -мõнныд (Px2Pl.) -мõнныс (Px3Pl.)			
Другие формы				
КП.	-õмõн -эмэн мыс.-луп. не CONV-õмõн	-сõн (малоупотр.: сүвтсõн, водсõн и т.д.) и адвербиализованы		-андор -андорас -õмõнмоз
КЯ.	—	—	—	
КЗ.	-õмõн -эмэн вв., иж.	-са иж., вым. (вотса, сутса, пукса)	-ана(а)	-õмõн тишõти -õмõнмоз -анмоз -андор -ананырысь

Приложение 2
ПРИМЕРЫ С РЕДКИМИ, УСТАРЕВШИМИ,
МАЛОРАСПРОСТРАНЕННЫМИ, ДИАЛЕКТНЫМИ ФОРМАМИ
ДЕЕПРИЧАСТИЙ

-СА: Формы на *-са* в ижемском и вымском диалектах образуют небольшую группу деепричастий со значением состояния: *вотса* 'лёжа', *пукса* 'сидя', *вотса лыд'д'ыс'э* 'лёжа читает'; *пукса и унмоос'ёма* 'сидя и уснул') [Ляшев 1975: 157; 2014: 108–110; ИД 1976: 102; Баталова 1982: 152–153].

-ИГБЫД-

Сейигбыдыс пыр сёрнитис 'Пока ел, всё время говорил'; *Мунігбыд сералис* 'Всё время, пока шли, смеялся'.

-ИГПЫР, -ИГПЫРЫСЬ

Коды коймёд час бёрын воыс, сыё нимасигпыр мед гажёдчас (Слово святого отца нашего Иоанна Златоустаго на Пасху = Кыл мийан вежа айлён Зарнивома Иоаннлён Ыджылдун вылё. На славянском и зырянском языках. На зырянский язык перевел священник Александр Сахаров. – Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1899. – Лб.4) 'Аще кто по третьем часе прииде, благодаря да празднует';

<...> *Слоббда-Ягса олысь Прёк Сем кильчө помсяньыс колльодіс кык гёсьтёс, кодьяс тэрмасигпыр додь бёжё гөррдалісны ассьыныс көлуй* <...> (Вурдов А. «Зарни куд» // Выль туйёд. 2014-01-10) 'Житель Слобода-Яга Прок Сем на лестнице провожал двух гостей, которые торопясь привязывали к концу саней свои вещи';

Вёралысь кань моз кокньыдика, виччысигпыр ылыстчис сьёрт пытико (Вурдов А. Гортса юм ва: повесыт // Войвыв кодзув. – 2008. – № 11. – Лб. 10–45.) 'Охотник тихо, как кошка, выжидая, отошел вглубь ельника';

Верёскөд торйён мунёмыс лои пи вёсна, висигпырысь быдмё да (Козлова Е. Озьякерёсанёй: повесыт // Войвыв кодзув. – 2007. – № 8. – Лб. 3–32) 'Из-за сына с мужем уехать получилось по отдельности, так как растёт болезненным (букв. болея)';

И та йылысь некымын лун шензигпыр казътылёма... (Ладанов М. Прөст кадö – вын-эбөс песны // Коми му, 2013, 21 февраля) 'И об этом еще несколько дней вспоминал, удивляясь'.

-ИГВОДЗ-АС /-Ө /-АД

уд. *пыийас кө туй кузяыс шыр, сийа төдöмыс туй помассиг вөдзö* (ST. В.ІІІ. 1989:392) 'если по дороге пробежит (перебежит) мышь, понятно, дороги не будет (букв. перед концом дороги)';

уд. а веськыт кӧ лудӧ, сийа деньга **петиг вӧдзӧ** (СТ. В.Ш. 1989:392) 'если правая (рука) чешется, деньги будут (букв. перед появлением денег)';

А Феня ачыс и висътасис: – Федя вокӧ, на – тайӧс тэныд Яна мӧдӧдӧс, мунигводзас (Иванова В.В. Керка-пӧль // Войвыв кодзув. – 1999. – № 8. – Лб. 8–59.) 'А Феня сама и проговорила: – Федя, брат, на возьми – это тебе Яна передада, перед отъездом';

С'ойигводзад кырымтӧ мыс'кал (Цыпанов 2011: 135) 'Перед тем как поест, руки вымой';

Шуас: «Юрыд мед оз янав, Гусьӧн сӕйигводзад паняв (Некрасов А.И. Тӧдысь // Некрасов (Гамса) А. Шудыд – тэрыб лэбач: кывбурьяс. – Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1998. – 128 лб.) 'Скажет: «Чтобы не опозориться, перед едой тайком хлебни»'.

-ИГВОДЗВЫЛАС

Буретиш Визин сиктса коми сёрнилӧн аслыспӧлӧслунъяс йылысь реферат сийӧ дасьтӧма аспирантураӧ пыригводзвылас (Цыпанов Йӧлгинь. Туялан туйӧд: велӧдчӧм. – Сыктывкар: «Кола» небӧг лэдзанін, 2010. – 352 лб.) 'Реферат об особенностях говора села Визинги он подготовил к поступлению в аспирантуру';

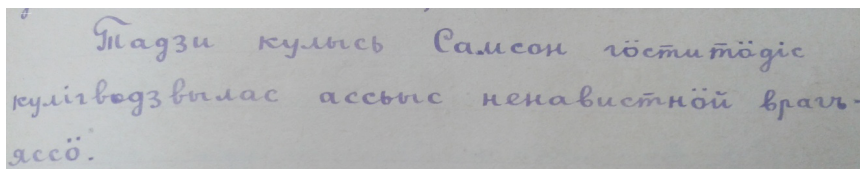
Вежӧссыс петигводзвылас ӧти ёрт индӧма куйлысь Сергей вылас да шензьӧмпырысь пӧ юалӧма: «А тайӧ нӧ кодӧ?» (Цыпанов Йӧлгинь. Туялан туйӧд: велӧдчӧм. – Сыктывкар: «Кола» небӧг лэдзанін, 2010. – 352 лб.) 'Перед выходом из комнаты один из друзей указал на лежащего Сергея и удивленно спросил: «А это кто?»';

Тыдалӧ, тайӧ вӧлӧма керка вузалигводзвылас, айӧй коркӧ 60-ӧд вояс помланьыс важ керкасӧ вузалӧма сиктсӧветлы пес вылӧ, <...> (Цыпанов Йӧлгинь. Туялан туйӧд: велӧдчӧм. – Сыктывкар: «Кола» небӧг лэдзанін, 2010. – 352 лб.) 'Видимо, это произошло до продажи дома, мой отец в конце 60-х годов старый дом продал сельсовету на дрова';

Лунъясмысти, мӧдигводзвылас, колхозса юралысьыд да гӧсьтыд пывясны да сёр рытӧдз чӧсмасысны сурӧн, <...> (Вурдов А. Педӧр Ӧнтиплӧн кыв // Войвыв кодзув. – 2007. – № 2) 'Дни спустя, перед отъездом, руководитель колхоза и гость попарились в бане и допоздна лакомились брагой';

Петигводзвылас нин Жерпинева бара на пыраліс мужикъяс дінӧ, <...> (Афанасьев Е. Кылӧдіс пурйӧн пес: висът // Войвыв кодзув. – 2002. – № 10. – Лб. 59–62) 'Уже перед тем как выйти Жерпинева снова заходил к мужикам <...>;

Тадзи кулысь Самсон гӧститӧдіс кулигводзвылас ассьыс ненавистной врагьясӧ (Леонид Палкин Самсон // Литературная тетрадь «Удораса пионерьяс. Медводдза воськовьяс. Косланская СШ. 1949». Рукопись. Самиздат. Место хранения: Е.В. Остапова, СГУ, Финно-угорская кафедра. 2020) 'Так умирающий Самсон перед смертью угостил своих ненавистных врагов'.

-ИГГӨГӨР

Тэ сійөс мун да ставсө ваё шыблав, мед кылалө, шондi лэччигггггөрыс сэтчө воан на, а войнас ставыс эштас... (Пыстин И.И. Запань // Пыстин И. Бөрийөм гижөдъяс. – Сыктывкар: «Кола» небөг лэдзанін ООО», 2009. – 544 лб.) 'Ты пойд и всё это брось в воду, чтобы уплыло, еще успеешь на заходе солнца туда прийти, а ночью всё решится'.

-АНДОР:

Шондi лэччандор перед заходом солнца (Коми-роч кывчукөр, 2000: 375).

-ИГ ВЫЛӨ

уд. *Урыд сюрө кокнас капкан кытиас. Кытисө карөма пружинаыс збигиг былө* (ST. В.П. 1989:358) 'Белка попадает лапой в кольцо капкана. Кольцо сделано для того, чтобы сбить пружину (букв. для сбивания пружины)';

уд. <...> *новлөдлөны закус'итиг былө н'ан' выйкөт* (ST. В.П. 1989: 358) 'носят, чтобы перекусить, хлеб с маслом'.

-ИГ МЫНДА

Мамыд өдзөстө пөдлалас, игналас и пукяс ен ув пельөсас. Кык вокыд (найө вөлөмась кык чөрт) кутасны мөдарад тиөтиш пырны. Игана өдзөстө оз вермыны восьтыны, кутасны өдзөстө йирны. Йирасны юр төриг мында розь, сэсся петук горөдас «Кикируку!» – и чөртъяс вошөны (Лёк монь да чөртъяс: Мойд // Коми мойдан кывъяс: чукөртыс А.А. Цембер. – Усть-Сысольск, 1913. – 40, [1] л.б.).

-МӨН МЫНДА

Черыс сөмын этиша лои, пумөн мында кымын, кыйсьынысө эз на эштив (Тима Вень Трипан Вась // Редери К. Зырянская хрестоматия. 1978: 120) 'Только рыбы мало оказалось, примерно столько, чтобы сварить, порябачить еще не успел'.

-МӨН ВЫА:-

А мыйөн пө вован судзмөн выа, шу пө, сабля пө, секи-руби пополам (Висер вожса 1986: 134) '... А как подойдешь до той меры, что можно достать, скажи «сабля, секи-руби пополам»';

А сэк кості Иван вовис судзмөн выа (Висер вожса 1986: 135) 'А тем временем Иван приблизился настолько, чтоб можно было его достать';

Приказчикъяс, кѣнешнѣ, кѣжѣдѣсны ассыныс вѣлъяссѣ бѣр, Василий Иванович веськѣдчис Петербургѣ, бабас тыдавмѣн выяын бѣрсяс (Висер вожса 1986: 186) 'Приказчики, конечно, отвели своих лошадей обратно, Василий Иванович направился в Петербург, за ним жена в пределах (на расстоянии) видимости'.

ИГДОР-ЫД

kulig : k.-dorid gerni za'voŋi:tin
(IV 37) jetzt, da du dem Tode
bist (da du am Sterben bist), has
zu pflügen angefangen. *k.-dor jur*
mēdas Le (IV 41) dem Tode n

Куліг: *кулігдорыд* гѣрны заводитін
'Незадолго до смерти начал пахать'
Кулігдор юрбитны мѣдас 'Перед
смертью начал молиться'

(Fokos-Fuchs 1959: T. I, c. 500–501).

УД. -ТѢДЗ ВОЙДѢР; -ТИСЬ ВОЙДѢР ВВ.; -ТИСЬ ВѢТ'ТИ

ВОЙДѢР скр. сс., *войдор* вв. (Бог. Крч.) вым.
войдар нв. печ., *вольдар* сс., *водзжык* иж,
вѣтъті уд., *вѣйтѣти* уд. (Мез.), *ѣдзжык* вс.—
прежде, раньше; *посл.* до, прежде, раньше
чего-л.; *кувтѣдз войдѣр* скр., *кувтѣсь войдор*
вв. (Бог.)—до смерти, прежде чем умереть;
шонды петтѣсьыс вѣйтѣти уд. (Удор)—до
восхода солнца; *мунтѣсис войдор* вв. (Бог.)—
до ухода, прежде чем уйти ему; *ме вѣтѣсьыс*
вѣтъті уд. (Гл.)—до моего прихода.

(ССКЗД 1961: 56)

-ӨМПЫР

Слово Святаго отца нашего Иоанна Златоустаго на Пасху – Кыл мыан Вежа айлөн Зарнивома Иоанлөн Ыджылдун вылө / На зырянский язык перевел священник Александр Сахаров. Санкт-Петербург, 1899. С. 7:

И сѣе предприѣмый исаѣа
возопи: аѣх, глаголетъ, ѡгор-
чѣа, ерѣтъ тѣ долѣ.

Исаѣа, сы жылыс водѣ
тѣдѣмпыр, горѣдыс: ад дѣу-
гылымыс, кодыр Тенѣ адѣмыс
ас пыдыжасын.

Ѳгорчѣа, иѣо ѡуиразл-
ниѣа. Ѳгорчѣа, иѣо порѣ-
ганъ быѣтъ. Ѳгорчѣа, иѣо
ѡумертвыѣа. Ѳгорчѣа, иѣо
нижложнѣа. Ѳгорчѣа, иѣо
сказѣа.

Дѣугылымыс, сыпонда мыѣ сыѣ
тыртѣммѣдѣма ломыс; дѣугы-
мыс, сыпонда мыѣ сыѣ жанѣдѣ-
ма ломыс; дѣугылымыс, сыпонда
мыѣ сылѣн номыс воыс; дѣу-
гылымыс, сыпонда мыѣ сыѣ
чѣлѣтѣма ломыс; дѣугылымыс, сы-
понда мыѣ сыѣ јѣналѣма ломыс.

-ИГПЫР

Слово Святаго отца нашего Иоанна Златоустаго на Пасху – Кыл мыан Вежа айлөн Зарнивома Иоанлөн Ыджылдун вылө / На зырянский язык перевел священник Александр Сахаров. Санкт-Петербург, 1899.

Стр. 3:

Ѳце ктѣ рѣкъ клагораз-
ѣмный, да кнѣдетъ радѣа
къ радѣсть гѣа сѣогѣ.

Коды ем бурмылкъда морт,
сыѣ ѣолѣмнас гажѣдѣчыгпыр
мѣд пырас аслас Господѣ гажѣ.

Стр. 4:

Ѳце ктѣ по трѣтѣемъ
часѣ прѣнде, благодарѣ да
прѣзднѣетъ.

Коды коѣмѣд час бѣрын
воыс, сыѣ нѣмѣасыгпыр мѣд
гажѣдѣчас.

-ИГДЫРЙИ-

Но прѡщайтчиґдырйиыс бать съѡлѡмыс небзис сэтчѡдз, мый ачыс синваасис (Вурдов А. Вунлытѡм тшупѡдьяс // Войвыв кодзув. – 2010. – № 4. – Лб. 43–54) 'И во время прощания сердце отца оттаяло настолько, что сам пустил слезу';

Он нуѡд менѡ паськыд видзьяс шѡрѡ, Кѡн ытшикиґдырйи кѡтасьлывліс кок (Некрасов А.В. Томдырся кад // Мишарина А.П., Напалков В.Е., Некрасов А.В. Куим сыланкыв: кывбурьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. – Лб. 122.) 'Не поведешь меня к луговому ручью, Где мочил ноги во время сенокоса'.

Конструкции «ACCUSATIVUS CUM PRÄDICATIVO»

Tälern. || *k.-pi* (scheltend) Le: *ok tɜ k.-pi!* Le (FUF XVI 256) o du Teufelssohn! *tšäŋtas loktigîn k.-piŋ* Le (IV 58) sie wird glauben, ein Teufelssohn kommt (der Mann war ins Wasser gefallen). || *k.-pian* (scheltend): *ti k.-*

(Fokos-Fuchs 1959: T. I, с. 500–501).

Чайтис локтиґын культисѡ 'Думал, что идет сын водяного'

kolig- : oz (ɔ : ož)- *šu koligîn* Le (III 453) er sagt, dass er es nicht brauche (eig. er sagt nicht, dass er es brauche).

(Fokos-Fuchs 1959: T. I, с. 468).

Оз шу коліґын 'Говорит, что не нужно'.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. Общее понятие о деепричастии	
1.1. Представление о деепричастии в лингвистике	8
1.2. Деепричастия в зырянских, коми-пермяцких диалектах и литературных языках.....	10
Глава II. Синтаксические свойства деепричастий. История вопроса	
2.1. Изучение синтаксиса деепричастия в отечественной лингвистике.....	21
2.2. Изучение синтаксиса деепричастия в финно-угроведении.....	26
2.3. История изучения коми деепричастий и их синтаксических свойств .30	
2.3.1. Исследования в области коми-зырянского языка	30
2.3.2. Исследования в области коми-пермяцкого языка	43
Глава III. Компоненты деепричастного оборота	
3.1. Зависимые компоненты деепричастного оборота.....	51
3.1.1. Компонент конструкции – существительное / местоимение	51
3.1.2. Компонент конструкции – послеложно-именное сочетание.....	55
3.1.3. Компонент конструкции – прилагательное / адъективное местоимение	56
3.1.4. Компонент конструкции – наречие / адвербиальное местоимение	58
3.1.5. Компонент конструкции – инфинитив	61
3.1.6. Компонент конструкции – деепричастие	64
3.1.7. Деепричастные конструкции с придаточными предложениями..	65
3.2. Компоненты актуализации деепричастных оборотов внутри предложения.....	67
3.2.1. Актуализация субъекта деепричастного оборота.....	67
3.2.2. Усилительно-выделительные элементы при деепричастных конструкциях.....	79
Глава IV. Деепричастные конструкции в составе предложения	
4.1. Опорные формы деепричастия в составе предложения.....	81
4.2. Средства выражения связей и отношений деепричастий и деепричастных конструкций в предложении.....	85

4.3. Вопрос о соотносительности деепричастных оборотов с другими конструкциями (на примере деепричастия на - <i>ömön</i>).....	90
---	----

Глава V. Функции деепричастий и деепричастных конструкций в предложении

5.1. Деепричастия и деепричастные конструкции в функции обстоятельства.....	103
5.2. Обособленные деепричастия и деепричастные конструкции с пояснительно-уточняющей функцией.....	110
5.3. О функции второстепенного сказуемого деепричастий.....	111
5.4. Деепричастия в составе сказуемого.....	113
5.5. Деепричастия и деепричастные конструкции в атрибутивной функции.....	126
5.6. Деепричастие – предикат объекта.....	131
5.7. Переход деепричастий и деепричастных сочетаний в категорию служебных слов.....	133
5.8. Деепричастные конструкции в функции средства формирования субъективно-модального значения – вводного сочетания.....	140
5.9. Контекстуальные особенности деепричастий и деепричастных конструкций в коми языке.....	143

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....146

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ.....151

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....186

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Сводная таблица деепричастных форм коми-зырянского и коми-пермяцкого языков в литературном языке и диалектном континууме (по данным различных источников).....	188
Приложение 2. Примеры с редкими, устаревшими, малораспространенными, диалектными формами деепричастий.....	194

Научное издание

Ольга Ивановна Некрасова

ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В КОМИ ЯЗЫКЕ

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН (протокол № 4 от 03.03.2021 г.)

Редактор О.А. Гросу

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Дизайн обложки – Я.С. Куликова

Корректурa английского текста – Н.Е. Слепчина

Лицензия № 0047 от 10.09.99.

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Подписано в печать 11.01.2022.

Уч.-изд. л. 12,25. Усл. печ. л. 12,62. Тираж 500. Заказ № 4.

Редакционно-издательский отдел ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, ГСП-2, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 48.